

ISSN 2542-2197

ВЕСТНИК

МОСКОВСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО ЛИНГВИСТИЧЕСКОГО УНИВЕРСИТЕТА

ГУМАНИТАРНЫЕ НАУКИ

2019 13 (829)

МГЛУ

МИНИСТЕРСТВО НАУКИ И ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ
РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

ФЕДЕРАЛЬНОЕ ГОСУДАРСТВЕННОЕ БЮДЖЕТНОЕ
ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЕ УЧРЕЖДЕНИЕ ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ
«МОСКОВСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ ЛИНГВИСТИЧЕСКИЙ УНИВЕРСИТЕТ»

Год основания издания – 1940

1930

**ВЕСТНИК
МОСКОВСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО
ЛИНГВИСТИЧЕСКОГО УНИВЕРСИТЕТА**

ГУМАНИТАРНЫЕ НАУКИ

Москва
ФГБОУ ВО МГЛУ
2019

13

выпуск 829

MSLU

MINISTRY OF SCIENCE AND HIGHER EDUCATION
OF THE RUSSIAN FEDERATION
FEDERAL STATE BUDGETARY
EDUCATIONAL INSTITUTION OF HIGHER EDUCATION
"MOSCOW STATE LINGUISTIC UNIVERSITY"

The year of foundation – 1940

1930

**VESTNIK
OF MOSCOW STATE
LINGUISTIC UNIVERSITY**

HUMANITARIAN SCIENCES

Moscow
FSBEI HE MSLU
2019

13

Issue 829

Печатается по решению Ученого совета
Московского государственного лингвистического университета

Главный редактор
доктор филологических наук, профессор **Г. Г. Бондарчук**

РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ

Алиева Н. М., д-р филол. наук, проф. (Азербайджан)
Воронина Г. Б., канд. филол. наук, проф. (МГЛУ)
Гаспарян Г. Р., д-р филол. наук, проф. (Армения)
Голубина К. В., канд. филол. наук, проф. (МГЛУ)
Гомес М. К., проф. лингвистики (Кадис, Испания)
Дудик Н. А., канд. филол. наук (МГЛУ)
Имамовода М. С., д-р филол. наук, проф. (Таджикистан)
Ирисханова К. М., канд. филол. наук, проф. (МГЛУ)
Ирисханова О. К., д-р филол. наук, проф. (МГЛУ)
Краева И. А., канд. филол. наук, проф. (МГЛУ)
Красноженова Г. Ф., д-р социол. наук, проф. (МГЛУ)

Кунанбаева С. С., д-р филол. наук, проф. (Казахстан)
Медведева Т. В., канд. филол. наук, проф. (МГЛУ)
Моисеенко Л. В., д-р филол. наук, проф. (МГЛУ)
Мусаев А. И., д-р филол. наук, проф. (Кыргызстан)
Ноздрина Л. А., д-р филол. наук, проф. (МГЛУ)
Писанова Т. В., д-р филол. наук, проф. (МГЛУ)
Радченко О. А., д-р филол. наук, проф. (Россия)
Русецкая М. Н., д-р пед. наук, проф. (Россия)
Сорокина Т. С., д-р филол. наук, проф. (МГЛУ)
Убин И. И., д-р филол. наук, проф. (МГЛУ)

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ

Бондарев А. П., д-р филол. наук, проф. (МГЛУ)
Васильюк И., канд. филол. наук (Польша)
Воробьев В. В., д-р филол. наук, проф. (РУДН)
Ганин В. Н., д-р филол. наук, проф. (МПГУ)
Голубкова Е. Е., д-р филол. наук, проф. (МГЛУ)
Гусейнова И. А., д-р филол. наук, доц. (МГЛУ)
Евдокимов А. Ю., академик РАЕН, д-р техн. наук,
канд. культурологии, доц. (МГЛУ)
Евтушенко О. В., д-р филол. наук, доц. (МГЛУ)
Жаринов Е. В., д-р филол. наук, доц. (МПГУ)
Жданова Л. М., канд. филол. наук, доц. (МГЛУ)
Захари Захариев, д-р филол. наук, проф.
(Болгария)
Карневская Е. Б., канд. филол. наук, проф.
(Беларусь)
Косиченко Е. Ф., д-р филол. наук, доц. (МГЛУ)
Кузнецов В. Г., д-р филол. наук, проф. (МГЛУ)
Малыгина И. В., д-р филол. наук, проф. (МГЛУ)
Осьминина Е. А., д-р филол. наук, проф. (МГЛУ)
Полетаева М. А., канд. культурологии, доц. (МГЛУ)
Порохницкая Л. В., д-р филол. наук, проф. (МГЛУ)
Потапова Р. К., д-р филол. наук, проф. (МГЛУ)
Семина И. А. д-р филол. наук, доц. (МГЛУ)

Силантьев Р. А., д-р истор. наук, доц. (МГЛУ)
Собакин А. Н., д-р филол. наук, доц. (МГЛУ)
Сомова Е. В., д-р филол. наук, проф. (МПГУ)
Сухарев Ю. А., д-р филол. наук, проф. (МГЛУ)
Тёмкин В. А., канд. истор. наук, доц. (МГЛУ)
Толкачев С. П., д-р филол. наук, проф. (Литературный ин-т им. М. Горького)
Травников С. Н., д-р филол. наук, проф.
(Ин-т рус. яз. им. Пушкина)
Трыков В. П., д-р филол. наук, проф. (МПГУ)
Уралова Л. А., канд. филол. наук, доц. (МГЛУ)
Фадеева Г. М., канд. филол. наук, доц. (МГЛУ)
Харитончик Э. А., д-р филол. наук, проф.
(Беларусь)
Хитина М. В., д-р филол. наук, доц. (МГЛУ)
Цветаяева Е. Н., канд. филол. наук, доц.
(МГЛУ)
Ченки А. Дж., д-р наук по славянским языкам (Нидерланды)
Чернозёмова Е. Н., д-р филол. наук, проф.
(МПГУ)
Янулевичене В., д-р гуманитарных наук,
проф. (Литва)

СОДЕРЖАНИЕ

ЯЗЫКОЗНАНИЕ

<i>Викулина М. А.</i> Стереотипизация названий нормативно-правовых актов (на примере «Title VII of the Civil Rights Act 1964»)	9
<i>Имбер С. Ю.</i> Комментарии в социальной Сети как гипертекст: на примере новостной группы Spiegel Online на «Facebook»	21
<i>Калашникова Е. В.</i> Рекламный текст как отражение национальных ценностей	35
<i>Куликова К. С.</i> Нелинейная проза как необходимый элемент изучения анализа дискурса	48
<i>Медведева Е. С., Чеснокова О. С.</i> Лингвокогнитивный анализ испанских загадок о животных	59
<i>Похолкова Е. А., Селезнёва Д. В.</i> Опыт перевода рассказа Кан Бён Юна «Продам костюм супермена»	72
<i>Таймур М. П.</i> Когнитивный диссонанс в смешанных метафорах и малафорах на английском языке	84
<i>Ускова Т. В.</i> История формирования англоязычной юридической терминологии.....	96
<i>Шалова Е. Н.</i> Аргументация в тексте письменного решения Федерального Конституционного суда ФРГ	106
<i>Шелехов Д. М.</i> Методика социофонетического эксперимента (на материале английского языка)	118

ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЕ

<i>Ганин В. Н.</i> Чосер в ритме рэпа (по книге П. Агбаби «Сказка сказывается»)	129
<i>Дружков Я. М.</i> Идиолект поэта (на материале произведений Леона Фелипе)	145
<i>Юнкова Е. П.</i> Межтекстовые связи в повести Дж. М. Барри «Питер и Венди» и ее переводах на русский и испанский языки	155

КУЛЬТУРОЛОГИЯ

<i>Васильев В. А.</i> V век – «Золотой век» духовной культуры Армении	164
<i>Малыгина И. В.</i> Идентичность в пространстве пост-культуры	173
<i>Полетаева М. А.</i> Становление и развитие канадского мультикультурализма: опыт культурологического анализа	186

CONTENTS

LINGUISTICS

<i>Vikulina M. A.</i> Stereotypization of the Names of Statutory Instruments (based on «Title VII of the Civil Rights Act 1964»)	9
<i>Imber S. Yu.</i> Web Comments as Hypertext: Spiegel Online News Group on Facebook	21
<i>Kalashnikova E. W.</i> Advertising Text as Reflection of National Values	35
<i>Kulikova K. S.</i> Nonlinear Narrative as a Necessary Element in the Study of Discourse Analysis	48
<i>Medvedeva E. S., Chesnokova O. S.</i> Linguocognitive Analysis of Spanish Animal Riddles	59
<i>Pokholkova E. A., Selezneva D. V.</i> Translation Experience of 'Selling Superman's Costume' by Kang Byoung Yoong	72
<i>Taymour M. P.</i> Cognitive Dissonance in Mixed Metaphors and Malaphors in English	84
<i>Uskova T. V.</i> History of the Formation of English Legal Terminology	96
<i>Chalova E. N.</i> Argumentation in a Written Decision of the Federal Constitutional Court of Germany	106
<i>Shelekhov D. M.</i> Methodology for Conducting a Sociophonetic Experiment (on the material of the English language)	118

LITERARY STUDIES

<i>Ganin V. N.</i> Chaucer in the Rhythm of Rap (about P. Agbabi's book "Telling Tales")	129
<i>Druzhkov Ya.</i> Poetical Idiolect (on the example of Leon Felipe's poems)	145
<i>Yunkova E. P.</i> Intertextuality in James Barrie's Novel "Peter and Wendy" and Its Translations into Russian and Spanish	155

CULTUROLOGY

<i>Vasilyev B. A.</i> Golden V Century of Spiritual Culture of Armenia	164
<i>Malygina I. V.</i> Identity in the Space of Post-Culture	173
<i>Poletaeva M. A.</i> Formation and Development of Canadian Multiculturalism: a Case Study of Cultural Analysis	186

УДК 81'42

М. А. Викулина

старший преподаватель кафедры лингвистики и профессиональной коммуникации в области права Института международного права и правосудия Московского государственного лингвистического университета;
e-mail: vikulina_maria@mail.ru

СТЕРЕОТИПИЗАЦИЯ НАЗВАНИЙ НОРМАТИВНО-ПРАВОВЫХ АКТОВ (на примере «Title VII of the Civil Rights Act 1964»)

В статье рассматривается процесс стереотипизации названий нормативно-правовых актов на примере «Title VII of the Civil Rights Act 1964» (Главы VII Закона о гражданских правах 1964 г.). Материалом для исследования послужили тексты решений Верховного суда США, на основании которых представляется возможным проследить как этапы формирования стереотипа, так и его дальнейшее тиражирование и воспроизведение в судебном дискурсе. Сформированный в результате стереотип *Title VII* содержит представление о сфере правоотношений, виде правонарушения и характеристиках сторон в качестве когнитивно-информационного компонента и имеет негативно окрашенный оценочный компонент ввиду прямой ассоциации с дискриминацией на рабочем месте.

Ключевые слова: стереотип; когнитивно-информационный компонент; оценочный компонент; судебный дискурс; нормативно-правовой акт; дискриминация.

M. A. Vikulina

Senior Lecturer, Department of Linguistics and Professional Communication in Law, Institute of International Law and Justice, Moscow State Linguistic University;
e-mail: vikulina_maria@mail.ru

STEREOTYPIZATION OF THE NAMES OF STATUTORY INSTRUMENTS (based on «Title VII of the Civil Rights Act 1964»)

The article focuses on the process of stereotypization of the names of statutory instruments and comprises an analysis of “Title VII of the Civil Rights Act 1964” (Title VII). The abovementioned analysis has been based on the US Supreme Court decisions that makes it possible to trace stages of the formation of the stereotype as well as to expose its distribution and reproduction in the courtroom discourse. The stereotype of Title VII encapsulates the type of the legal relations, the type of the offence and specific features of the parties as its cognitive-informative component and includes a negative evaluative component that is directly associated with discrimination at work.

Key words: stereotype; cognitive-informative component; evaluative component; courtroom discourse; legal act; discrimination.

Введение

В настоящее время всё большую популярность приобретает когнитивный подход к изучению юридических терминов и правовых понятий. За последние годы исследователи рассматривали правовые понятия с точки зрения различных когнитивных моделей, что позволило составить более точное представление о формировании и функционировании терминосистем различных отраслей права.

Особое место в исследованиях занимает изучение стереотипов как «квантов» знаний. Работы, посвященные проблеме функционирования правовых стереотипов и правовых установок, встречаются во всех областях научного знания. Авторы, занимающиеся данной проблематикой, сходятся во мнении, что выявление и исследование закономерностей и особенностей формирования и функционирования правовых стереотипов и правовых установок необходимо для определения возможных векторов развития всех сфер жизни общества.

В рамках данного исследования мы обратились к процессу стереотипизации правовых понятий и, в частности, названий нормативно-правовых актов.

Впервые термин «стереотип» ввел американский социолог и журналист У. Липпман в 1922 г. У. Липпман рассматривал стереотип как упорядоченные, схематичные, предопределяемые культурой образы сознания, т. е. некоторые «картинки» в голове носителя языка, которые позволяют сэкономить усилия при восприятии сложных объектов мира и фиксируют общие для всех представителей социума ценности, позиции и права. Стереотипы выступали в роли некоторых образцов восприятия, отбора и обработки/интерпретации информации при соприкосновении с реалиями окружающего мира, при этом ключевую роль при формировании и тиражировании стереотипов играл предыдущих социальный опыт [Липпман 2004].

С тех пор стереотипами занимались исследователи разных отраслей знаний: социологии, политологии, культурологии, этнографии, психологии и физиологии, когнитивистики, лингвистики и др. В зависимости от поставленных наукой задач слово «стереотип» как понятие рассматривалось под разными ракурсами и приобретал специфические черты как в определении, так в и терминологическом обозначении. Ученые выделяли различные виды стереотипов в зависимости от предмета и метода соответствующей науки: стереотип социальный, ментальный, расовый, профессиональный, коммуникативный,

гендерный, языковой, речевой, политический, мыслительный, поведенческий, культурный, этнический, этнокультурный и т. д.

В зависимости от целей исследований были предложены различные классификации стереотипов: гетеростереотипы и автостереотипы, личностные и событийные, интенциональные и спонтанные, позитивные и негативные и т. д.

В. А. Пищальникова вводит понятие «конвенциональный стереотип», рассматривая стереотип как «когнитивную структуру с фиксированной оценкой представляемого знания, функционирующей в качестве психологического механизма стабилизации социально значимой деятельности» [Пищальникова, Дмитриева 1997, с. 80–84, Пищальникова 1999, с. 165]. Двумя основными компонентами в структуре стереотипа являются когнитивно-информационный (т. е. непосредственно зафиксированное в данном стереотипе «знание о мире») и эмоционально-чувственный, представляющий оценочную составляющую (т. е. отношение представителей социума к данному виду знания). Именно эмоция, по мнению В. А. Пищальниковой, определяет деятельностный характер стереотипа и выступает в качестве его доминантного компонента. Представленное стереотипом знание является социально одобренным, и, как результат, предполагает заданные социумом определенные реакции и модели поведения [Пищальникова 1999]. В. А. Пищальникова подчеркивает, что ассоциативные реакции на стереотип характеризуются большей однородностью у разных представителей общества по сравнению с реакциями на соответствующий концепт, а содержание языкового компонента отличается высокой степенью стандартизованности.

Вслед за В. А. Пищальниковой, мы полагаем, что стереотип имеет деятельностный характер, и стереотип правового понятия дает «установку» на определенное правовое поведение или предписанное законом социальное поведение, т. е. на основании правовых стереотипов и стереотипов правовых понятий в обществе формируются правовые установки.

Стереотипизация правовых понятий предполагает процесс обобщения и схематизации преобладающих в том или ином обществе образов и оценок, связанных с неким понятием, относящимся к области права. Правовое понятие фиксирует при помощи единиц естественного языка определенное знание о стереотипных событиях и ситуациях в сфере правоотношений. Можно сказать, что правовое

понятие «кодирует» в себе некое количество релевантной для данной области знаний информации и является сжатой заменой развернутого описания, определения или даже целого нормативного документа.

На основании вышесказанного предлагается рассмотреть этапы стереотипизации названия нормативно-правового акта, поскольку, с нашей точки зрения, стереотипизации могут подвергаться не только сами правовые понятия, но и нормативно-правовые акты, закрепляющие определенные модели правового поведения, вид правонарушения и характер субъектов правоотношений. В качестве примера рассмотрим процесс стереотипизации названия нормативно-правового акта: «Title VII of the Civil Rights Act 1964», *сокр.* Title VII (Главы VII Закона о гражданских правах 1964 года).

Формирование стереотипа

Title VII (Глава VII Закона о гражданских правах 1964 года) посвящена дискриминации на рабочем месте. Коротко основное содержание данной главы закона можно свести к следующему утверждению:

Title VII of the Act ... outlaws discrimination in employment in any business on the basis of race, color, religion, sex or national origin. Title VII also prohibits retaliation against employees who oppose such unlawful discrimination.

Глава VII Закона ... запрещает дискриминацию на рабочем месте в любой компании на основании расы, цвета кожи, религии, пола или происхождения. Глава VII также запрещает сводить счеты с сотрудниками, которые противодействуют такой незаконной дискриминации¹.

В качестве субъектов правоотношений, регулируемых Title VII, можно выделить организации, компании, работодателей и работников, представленных в тексте Главы лексемами: *a bona fide private membership club, employment agency, labour organization, company, a business, person, employee, employer*. Несмотря на то, что сфера деятельности субъектов правоотношений характеризуется словами *commerce* и *industry affecting commerce*, сфера самих правоотношений, регулируемых Title VII, вербализуется через глагол *to employ* и его производные.

Наиболее частотными лексемами, встречающимися в тексте Title VII, являются лексемы, отражающие характер правонарушения: *unlawful employment practices, discriminate against, (because of) his*

---

¹Зд. и далее перевод наш. – В. М.

race, color, religion, sex, or national origin, to limit, segregate, classify or refer for employment, disparate impact cases, complaining party, demonstrate. Относительно частотными – *to differentiate upon the basis of, preferential treatment, adversely affect.* Среди вышеуказанных лексем можно выделить лексемы, обозначающие действия, ущемляющие права граждан, и выраженные глаголами *discriminate against, limit, segregate, classify, differentiate upon the basis of* или существительными *unlawful employment practices, preferential treatment* и лексемы, обозначающие негативный результат этих действий, *disparate impact cases, complaining party, adversely affect.*

Процесс стереотипизации правовых понятий и, как в данном случае, названий нормативно-правовых актов предполагает три основных этапа: изначальное формирование признаков стереотипа в процессе интерпретации правовых понятий правоприменителями; дальнейшее тиражирование сформированного стереотипа в судах той же или нижестоящей инстанции; воспроизведение стереотипа в судебном дискурсе в более поздних делах [Викулина 2018, с. 38].

Закрепление информационного и оценочного компонентов за определенным языковым знаком происходит за счет многократного повторения и цитирования текста закона в определенной коммуникативной ситуации и при рассмотрении определенного типа дел.

Анализ более 30 дел, рассматриваемых на основании Title VII, позволил сделать вывод, что изначально Верховный суд США прибегает к дословному цитированию Главы VII или ее фрагментов, как в следующих примерах:

Section 703 (a) (1) of Title VII of the Civil Rights Act of 1964 provides in relevant part: It shall be *an unlawful employment practice* for an employer – (1) ... to discharge any individual, or otherwise *to discriminate against* any individual with respect to his compensation, terms, conditions, or privileges of employment, because of such individual’s race... [St. Mary’s Honor Ctr. v. Hicks, 1993].

Title VII of the Civil Rights Act of 1964, 78 Stat. 253, as amended, 42 U.S.C. 2000e et seq., makes it *an unfair employment practice* for an employer *to discriminate against* any individual with respect to hiring or the terms and condition of employment because of such individual’s race, color, religion, sex, or national origin; *or to limit, segregate, or classify his employees* in ways that *would adversely affect any employee* because of the employee’s race, color, religion, sex, or national origin [Wards Cove Packing Co. v. Antonio, 1989].

В результате постоянного повторения таких лексических единиц, как *an unfair employment practice, to discriminate against, or to limit, segregate, or classify his employees, would adversely affect any employee*, в тексте самого закона и при дальнейшем многократном цитировании фрагментов закона Верховным судом вербализованные данными лексическими единицами деяния и их последствия закрепляются в качестве признаков и формируют когнитивно-информационный компонент стереотипа, тогда как многократное упоминание прилагательных *unlawful* (незаконный) и *adverse* (негативный) в одном контексте с существительным *discrimination* составляют оценочный компонент стереотипа, поскольку вербализуют резко отрицательное отношение к подобным действиям работодателя.

В процессе интерпретации и квалификации дел на основании Title VII Верховный суд США уделяет особое внимание наличию «практики или политики работодателя» – данный фактор является квалифицирующим при рассмотрении данного типа дел:

Griggs v. Duke Power Co., 401 U.S. 424, 431 (1971), construed Title VII to proscribe “not only overt discrimination but also practices that are fair in form but discriminatory in practice.”

Thus, the question here is not whether we “approve” of petitioners’ employment practices or the society that exists at the canneries, but, rather, whether respondents have properly established that these practices violate Title VII [Wards Cove Packing Co. v. Antonio, 1989].

Употребление в одном контексте таких лексем, как *Title VII, overt discrimination, practices ... discriminatory in practice* или *employment practices* и *practices violate Title VII*, связывает на ментальном уровне Title VII с наличием дискриминирующей практики или политики работодателя, имеющей регулярный и ущемляющий права граждан характер. Верховным судом также выделяется и негативный эффект, который политика или практика работодателя оказывает на работника в результате ущемления его прав:

The Court of Appeals did not purport to hold that any specified employment practice produced its own *disparate impact that was actionable under Title VII* [Wards Cove Packing Co. v. Antonio, 1989].

В данном случае негативный эффект вербализуется выражением *disparate impact* – дифференцированное воздействие, означающим,

что пострадавшая сторона находится в менее выгодном положении по сравнению с остальными работниками / соискателями должности.

Таким образом, у сформированного на основании нормативно-правового акта и решений Верховного суда стереотипа Title VII можно выделить следующие признаки:

- наличие трудовых отношений (*employment*);
- ущемление прав сотрудника (*to discriminate against, to limit, to segregate, to classify his employees*);
- неправомерная практика/политика работодателя (*an unfair employment practice*);
- негативные последствия для работника (*would adversely affect any employee*).

Более того, поскольку в самом Законе 1964 года Конгресс не дает точной дефиниции понятия «дискриминация», Верховный суд при определении данного понятия опирается на «бытовое» представление о правонарушении и разделяет резко отрицательное отношение общества к нему:

Particularly in the case of *defining the term “discrimination,”* which Congress has nowhere in Title VII defined, those cases afford an existing body of law analyzing and discussing that term in a legal context not wholly dissimilar to the concerns which Congress *manifested in enacting Title VII* [General Elec. Co. v. Gilbert, 1976].

Таким образом, между действиями работодателя, описанными в нормативно-правовом акте, эффектом, который эти действия оказывают на работника, и «бытовым» пониманием дискриминации Верховным судом ставится знак равенства, что также способствует закреплению когнитивно-информационного и оценочного компонентов стереотипа.

Тиражирование и воспроизведение стереотипа в дискурсе

В дальнейшем характер правонарушения (*to discriminate against, to limit, segregate, or classify his employees*) и его последствия (*would adversely affect*) воспринимаются как типичный случай дискриминации и начинают ассоциироваться с самим нормативно-правовым актом – Title VII – и подразумеваться в дискурсе при отсылке к тексту закона:

This framework has gained wide acceptance, not only in cases *alleging discrimination* on the basis of “race, color, religion, sex, or national origin” *under Title VII* [St. Mary’s Honor Ctr. v. Hicks, 1993].

The rejected applicant files suit for *racial discrimination under Title VII*, and before the suit comes to trial, the supervisor who conducted the company’s hiring is fired [St. Mary’s Honor Ctr. v. Hicks, 1993].

Because “*Title VII tolerates no racial discrimination, subtle or otherwise,*” *id.*, at 801, we devised a framework that would allow both plaintiffs and the courts *to deal effectively with employment discrimination* revealed only through circumstantial evidence [St. Mary’s Honor Ctr. v. Hicks, 1993].

При употреблении Title VII в качестве определения к другому существительному актуализируются все признаки стереотипа. Так, при употреблении Title VII в сочетании со словом *discrimination* – *дискриминация* в правовом дискурсе актуализируется определенный тип дискриминации:

Such a practice would not pass the simple test of *Title VII discrimination* that we enunciated in *Los Angeles Department of Water & Power v. Manhart*, 435 U.S. 702, 711, 98 S.Ct. 1370, 1377, 55 L.Ed.2d 657 (1978), for it would treat a male employee with dependents in a manner which but for that person’s sex would be different [*Newport News Shipbuilding and Dry Dock v. EEOC*, 1983].

Данный тип дискриминации, «закодированный» когнитивно-информационным компонентом стереотипа Title VII, сформированного на базе решений Верховного суда США, будет: 1) относиться к дискриминации на рабочем месте; 2) предполагать наличие дискриминирующих практик или политик работодателя, дифференцирующих отношение на основании расы, пола, возраста или иного фактора; 3) подразумевать негативные последствия для работника, а также его ущемленные права.

Следующие примеры демонстрируют актуализацию стереотипа Title VII в сочетании с существительным *case – дело*:

This, of course, was not intended to be an inflexible rule, as the Court went on to note that «[t]he facts necessarily will vary in *Title VII cases*, and the specification ... of the prima facie proof required from respondent is not necessarily applicable [438 U.S. 567, 576] in every respect to differing factual situations [*Furnco Construction Corp. Waters* (1978), # 77-369, 1978].

JUSTICE BRENNAN, joined by JUSTICE MARSHALL, JUSTICE BLACKMUN, and JUSTICE STEVENS, concluded that, when a plaintiff in a *Title VII* case proves that her gender played a part in an employment decision, the defendant may avoid a finding of liability by proving by a preponderance of the evidence ... [Price Waterhouse 1989].

Conventional rules of civil litigation generally apply in *Title VII* cases, and one of these rules is that the parties need only prove their case by a preponderance of the evidence [Price Waterhouse v. Hopkins, 1989].

Во всех трех примерах актуализация признаков стереотипа Title VII является необходимым условием для понимания, о какой категории дел идет речь:

- 1) дела, связанные с трудовыми отношениями;
- 2) дела, предполагающие наличие прав и обязанностей работника и работодателя в области трудовых отношений;
- 3) дела, основанные на том, что работодатель принял неблагоприятное решение или отказал в трудоустройстве на основании дискриминирующего фактора, например расы, пола, возраста и т. д.;
- 4) дела, описывающие, что ущемление прав произошло в результате неправомерной, но регулярной практики или политики работодателя;
- 5) дела, напрямую ассоциирующиеся с дискриминацией;
- 6) дела, вызывающие порицание и осуждение действий работодателя со стороны общества.

Все квалифицирующие признаки выводятся из интерпретации положений Главы VII. Предполагается, что актуализация всех признаков стереотипа происходит только в сознании представителя профессионального сообщества, знакомого с текстом нормативно-правового акта и постоянно соприкасающегося с интерпретацией текста закона и решениями Верховного суда. У представителя непрофессионального сообщества стереотип Title VII, релевантный в данной коммуникативной ситуации и «кодирующий» в своем когнитивно-информационном компоненте значительную часть необходимой для правильного восприятия текста информации, либо не будет актуализироваться, либо будет вызывать общие/отдаленные ассоциации с дискриминацией в целом в ее бытовом понимании.

То же справедливо и для актуализации стереотипа Title VII в отношении определенного типа исков и лиц, подающих эти иски.

В следующих примерах упоминание названия нормативно-правового акта (Title VII) в отношении искового заявления актуализирует все признаки стереотипа Title VII в качестве оснований для подачи иска:

From these factual findings, the District Court concluded that respondents had failed to make out a *Title VII claim* under the doctrine of *Griggs v. Duke Power Co* [*Furnco Construction Corp. v. Waters*, (1978) No. 77-369, 1978].

Where the *Title VII claim* is that a facially neutral employment practice actually falls more harshly on one racial group, thus having a disparate impact on that group, our cases establish a different way of proving the claim [*Furnco Construction Corp. v. Waters*, (1978) No. 77-369, 1978].

За счет актуализации признаков стереотипа Title VII (т.е. «трудовые отношения», «ущемление прав на основании дискриминирующего признака», «наличие практики/политики работодателя» и «негативного эффекта для пострадавшей стороны») в данной коммуникативной ситуации становится понятно, о каких типах исков и требованиях к ним идет речь. Это:

- 1) исковые заявления, касающиеся сферы трудовых отношений;
- 2) подаваемые в случае ущемления прав работника в результате неблагоприятного решения работодателя, основанного на дискриминирующем факторе (раса, пол, возраст и т. д.);
- 3) основанные на факте наличия дискриминирующей политики/практики работодателя;
- 4) требующие компенсации за тот негативный эффект, который работник испытал на себе в результате практики/политики работодателя.

Аналогичным образом в дискурсе воспроизведение стереотипа Title VII может определять тип истца, обладающего определенными правами в трудовых отношениях:

But McDonnell Douglas did make clear that a *Title VII plaintiff* carries the initial burden of showing actions taken by the employer from which one can infer, if such actions remain unexplained, that it is more likely than not that such actions were based on a discriminatory criterion illegal under the Act (*Furnco Construction Corp. v. Waters*, (1978) No. 77-369, 1978).

В данном случае упоминание Title VII за счет актуализации признаков стереотипа формирует представление о том, кто и при наличии

каких условий имеет право подавать иск на основании Главы VII Закона о гражданских правах 1964 г.: *a Title VII plaintiff – истец, подающий исковое заявление на основании Главы VII* – это прежде всего лицо, подвергнувшееся дискриминации со стороны работодателя в результате проводимой работодателем политики, ущемляющей интересы истца, в сфере трудовых отношений.

Заключение

Таким образом, в процессе интерпретации правовых понятий и нормативно-правовых актов Верховным судом США стереотипизации подвергаются не только сами правовые понятия, но и названия актов, «кодирующие» в сознании представителей профессионального сообщества целые определения или содержание документа. Процесс стереотипизации названий нормативно-правовых актов включает в себя ряд этапов: от полного цитирования до формирования ригидной структуры, фиксирующей в сознании носителей языка признаки стереотипа. За счет актуализации признаков стереотипа в дискурсе упрощается процесс коммуникации, поскольку стереотип выступает как квинтэссенция накопленного профессионального опыта, процессуальных принципов и судебной практики.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Викулина М. А. Лингвистический механизм стереотипизации правового понятия «disparate treatment» // Вестник Московского государственного лингвистического университета. Гуманитарные науки. 2018. Вып. 18 (816). С. 34–45.
- Литтман У. Общественное мнение / пер. с англ. Т. В. Барчуновой ; ред. пер. К. А. Левинсон, К. В. Петренко. М. : Общественное мнение, 2004. 384 с.
- Пицальникова В. А., Дмитриева Н. Л. Конвенциональный стереотип: сущность, структура, функционирование // Изв. АГУ. 1997. № 2 (4). С. 80–84.
- Пицальникова В. А. Психопоэтика : монография / М-во общ. и проф. образования Рос. Федерации. Алт. гос. ун-т. Барнаул : Изд-во Алт. гос. ун-та, 1999. 173 с.
- Furnco Construction Corp. v. Waters. 1978. No. 77–369. 438 U. S. 569. URL: supreme.com/cases/federal/us/438/567.
- Newport News Shipbuilding and Dry Dock v. EEOC, 1983. URL: wards.covepacking.co.v.antonio, 1989. URL: caselaw.findlaw.com/us-supreme-court/490/642.html.

St. Mary's Honor Ctr. v. Hicks, 1993. URL: caselaw.findlaw.com/us-supreme-court/509/502.html.

REFERENCES

- Vikulina M.A.* Lingvističeskij mehanizm stereotipizacii pravovogo ponjatija «disparate treatment» // Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo lingvističeskogo universiteta. Gumanitarnye nauki. 2018. Vyp. 18 (816). S. 34–45.
- Lippman U.* Obshhestvennoe mnenie / per. s angl. T.V.Barchunovoj ; red. per. K.A.Levinson, K.V.Petrenko. M. : Obshhestvennoe mnenie, 2004. 384 s.
- Pishhal'nikova V.A., Dmitrieva N.L.* Konvencional'nyj stereotip: sushhnost', struktura, funkcionirovanie // Izv. AGU. 1997. № 2 (4). S. 80–84.
- Pishhal'nikova V.A.* Psihopojetika : monografija / M-vo obshh. i prof. obrazovanija Ros. Federacii. Alt. gos. un-t. Barnaul : Izd-vo Alt. gos. un-ta, 1999. 173 s.
- Furnco Construction Corp. v. Waters. 1978. No. 77–369. 438 U. S. 569. URL: supreme.com/cases/federal/us/438/567.
- Newport News Shipbuilding and Dry Dock v. EEOC, 1983. URL: caselaw.findlaw.com/us-supreme-court/490/642.html.
- St. Mary's Honor Ctr. v. Hicks, 1993. URL: caselaw.findlaw.com/us-supreme-court/509/502.html.

С. Ю. Имбер

преподаватель кафедры лингвистики и профессиональной коммуникации в области права Института международного права и правосудия Московского государственного лингвистического университета; e-mail: yanaimber@yandex.ru

КОММЕНТАРИИ В СОЦИАЛЬНОЙ СЕТИ КАК ГИПЕРТЕКСТ: НА ПРИМЕРЕ НОВОСТНОЙ ГРУППЫ SPIEGEL ONLINE НА «FACEBOOK»

В статье рассматриваются комментарии к новостным сообщениям, публикуемым в социальных сетях: описывается процедура сбора материала исследования; обосновываются выделенные автором принципы классификации новостных рубрик; выявляются рубрики, представляющие наибольший интерес для пользователей социальной сети «Facebook». На примере комментариев в социальной сети иллюстрируются явления, характеризующие их гипертекстуальную природу.

Ключевые слова: интернет-лингвистика; социальная сеть; комментарий; гипертекст; пост; «лайк»; фрагментарность; нелинейность; бесконечность; разнородность; интерактивность.

S. Yu. Imber

Lecturer, Department of Linguistics and Professional Communication in Law, Institute of International Law and Justice, Moscow State Linguistic University; e-mail: yanaimber@yandex.ru

WEB COMMENTS AS HYPERTEXT: SPIEGEL ONLINE NEWS GROUP ON FACEBOOK

The article analyzes the users' news post comments in the web.

Web communication has become one of the novel and rapidly developing forms of information exchange, which accounts for the necessity of exploring its means and contributing to the relatively new area of media linguistics studies.

The news posts published on newspaper websites and in social media are a powerful tool of forming public opinion which is provided with the help of multiple linguistic means and communicative techniques molding the public views. The article explores which news posts elicit the strongest response from the users, how the users evaluate them, which verbal and nonverbal means they adopt, etc.

The article describes the material compilation procedure, explains the principles of news sections classification determined by the author, points out the sections which are of particular interest for Facebook users. It also examines the features of the web comments revealing their hypertextual nature.

Key words: internet linguistics; social network; comment; hypertext; post; "like"; fragmentarity; nonlinearity; endlessness; diversity; interactivity.

Введение

Тексты массовой информации, или медиатексты, становятся сегодня всё более распространёнными: от новостей, передаваемых разными каналами до постов¹ конкретных людей в социальных сетях. Функционирование языка в СМИ изучает медиалингвистика – гуманитарная дисциплина, зародившаяся ещё в 1970-е гг. как в Великобритании и США, так и в России [Добросклонская 2008]. К началу XXI в. был создан необходимый базис накопленных знаний в области исследования языка СМИ, что позволило в дальнейшем выделить медиалингвистику как самостоятельное научное направление.

Отечественная медиалингвистика начала свое развитие с исследований С. И. Бернштейн («Язык радио»), Б. В. Кривенко («Язык массовой коммуникации: лексико-семиотический аспект») и других работ, которые заложили фундамент для дальнейшего развития дисциплины. Одним из направлений медиалингвистики является интернет-лингвистика, изучающая особенности функционирования языка в интернет-коммуникации [Компанцева 2008; Лутовинова 2009]. Относительную новизну данной дисциплины можно объяснить тем, что Интернет широко распространился в мире лишь в последние 10–15 лет. Теперь люди используют информационное пространство не только в профессиональных или учебных целях, как это было во время его появления, но и для развлечения, для того, чтобы заявить или напомнить о себе (примером этого являются страницы пользователей в социальных сетях), выразить свое мнение или же опровергнуть чужое (блоги, посты в социальных сетях, каналы на «YouTube»).

Интернет-пространство диктует пользователям свои правила относительно создания текстов (например, ограничение количества знаков в «Twitter», «хэштеги» в «Instagram» и других социальных сетях). Социальные сети, такие как «ВКонтакте» и «Facebook» (далее – FB), дают пользователям больше свободы для творчества и самовыражения через написание комментариев, сообщений и постов (например, максимальный размер комментария на FB – 7999 символов, в то время как в «Instagram» максимальная длина описания фотографии – 2200 символов). Пользователи могут написать и опубликовать свой

---

¹Пост – это информационный блок, размещенный пользователем в социальной сети, блоге, микроблоге, форуме и пр. (www.glossary-internet.ru/terms/%cf/3556/).

собственный текст, могут сделать «репост» чужого текста, со своим комментарием к написанному, или же могут просто прокомментировать чужой текст. Именно последний вариант привлек наше внимание.

Материал исследования и процедура его анализа

В данной статье мы попытались ответить на следующие вопросы: какие новости вызывают у пользователей наибольший интерес? Как пользователи выражают свое мнение о проблеме, затронутой в прокомментированном ими тексте? Какие языковые средства они используют? Насколько технические ограничения в сфере интернет-коммуникации влияют на выражение мысли? Учитывая не прямое взаимодействие пользователей, держатся ли они в рамках приличий или последние стираются в ситуации общения в Интернете?

За основу исследования мы взяли немецкоязычное интернет-пространство, а именно – социальную сеть FB, новостную группу SPIEGEL ONLINE, представляющей в социальной сети сайт www.spiegel.de печатного журнала DER SPIEGEL.

Процесс сбора информации и его анализ осуществлялся по следующему алгоритму:

1) за определенный период времени (календарный месяц) были выделены публикации, вызвавшие у участников группы наибольший интерес;

2) наиболее популярные посты были разделены на две группы: самые комментируемые и те, которые получили максимальное количество «лайков».

Таким образом, за 30 календарных дней в тренд выходили более 40 постов группы, так как одна и та же новость получала, к примеру, максимальное количество комментариев, но недостаточное количество «лайков», чтобы выйти вперед, и наоборот;

3) новости, попавшие в тренд за месяц, были разделены на рубрики, из которых мы выделили наиболее интересные для пользователей;

4) из всех новостей, получивших максимальное количество комментариев, был составлен рейтинг пяти самых популярных. Именно с комментариями к этим новостям была продолжена работа;

5) из новостей, получивших наибольшее количество «лайков» были выделены пять самых популярных. Эти данные послужили в дальнейшем для обозначения границ интересов пользователей.

При распределении новостей по рубрикам мы отклонились от классификации, предлагаемой редакцией SPIEGEL ONLINE по ряду причин. *Во-первых*, для анализа материала нам нужно более детальное деление на рубрики с учетом проблематики статьи. Например, статью «Frank Ribery mit beleidigenden Äußerungen auf Instagram und Twitter»¹ SPIEGEL ON-LINE относит к рубрике «Sport» («Спорт»), так как главный герой – известный спортсмен, при этом статья не касается непосредственно спорта. Речь идет о поступках определенного человека, и неважно знаменитость он или нет. При этом в статье упоминается даже его имя, возраст и т. д. Таким образом, для нашего анализа будет целесообразнее выделить рубрику «Leute» («Люди»). В эту же группу мы отнесли такие статьи, как «Washington: Barack Obama als Weihnachtsmann im Krankenhaus»², «Kongressabgeordnete kontert mit Tanzvideo»³. Похожая ситуация с новостями, в которых упоминаются имена политиков. Например, новости «FDP-Chef gegen Schülerdemos fürs Klima, Eine Sache für Profis»⁴ и «Bär nennt gendergerechte Schreibweisen, gaga»⁵, по версии SPIEGEL ONLINE, относятся к теме «Politik» («Политика»), хотя, по сути, политические вопросы в них не обсуждаются. В этом случае при подробном рассмотрении статей на первый план выходят проблемы общества, чем мы и руководствовались при распределении этих новостей в рубрику «Gesellschaft» («Общество»).

Во-вторых, в нашей классификации и при составлении рейтингов новостей мы акцентировали особое внимание на тех рубриках, которые наиболее актуальны и интересны для пользователей. По этой причине нам пришлось отказаться от нескольких подрубрик, предлагаемых SPIEGEL ONLINE. Например, рубрика «Gesellschaft» / «Konsum» («Общество/потребление») объединяет новости, затрагивающие

---

¹ RUL: www.spiegel.de/sport/fussball/franck-ribery-mit-beleidigenden-aeusserungen-auf-instagram-und-twitter-a-1246588.html.

² URL: www.spiegel.de/panorama/leute/washington-barack-obama-als-weihnachtsmann-im-krankenhaus-a-1244719.html.

³ URL: www.spiegel.de/video/alexandria-ocasio-cortez-kontert-kritik-an-tanzvideo-video-99023985.html

⁴ URL: www.spiegel.de/politik/deutschland/christian-lindner-schueler-sollen-in-freizeit-fuer-klimaschutz-demonstrieren-a-1257086.html.

⁵ URL: www.spiegel.de/politik/deutschland/dorothee-baer-csu-gendergerechte-schreibweisen-vergewaltigen-sprache-a-1256747.html.

покупательскую способность людей, их предпочтения и т. д. В среднем из 50 самых актуальных постов за месяц максимум только две новости будут относиться к этой подрубрике, за период с 6 марта по 6 апреля 2019 г. ни одна новость по этой теме не попала в наш рейтинг самых комментируемых или популярных. В связи в этом мы решили упразднить в нашей классификации рубрику «Gesellschaft» / «Konsum» («Общество»/«потребление») и включить все новости по этой теме в общую рубрику «Gesellschaft» («Общество»). По этой же причине мы объединили рубрики «Vorfall» («Происшествия») и «Justiz»/«Polizei» («Правосудие»/«полиция»). Такое обобщение в данном случае помогло нам не отвлекаться на менее важные подрубрики, а сосредоточиться на более актуальных новостях.

Еще одна проблема, с которой мы столкнулись при классификации новостей, состояла в широте охвата проблем в некоторых сообщениях. Так, в статье «Londons Bürgermeister zeigt Brexit den Mittelfinger»¹, с одной стороны, речь идет о государственном деятеле, который однозначно показал свое отношение к внутренней и внешней политике своего государства. Таким образом, данную публикацию мы можем отнести к рубрике «Politik» («Политика»). С другой стороны, мы говорим о конкретном поступке отдельного человека, в нашем случае достаточно известного и экстраординарного политика. С этой точки зрения новость может быть включена в рубрику «Leute» («Люди»). По нашему мнению, данную статью можно подвести и под тему «Gesellschaft» («Общество»), так как мэр Лондона выражает своим поступком не только собственное мнение, но и позицию многих своих сограждан. Подобная сложность возникла с новостью «Der Fall Claas Relotius – Wir haben sehr viele Fragen an uns selbst»², в которой речь идет о так называемых *fake news*, или сфабрикованных новостных материалах, которые журнал печатал на протяжении нескольких лет. «SPIEGEL ONLINE» отнес данную публикацию к рубрике «Politik» («Политика»), имея в виду внутреннюю политику журнала. Нам, однако, видится, что эта новость затрагивает одну из самых острых проблем СМИ сегодня – сфабрикованные, ложные новости, которые, с одной стороны, вызывают определенную реакцию

---

¹ URL: www.facebook.com/spiegelonline/posts/10157400417209869.

² URL: www.spiegel.de/politik/deutschland/der-fall-claas-relotius-wir-haben-sehr-viele-fragen-an-uns-selbst-a-1244196.html/

в обществе, с другой оказывают влияние на современную культуру. Данная новость в нашем анализе может быть отнесена к рубрикам «Gesellschaft» («Общество») и «Kultur» («Культура»).

Таким образом, мы выделили десять основных рубрик, а именно: «Politik» («Политика»), «Gesellschaft» («Общество»), «Leute» («Люди»), «Kultur» («Культура»), «Umwelt» («Окружающий мир»), «Justiz, Polizei, Vorfall» («Правосудие, полиция, происшествия»), «Mobilität» («Мобильность»), «Leben, Lernen» («Учеба и жизнь»), «Internet» («Интернет»), «Wirtschaft» («Экономика»).

За период с 6 декабря 2018 г. по 6 января 2019 г. и с 6 марта по 6 апреля 2019 г. максимальный интерес участников группы привлекли новости из рубрики «Политика», второе место разделили новости из рубрик «Общество», «Окружающая среда» и «Правосудие, полиция, происшествия».

Популярность новостной рубрики «Политика» можно объяснить следующими факторами:

1) частое освещение СМИ новостей по данной теме, например в анализируемой нами группе 30 % из публикуемых за день новостей можно отнести к данной рубрике, в то время как на рубрики «Культура», «Экономика», «Люди» приходится менее 10 % всех новостей за день;

2) политическая ангажированность участников группы. Согласно классификациям МОТ и ВОЗ1 большинство пользователей можно отнести к возрастным группам «ранний взрослый возраст» (25–35 лет) и «средний взрослый возраст» (36–45 лет) [Цыганков, Жаркова 2009]. Как правило, такие люди интересуются политикой либо находятся в поиске единомышленников, чье мнение отвечает их видению ситуации, либо являются давними приверженцами определенной политической позиции или партии и живо защищают свои или ее интересы в спорах и разговорах с другими пользователями.

Характеристика комментариев

Анализируя язык пользователей, мы обнаружили, что в комментариях доминирует так называемая устно-письменная форма общения, когда в письменной форме общения прослеживаются признаки

---

¹Международная организация труда и Всемирная организация здравоохранения.

контактного устного общения [Казак 2012, с. 320–334]. Многие исследователи считают, что это вызвано новой формой речевого поведения пользователей социальных сетей. Комментирующие высказывают свою точку зрения, критикуют, спорят, вступают в открытую полемику с другими пользователями, что многие из них не позволили бы себе сделать в реальной жизни. Это говорит о «психологической раскрепощенности, ненормативности ... в выборе высказываний и поступков» [Горошко 2014, с. 30]. Данное явление можно проиллюстрировать следующим примером:

Новость «Asien: Brunei führt Todesstrafe für gleichgeschlechtlichen Sex ein»¹, опубликованная 27 марта 2019 г., в анализируемой группе получила максимальное число комментариев и «лайков» за день и попала в наш рейтинг. При анализе наше внимание привлек следующий комментарий от редакции «SPIEGEL ONLINE»:

SPIEGEL ONLINE Es ist ja nicht so, als hätten wir hier nicht schon viele wirklich schlimme Kommentare gelesen – aber was zum Teil unter diesem Artikel steht, ist menschenverachtend. Wir werden die entsprechenden Kommentare löschen und NutzerInnen sperren. KEIN PLATZ FÜR HOMOPHOBIE!

Этот комментарий позволяет сделать вывод, что многие участники группы не стеснялись в выражениях, когда высказывали свою точку зрения. Отметим, что с 1 января 2018 г. согласно Закону об улучшении правоприменения в социальных сетях² все оскорбительные или разжигающие ненависть комментарии, посты, видео и картинки подлежат немедленному удалению из социальных сетей, а пользователи, нарушившие данные правила, получают сначала предупреждение, а при повторном нарушении – блокируются.

Читая комментарии, можно прийти к выводу, что язык, которым пользуются участники, те лексико-грамматические средства, которые они выбирают, разительно отличаются от языка художественных текстов. Прилагательные сочетаются с существительными, относящимися к разговорному стилю, что подтверждает выявленное нами доминирование новой, устно-письменной формы общения: «Das ist totaler

---

¹ URL: www.spiegel.de/panorama/justiz/brunei-fuehrt-todesstrafe-fuer-gleichgeschlechtlichen-sex-ein-a-1259961.html.

² URL: www.bundestag.de/dokumente/textarchiv/2017/kw26-de-netzwerk-durchsetzungsgesetz-513398

Humbug!»). Преобладают прямолинейные высказывания, участники «не ходят вокруг да около», часто просто выражая свое мнение, при этом, никак не аргументируя его, например: «Also ich finde das nicht erschreckend», «nur klauen, das ist doof». Некоторые объяснили бы такое явление ленью, неначитанностью или недостатком образования у комментирующих. Мы придерживаемся несколько иной точки зрения. Интернет и, в частности, социальные сети, позволили людям высказываться практически по любому поводу, большинство хотят быть услышанными, считают, что просто промолчать и «пролистать» страницу – было бы неправильным, если есть свобода слова и самовыражения, этим непременно надо воспользоваться, именно поэтому под некоторыми новостями накапливается большое количество таких неаргументированных комментариев.

Размер и наличие аргументов в комментариях зависят, по нашему мнению, от многих факторов: от возраста комментатора, уровня образования, жизненного опыта и от индивидуальных качеств. Анализ показал, что люди постарше имеют тенденцию подкреплять свою точку зрения доказательствами, создавая при этом объемные комментарии. Мы думаем, что это может быть связано с тем, что к моменту распространения Интернета как средства коммуникации, у этих людей уже сложились свои традиции и привычки в написании текстов. Можно вспомнить о письмах, отправляемых по почте, написание которых для молодого поколения представляется проблематичным. Пользователи, связанные с обсуждаемой темой профессионально, приводят наглядные примеры; читающие могут получить своеобразную «профессиональную оценку» события, хотя здесь нельзя забывать о субъективных факторах.

Говоря о комментариях, содержащих негативную и/или скептическую оценку, стоит упомянуть фразы, эксплицитно демонстрирующие отношение комментатора к теме или предыдущему комментарию, например «selten so einen Schwachsinn gelesen und ich lese viel»; «das ist doch Blödsinn was du da kommentierst»¹; «Sorry, Ihr Argument ist unsinnig».

Также стоит обратить внимание на графический язык идеограмм и на акронимы. Например:

---

¹Зд. и далее сохранена орфография и пунктуация автора.

Aber das spielt da ja keine Rolle, sind ja keine Rolle, sind ja auch nur Menschen lol; Bierflasche am Kopf, Kasse klauen – ganz normale Weihnachtsfeier. 🍷

Идеограммы, или эмодзи, добавляются пользователями в комментариев по следующим причинам: некоторым трудно подобрать подходящие слова для выражения своих эмоций – значок эмодзи в таких случаях продемонстрирует это нагляднее; многие пользователи ставят несколько эмодзи сразу друг за другом, например:

Ich dachte nur die Berliner Polizisten könnten feiern?
Gut angeschaut, liebe Hannoveraner!

Подобным способом можно привлечь внимание к посту или своему комментарию, получить «лайки» или репосты, вступить в беседу с другими пользователями. Что касается акронимов, они просто позволяют комментирующим экономить время написания текста. Некоторые акронимы можно заменить на соответствующий эмодзи, например, «lol» (laughing out loud) на 😂, другие же пока не имеют альтернативы: «OMG ... das kann nicht sein ... wirklich schrecklich... bin sprachlos» (oh my god!) и др.

Интересными в этом отношении являются комментарии, содержащие иронию или сарказм. Чтобы понять, что имел в виду комментирующий, пользователю нужно разобраться в предыдущих комментариях, которые повлекли за собой подобную негативную реакцию. Ироничные замечания, смысл которых складывается из многих частей, свидетельствуют о гипертекстуальности комментариев, которая является одной из категорий, характеризующих медийный интернет-текст [Рязанцева 2010].

Комментарии в социальных сетях как гипертекст

На сегодняшний день существует несколько направлений исследования гипертекста. Остановимся на определении электронного гипертекста, предложенного О. В. Дедовой, и на видении гипертекста как способа коммуникации и организации сетевого социального пространства (А. Е. Войскунским, М. А. Гутник, Г. М. Дудниковой и др.) [Лутовинова 2009, с. 5]. Итак, под электронным гипертекстом как особым типом текста О. В. Дедова понимает «модель организации электронного текста, характеризующуюся специфической структурированностью и разветвленной системой программно поддерживаемых

внутритекстовых и межтекстовых переходов, предполагающую возможности читательского интерактивного воздействия на последовательность воспроизведения композиционных единиц» [Дедова 2006, с. 11]. К основным характеристикам можно отнести его фрагментарность, нелинейность, бесконечность, разнородность и интерактивность [Лутовинова 2009].

Фрагментарность комментариев выражается в том, что «отправную точку», откуда начать читать, определяет только сам пользователь. В связи с этим социальная сеть FB предлагает пользователям выстроить комментарии под каждым постом в зависимости от предпочтений каждого:

1) по актуальности (комментарии от друзей и комментарии с наибольшим числом просмотров, реакций и ответов отображаются сверху);

2) по новизне (новые комментарии и комментарии с новыми ответами отображаются сверху);

3) все комментарии (отображаются все комментарии, включая комментарии на иностранных языках и возможный спам);

Кроме того, информация в таком гипертексте представляется «в виде “гнезд”, или звеньев-фрагментов» [Лутовинова 2009, с. 5]. Каждый комментарий – это своеобразное гнездо, которое порождает последующие реакции, таким образом часто возникает своеобразный полилог, в котором первоначальный комментирующий отвечает на вопросы других пользователей, защищает свою точку зрения и приводит дополнительные аргументы. Необходимо упомянуть различные виды гиперссылок, существующие на сегодняшний день. Например, чтобы открыть полилог, участник группы должен «кликнуть» на простую гиперссылку (внутренние ссылки с «выпадающим меню»).

Нелинейность комментариев как гипертекста выявляется при анализе ироничной оценки событий. Гипертекст комментариев выходит за рамки линейности традиционного, бумажного, текста и погружает пользователей в другое измерение – с помощью гиперссылок комментирующий может «погрузиться» в интересующую его тему, просмотреть похожие статьи на сайте газет или другие публикации в социальной сети по данному вопросу. Именно такая трехмерная модель является основой нелинейности гипертекста [Лутовинова 2009, с. 5].

Читая комментарии к публикации, мы можем просматривать только их, не открывая при этом полилоги, которые упомянуты выше. Мы

можем остановиться на самом актуальном комментарии и, проигнорировав другие, полностью погрузиться в полилог с другими пользователями, при этом часто можно наблюдать, как участники полилога переходят на страницы друг друга, выясняя тем самым возраст, пол, профессию и интересы своего визави. Для этого собеседники используют внутренние гиперссылки (ведущие на другую страницу того же самого сайта). Такую информацию они могут использовать для дальнейшей аргументации в споре или, если они не видят в этом дальнейшего смысла, для окончания беседы. Мы можем «пролистать» все комментарии, «выхватить» основные настроения и оценки других пользователей и перейти непосредственно к самой новости, прочитать ее полностью и составить свое мнение. Для этого используются внешние гиперссылки (ведущие на другой сайт). Разумеется, можно просто прочитать краткое содержание новости, не открывая при этом комментарии и не создавая свой. Все эти варианты поведения в социальных сетях свидетельствуют о том, что пользователи выходят за рамки линейности обычного текста, полностью меняя структуру, руководствуясь при этом лишь своими соображениями и желаниями.

Следующим признаком гипертекстуальности является бесконечность комментариев, так как они могут не иметь границ и окончания. Разумеется, наибольшее количество комментариев появляется под постом в течение нескольких часов после его опубликования, остальные могут добавляться в течение нескольких дней, а то и месяцев. Например, публикация «Süddeutschland: An Silvester droht Extremnebel und Feinstaubalarm»¹ от 29 декабря 2018 г. получила последний комментарий 3 января 2019 г. Новость «Was wirklich in der Supermarkt-Wurst steckt?»² от 18 декабря 2018 г. комментировалась и на момент написания данной статьи. Каждый пользователь решает сам, до какого момента он будет читать или «пролистывать» комментарии, будет ли он в последующие дни следить за появлением новых, отвечать или реагировать на них, прибегая к помощи «лайков».

Разнородность электронного гипертекста объясняется отсутствием у него единого центра, что в целом применимо и к анализируемому нами материалу. С одной стороны, мы можем рассматривать в качестве отправной точки первичную публикацию, которая и породила,

---

¹ URL: www.facebook.com/spiegelonline/posts/10157391968369869.

² URL: www.facebook.com/spiegelonline/videos/vb.38246844868/288993655086690/?type=2&theater.

в свою очередь, все комментарии. С другой стороны – как и границы, так и центр такого гипертекста определяется субъективными факторами. Для одних пользователей центром действительно будет являться изначальный «пост», он вызвал у них наибольший интерес. Для других же – интереснее узнать мнение остальных участников группы по данной публикации. Для них центром является, к примеру, комментарий, набравший большинство «лайков» и других реакций.

Участники группы, читая и комментируя новость, не потребляют готовый продукт, они становятся сами творцами гипертекста [Лутовинова 2009, с. 6]. По нашему мнению, признак интерактивности гипертекста комментариев является объединяющим для всех признаков, перечисленных выше. В центре стоит пользователь, который подстраивает текст под себя, сам определяет свое движение по нему (фрагментарность), решает, что будет центром, а что периферией (разнородность), в какой момент и когда гипертекст закончится для него, т.е. просто перестанет вызывать интерес или же он постоянно будет вести диалог с другими пользователями (бесконечность). Вслед за О.В. Лутовиновой, мы считаем, что центральное положение пользователя, в нашем случае комментатора, в виртуальном дискурсе поощряет постоянное стремление личности к саморепрезентации и самовыражению [Лутовинова 2009, с. 6]. Здесь можно привести данные о публикациях, попавших в наш рейтинг с максимальным количеством комментариев. Например, публикация «Was wirklich in der Supermarkt-Wurst steckt?»¹ имела за период с 6 декабря 2018 г. по 6 января 2019 г. 7.9 тыс. комментариев на момент составления рейтинга. При повторном просмотре новостей (6 июня 2019 г.) было обнаружено, что они не только по-прежнему актуальны, а число комментариев увеличилось до 14 тыс. Кроме того, интерактивность гипертекста комментариев подразумевает различные инструменты для работы с текстом в режиме он-лайн – от простого «пролистывания» или разворачивания «выпадающего меню» до копирования и цитирования.

Заключение

Проведенный нами количественный и качественный анализ показал, что новостные сообщения из рубрик «Политика», «Общество», «Окружающая среда», «Правосудие, полиция, происшествия»

---

¹URL: www.facebook.com/spiegelonline/videos/vb.38246844868/288993-655086690/?type=2&theater.

вызвали наибольший интерес у участников новостной группы «SPIEGEL ONLINE» в социальной сети «Facebook». Возможно, это объясняется частым упоминанием и обсуждением новостей из вышеуказанных рубрик в СМИ, а также социодемографическими факторами. При комментировании постов реализуется устно-письменная форма общения, основными компонентами которой являются языковые средства, относящиеся к разговорной речи, эксплицитно выражающие мнение, часто неаргументированное, иронию и сарказм, а также использование невербальных средств. Отметим широкое употребление идеограмм и акронимов, выделяющих комментарий среди прочих и усиливающих его экспрессивность.

Анализируя комментарии в социальной сети, мы выявили, что они обладают гипертекстуальными характеристиками: фрагментарностью, нелинейностью, бесконечностью, разнородностью, интерактивностью. Принимая во внимание не прямое взаимодействие среди участников диалога или полилога при комментировании публикаций, подчеркнем высокий уровень свободы при выражении своего мнения, нередко выходящий за рамки дозволенного.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Горошко Е. И.* Современная интернет-коммуникация: структура и основные параметры // Интернет-коммуникация как новая речевая формация / Т. Н. Колокольцева, О. В. Лутовинова (ред.). 2-е изд., стереотип. М. : ФЛИНТА : Наука, 2012. С. 9–52.
- Дедова О. В.* Лингвосемиотический анализ электронного гипертекста (на материале русскоязычного Интернета): автореф. дис. ... д-ра филол. наук. М., 2006. 536 с.
- Добросклонская Т. Г.* Медиалингвистика: системный подход к изучению языка СМИ: современная английская медиаречь. М. : ФЛИНТА : Наука, 2008. 264 с.
- Казак М. Ю.* Специфика современного медиатекста // Лингвистика речи. Медиастилистика: коллективная монография, посвященная 80-летию проф. Г. Я. Солганика. М., 2012. С. 320–334. URL: dspace.bsu.edu.ru/handle/123456789/8687 (дата обращения: 02.05.2019).
- Компанцева Л. Ф.* Интернет-лингвистика: когнитивно-прагматический и лингвокультурологический подходы: монография. Луганск : Знание, 2008. 528 с.
- Лутовинова О. В.* Гипертекст: понятие, основные характеристики, возможные подходы к лингвистическому анализу // Известия ВГПУ. 2009. Вып. 5.

URL: cyberleninka.ru/article/n/gipertekst-ponyatie-osnovnye-harakteristiki-vozmozhnye-podhody-k-lingvisticheskomu-analizu (дата обращения: 05.05.2019).

Рязанцева Т.И. Гипертекст и электронная коммуникация. М. : Эдиториал УРСС, 2010. 256 с.

Цыганков В.А., Жаркова С.Л. Классификация и систематизация трудоспособного населения по возрастным группам // ОНВ. 2009. № 4 (79). URL: cyberleninka.ru/article/n/klassifikatsiya-i-sistematizatsiya-trudosposobnogo-naseleniya-po-voznrastnym-grupptom (дата обращения: 23.06.2019).

REFERENCES

Goroshko E.I. Sovremennaja internet-kommunikacija: struktura i osnovnye parametry // Internet-kommunikacija kak novaja rechevaja formacija / T.N. Kolokol'ceva, O.V. Lutovinova (red.). 2-e izd., stereotip. M. : FLINTA : Nauka, 2012. S. 9–52.

Dedova O.V. Lingvosemioticheskiy analiz jelektronnogo giperteksta (na materiale russkojazychnogo Interneta): avtoref. dis. ... d-ra filol. nauk. M., 2006. 536 s.

Dobrosklonskaja T.G. Medialingvistika: sistemnyj podhod k izucheniju jazyka SMI: sovremennaja anglijskaja mediarech'. M. : FLINTA : Nauka, 2008. 264 s.

Kazak M.Ju. Specifika sovremennogo mediateksta // Lingvistika rechi. Mediastilistika: kollektivnaja monografija, posvjashhennaja 80-letiju prof. G. Ja. Solganika. M., 2012. S. 320–334. URL: dspace.bsu.edu.ru/handle/123456789/8687 (дата obrashhenija: 02.05.2019).

Kompanceva L.F. Internet-lingvistika: kognitivno-pragmaticheskij i lingvokul'turologicheskij podhody : monografija. Lugansk : Znanie, 2008. 528 s.

Lutovinova O.V. Gipertekst: ponjatie, osnovnye harakteristiki, vozmozhnye podhody k lingvisticheskomu analizu // Izvestija VGPU. 2009. Vyp. 5. URL: cyberleninka.ru/article/n/gipertekst-ponyatie-osnovnye-harakteristiki-vozmozhnye-podhody-k-lingvisticheskomu-analizu (дата obrashhenija: 05.05.2019).

Rjazanceva T.I. Gipertekst i jelektronnaja kommunikacija. M. : Jeditorial URSS, 2010. 256 s.

Cyganov V.A., Zharkova S.L. Klassifikacija i sistematizacija trudospobnogo naselenija po vozrastnym grupptom // ONV. 2009. № 4 (79). URL: cyberleninka.ru/article/n/klassifikatsiya-i-sistematizatsiya-trudosposobnogo-naseleniya-po-voznrastnym-grupptom (дата obrashhenija: 23.06.2019).

УДК 81'42, 811.112.2

Е. В. Калашникова

преподаватель кафедры лингвистики и профессиональной коммуникации в области права Института Международного права и правосудия Московского государственного лингвистического университета;
e-mail: katarinotchka21@yandex.ru

РЕКЛАМНЫЙ ТЕКСТ КАК ОТРАЖЕНИЕ НАЦИОНАЛЬНЫХ ЦЕННОСТЕЙ

В работе предпринята попытка показать отражение национальных ценностей жителей Германии в рекламных текстах, на примерах текстов интернет-рекламы автомобиля. Рассматриваются и анализируются лексические средства языка, используемые в текстах рекламы, как инструмент выражения ценностных ориентаций потребителя. Дается определение и общая характеристика понятия «ценность», приводится список общечеловеческих ценностей, конкретизируется список ценностей, характерных для жителей Германии. Кроме того, исследуется понятие «рекламный текст», описываются его основные характеристики и особенности воздействия на потребителя, а также рассматриваются и анализируются лексические средства языка, используемые в текстах рекламы, как инструмент выражения ценностных ориентаций потребителя.

Ключевые слова: реклама; рекламный текст; ценность; ценностные ориентации.

E. W. Kalashnikova

Lecturer, Department of Linguistics and Professional Communication in Law, Institute of International Law and Justice, Moscow State Linguistic University;
e-mail: katarinotchka21@yandex.ru

ADVERTISING TEXT AS REFLECTION OF NATIONAL VALUES

The purpose of this article is to show reflection of national values of the inhabitants of Germany in advertising texts. The analysis is carried out on the material of Internet texts advertising cars. Automobile advertising is chosen as a source of empirical material, since these advertising texts are most representative from the point of view of reflecting values of German speakers. Today, the Internet is one of the most popular sources of information and that is why the compilers of advertising texts use it to promote products. The development of effective advertising texts takes into account, among other things, values of a particular society. The main values are reflected in advertising texts and are one of the means of attracting attention.

The analysis of advertising texts was carried out on the basis of lists of values revealed in the course of modern researches of domestic and foreign authors. The article discusses and analyzes lexical means of the language used in advertising texts as a means of expressing the value orientations of the consumer.

The article gives the definition and general characteristics of the concept of “value”, provides a list of universal values, concretizes the list of values characteristic of the inhabitants of Germany. By identifying the main value orientations of the inhabitants of a country, we can talk about understanding the national mentality. In addition, the article defines the concept of «advertising text», describes its main characteristics and features of impact on the consumer.

Key words: advertising; advertising text; value; value orientations.

Введение

Развитие средств массовой информации привело к появлению большого количества рекламных текстов на страницах газет, журналов и в Интернете. Реклама является неотъемлемой частью жизни общества, подстраиваясь под потребности человека и меняясь вместе с ним. С изменениями в жизни общества меняется форма, содержание и характер самой рекламы. Рекламная сфера быстро реагирует на все новые идеи и тенденции, которые транслирует в своих сообщениях и использует их в качестве средств для привлечения внимания. В то же время реклама является отражением жизни и традиционных ценностей.

Ценности определенного народа неразрывно связаны с его культурой. М. Кучкер и С. Шмид определяют культуру как совокупность ценностей, норм, определенных установок и убеждений конкретного социального единства, которое выражается в многообразии форм поведения и артефактах (таких как традиции, обычаи и язык) и которое сформировалось с течением времени как ответ на многочисленные требования, предъявляемые этому социальному единству [Kutschker, Schmid 2011, с. 658]. Культура отражается в языке, который, в свою очередь, связан с жизнью общества, ведь познание мира происходит благодаря языку. Принимая во внимание гипотезу лингвистической относительности Э. Сепира и Б. Уорфа, которые утверждали, что «язык отражает культурные изменения, человеческие отношения, образ жизни социума, можно утверждать, что язык отражает культуру, но в то же время сам оказывает влияние на некоторые аспекты культуры, детерминирует восприятие картины мира. Язык и культура находятся в постоянном взаимодействии, и люди находятся под влиянием того языка, который стал средством выражения для общества, в котором они живут»¹.

---

¹Цит. по: [Молчанова 2014, с. 38].

Вильгельм фон Гумбольдт проводил исследование языка в его непосредственной связи с человеком, а также с его сознанием, мышлением и духовно-практической деятельностью. Он полагал, что «национальный характер культуры находит отражение в языке благодаря особому видению мира. Культура и язык связаны через значения языковых знаков, которые обеспечивают единство языка и культуры» [Гумбольдт В. 1985]. Опираясь на идеи В. фон Гумбольдта, а также Э. Сепира и Б. Уорфа о неразрывной связи языка и культуры, актуальным представляется исследование отражения культурных ценностей в современном языке на материале немецкой интернет-рекламы.

Воздействие рекламы на потребителей

Н. А. Красавский дает следующее определение рекламному тексту: «Печатный рекламный текст можно определить как структурно оформленное, смыслозавершенное, функционально организованное сообщение, адресант которого посредством применения определенных коммуникативных стратегий и тактик, реализуемых различными вербальными и невербальными средствами, ставит перед собой задачу психологического воздействия на адресата с целью приобретения последним предлагаемого товара или воспользования услугой» [Красавский 2011, с. 138].

Основной целью рекламных текстов, как известно, является непосредственное воздействие на потенциальных потребителей через средства массовой информации с той целью, чтобы убедить их в необходимости приобретения тех или иных товаров или услуг» [Добросклонская 2013, с. 68].

Реклама должна привлекать внимание, вызывать интерес и стимулирование сбыта товаров. Рекламный текст выстраивается таким образом, чтобы у потенциальных потребителей формировались определенные представления о том или ином предмете или явлении. Кроме того, воздействуя на воображение реципиента, рекламный текст должен вызывать ассоциации и создавать образы того, на что направлены стремления каждого человека. Склонности конкретного человека, в свою очередь, связаны с определенной картиной мира и его ценностной базой. Рекламная сфера проходит через все отрасли человеческой жизни и оказывает в современном обществе некоторое влияние на формирование жизненных ценностей и приоритетов.

Реклама, воздействуя на эмоции и чувства человека, может формировать мировоззрение и пропагандировать стиль жизни, апеллируя к ценностям, значимым для потребителя. Для каждого народа и конкретного человека можно выделить определенный характерный набор ценностей, которые могут быть направлены на различные сферы жизни и деятельности, например безопасность, красоту, надежность или удобство. Реклама является частью социальной среды и отражает социальные ценности общества, в котором она функционирует.

Группа ученых под руководством Р. Инглхарта на протяжении 30 лет реализует проект «Всемирное исследование ценностей» («World Values Survey» – WVS), который охватывает 95% человечества. Для выявления личностных ориентаций потребителей ценностного характера ученый использует список 47 базовых ценностей, объединенных в шесть основных групп. 1) материальные: власть, престиж, безопасность; 2) постматериалистические: благополучие, духовность, знание; 3) гедонистические: удовольствие, привлекательность; 4) традиционные: порядок, согласованность, дом; 5) социальные: семья, справедливость, ответственность; 6) индивидуалистические: уверенность в себе, свобода, индивидуальность [Федотова 2015, с. 173].

Ценность как социокультурный феномен

Понятие ценностей личности и общества

В качестве базового определения понятия «ценность» мы используем определение Л. В. Сурженко, которая характеризует его как «социальный феномен, который является важным связующим звеном между личностью, ее внутренним миром и окружающей действительностью. Ценности конкретной личности формируются под влиянием социальной среды» [Сурженко 2011, с. 10].

Это соответствует пониманию ценности немецкими учеными:

Der Wert ist so viel wie das positiv Beurteilte, also die Bedeutsamkeit gesellschaftlicher Erscheinungen, materieller und ideeller Güter, Verhaltensweisen, Errungenschaften, Ideale usw. für die Gesellschaft als Ganzes [Jugendlexikon. Philosophie 1986, с. 197].

Ценность – это нечто, положительно оцениваемое, включающее в себя не только значимость явлений, происходящих в обществе, но и материальные блага, манеру поведения, достижения и идеалы для общества, как единого целого¹.

---

¹Зд. и далее перевод наш. – Е. К.

По мнению нидерландского социолога Герта Хофстеде, культура является ядром всего общества и основой для формирования ценностей. Г. Хофстеде считает, что ценности – это широкораспространенные тенденции предпочитать одно положение вещей другому. Они могут иметь как положительные, так и отрицательные стороны. Это можно показать следующим образом:

- зло в сравнении с добром;
- грязь в сравнении с чистотой;
- безобразия в сравнении с красотой и т. д. [Hofstede 2001].

Ценностные ориентации являются важными элементами личностной структуры. Ценностная база отдельно взятой личности строится на общекультурных ценностях. Г.Г. Молчанова определяет понятие ценности следующим образом: «Это социальные принципы, цели, стандарты, принятые в данной конкретной культуре. Они невидимы и не так легко поддаются наблюдению, изучению и усвоению со стороны, легко блокируются “своими” от понимания “чужих”. Это наиболее глубинные проявления каждой культуры, наиболее трудные для интерпретации» [Молчанова 2014, с. 53]. «Индивидуальные ценности являются важнейшим компонентом структуры личности, они выполняют функции регуляторов поведения и проявляются во всех областях человеческой деятельности» [Сурженко 2011, с. 10].

Культурные ценности современного немецкого общества

Для каждой культуры, для каждого народа характерен свой набор ценностей. Для современного немецкого общества характерно наличие следующих ценностных ориентаций: ориентация на выполнение конкретных задач; значимость структур и правил; внутренний контроль за соблюдением правил; долгосрочное планирование; четкое разграничение между личной и общественной сферами жизни. Именно в данных характеристиках отражается связь с ключевыми концептами немецкой культуры «Ordnung» (порядок), «Fleiß» (прилежание), «Pünktlichkeit» (пунктуальность), «Sicherheit» (безопасность, уверенность), «Disziplin» (дисциплина), которые составляют основу немецкого менталитета [Медведева 2010].

К этому следует добавить, что в конце 1990-х гг. среди жителей Германии был проведен опрос, который имел своей целью выявить и определить типично немецкие ценности и качества. В этом опросе ведущие позиции заняли те же ценности, о которых речь шла выше,

а именно: *Zuverlässigkeit* – надежность, *Ordnung* – порядок, *Fleiß* – прилежание, *Perfektion* – перфекционизм, *Pünktlichkeit* – пунктуальность, *Sicherheit* – безопасность [Bausinger 2005, с. 30].

Немецкий философ и теоретик СМИ Норберт Болц опубликовал в 2018 г. свой список ценностей, характерных для немцев, где помимо уже упомянутых ценностей присутствуют и такие, как: *Freiheit* – свобода, *Anerkennung* – признание, *Gerechtigkeit* – справедливость, *Erfolg* – успех, *Natur* – природа, *Nachhaltigkeit* – экология и др.

Всю систему ценностей Болц сравнивает с солнечной системой, где самой главной ценностью, солнцем, является «свобода» [Bolz URL].

Проследить отражение этих ценностных ориентаций в языке можно на примере немецких рекламных текстов.

Языковые средства отражения ценностных ориентаций в рекламных текстах

Система ценностей отражает отношение человека к социальной действительности и оказывает огромное влияние на всю его деятельность. Любое общество имеет свою систему ценностных ориентаций, и именно в ней отражается самобытность той или иной культуры. Реклама является зеркалом этих процессов. «Эффективность рекламного текста зависит от удачного соединения всех составляющих его компонентов: изображение, звук, образ, словесная ткань» [Добросклонская 2013, с. 68]. Такой рекламный текст, где соединены вербальный и невербальный компоненты принято называть поликодовым, или креолизованным. Ю. А. Сорокин и Е. Ф. Тарасов определяют креолизованные тексты как тексты, фактура которых состоит из двух негомогенных частей: вербальной (языковой/речевой) и невербальной (принадлежащей к другим знаковым системам, нежели естественный язык) [Сорокин, Тарасов 1995].

В этой статье остановимся на анализе вербальной составляющей рекламного текста. В качестве эмпирического материала для данной статьи выступает интернет-реклама автомобилей. Реклама автомобиля в Германии позволяет наглядно показать, как ценностные ориентации потребителей находят отражение в языковых средствах, используемых при создании рекламных текстов. Прежде всего, необходимо определить лексические средства языка, на основе которых представлены национальные ценности в языке рекламы автомобиля.

Опираясь на результаты вышеупомянутого опроса граждан Германии, понятия «безопасность» и «надежность» являются одними из самых важных ценностей в жизни каждого человека. В рекламных текстах они находят отражение в следующих словах: *Sicherheit* – *безопасность*, *beruhigende Sicherheit* – *успокаивающая надежность*, *Fahrassistenzsystem* – *система помощи при вождении*, *rational* – *рациональный*. Например:

Elegantes Design und *smarte Assistenzsysteme* (умные системы помощи): Der Insignia-Fahrspaß und *Sicherheit* in ihrer schönsten Form. (www.opel.de/fahrzeuge/insignia/grand-sport/uebersicht.html).

Bei der *Sicherheit* wird der neue CLA plötzlich ganz *rational*. Aufregendes Design, *beruhigende Sicherheit*, *Fahrassistenzsysteme* auf Oberklassenniveau (www.mercedes-benz.de/passengercars/mercedes-benz-cars/models/cla/coupe-c118/safety.html).

Надежность в современном мире обеспечивается, в том числе использованием высоких технологий и разработок. Такое понятие, как «высокотехнологичность» неразрывно связано с пониманием безопасности и надежности. В рекламных текстах встречаются следующие выражения:

- eine Vielzahl an intelligenten Assistenten (разные системы помощи при вождении):
Mit einem einfachen „Hey BMW“ aktivieren Sie *den BMW Intelligent Personal Assistant*;
- stärkere und effizientere Motoren (более мощные и эффективные моторы):
Angetrieben wird der neue BMW 3er *von noch stärkeren und effizienteren Motoren*;
- die Matrix-Technologie (матричная технология):
Die Matrix – Technologie schließt andere Fahrzeuge automatisch und präzise aus dem Lichtkegel aus (www.opel.de/fahrzeuge/insignia/grand-sport/uebersicht.html);
- die Geschwindigkeit (скорость):
Schneller als je zuvor (быстрее, чем прежде), die Quintessenz *aus hoher Geschwindigkeit* und athletischer Performance (квинтэссенция из высокой скорости и эффективных технических характеристик) (www.mini.de/de_DE/home/range/mini-3-tuerer.html)

Вышеперечисленные упоминания технических средств и оборудования автомобиля демонстрируют значимость ценностей «безопасность и надежность» для современных немцев.

Одной из отличительных черт жителей Германии является особое внимание к защите окружающей среды. Забота об экологии – их приоритетная задача и именно поэтому составители рекламных текстов часто акцентируют внимание потребителей именно на этой, столь важной, ценности для немецкого общества. Ценность «Nachhaltigkeit» включает в себя несколько ключевых понятий: *экология (Ökologie)*, *экономика (Ökonomie)* (*бережное расходование природных ресурсов*) и *социальная справедливость (soziale Gerechtigkeit)*. В рекламных текстах обязательно встречаются данные о выбросе вредных веществ в атмосферу и о расходе топлива автомобиля. Например:

- *die offiziellen Angaben zu Kraftstoffverbrauch* (официальные данные о расходе топлива).
- *CO₂-Emissionen und Stromverbrauch* (выброс вредных веществ в атмосферу и потребление электроэнергии) (www.bmw.de/de/neufahrzeuge/m/m5-limousine/2019/bmw-5er-limousine-m-automobile-entdecken.html).

Подобная информация содержится и в других рекламных текстах, например в рекламе автомобиля «Audi»:

Der Audi A8 L als Plug-In-Hybrid. *Kraftstoffverbrauch* kombiniert. Benzin: 2,7-2,5 L/100 km. Strom: 21,2-20,9 kWh/100km. *CO₂-Emissionen*: 61-57 g/km (www.audi.de/de/brand/de.html).

Отражение таких современных ценностей немецкого общества, как успех и перфекционизм, можно проследить на следующем примере рекламы новой модели BMW. В рекламном тексте используются следующие выражения: *sportliches Design – спортивный дизайн*, *pure Fahrfreude – удовольствие от вождения*, *mit der stilprägenden Designsprache – со стильным дизайном*, *die Ikone für den Aufbruch in eine neue Ära – икона для прорыва в новую эпоху*, *die neueste Generation – новейшее поколение*, *der BMW Intelligent Personal Assistent – система помощи при вождении* (www.bmw.de/de/neufahrzeuge/3er/limousine/2018/bmw-3er-limousine-entdecken.html).

Обращает на себя внимание большое количество атрибутивных словосочетаний, в состав которых входят прилагательные и наречия. Они несут большую функциональную нагрузку и являются

ключевыми словами рекламного текста, так как выделяют в рекламируемом товаре самые лучшие стороны и качества, тем самым запуская механизмы воображения. В современных рекламных текстах присутствуют прилагательные и наречия во всех трех степенях сравнения, такие как: *die neueste Generation – новейшее поколение, von noch stärkeren und effizienteren Motoren – более мощными и эффективными моторам*, а также употребление прилагательных для описания самых различных свойств рекламируемого продукта, таких как: *pure Fahrfreude – удовольствие от вождения, die ultimative Sportlimousine – спортивный седан самой последней модели, völlig neu – абсолютно новый, eine neue Ära – новая эра, der neue BMW – новый БМВ, einer neuen Kraft – с новой силой*. Именно прилагательные и наречия создают ту настроенность рекламного обращения, которая передает достоинства и качества рекламируемого предмета.

В приведенных нами рекламных текстах повторяется прилагательное *neu*. Для потенциальных потребителей важен факт наличия чего-то нового, неизданного, необычного. Многие рекламные тексты, посвященные автомобилям, включают в себя информацию о новшествах выпускаемой модели, об ее усовершенствованных характеристиках. Этот факт можно подтвердить также рекламой автомобиля «Opel», которая включает в себя следующие выражения для отражения новизны в выпускаемой продукции:

- *neue Motoren – новые моторы;*
- *neues Fahrwerk – новая ходовая часть;*
- *neue Erlebnisse – новые события;*
- *Deutsche Ingenieurkunst in Perfektion – немецкое инженерное искусство в совершенстве;*

– *jede Fahrt so perfekt wie möglich zu machen – сделать каждую поездку настолько совершенной, насколько это возможно (www.opel.de/fahrzeuge/insignia/grand-sport/uebersicht.html).*

В этих примерах мы видим словосочетания с прилагательными *neu* и *perfekt*: *neue Motoren – новые моторы, neues Fahrwerk – новая ходовая часть, in Perfektion – в совершенстве, perfekt – совершенный*. Производитель обещает владельцу исключительность, новизну. Такие модели машин смогут подчеркнуть успех владельца, сформируют его имидж, как преуспевающего человека.

Составители немецких рекламных текстов автомобиля используют отсылки к таким ценностям, как безопасность, экологичность,

надежность, успех. Упоминание нескольких ценностных ориентаций в одном рекламном тексте повышает шансы производителя выгодно продать свой товар или хотя бы привлечь более широкую аудиторию.

Как известно, ценности закладываются на длительное время. Некоторые ценности являются характерными для одного народа на протяжении всей истории его существования и развития. Чтобы проследить, менялся ли набор ценностей, упоминаемых в рекламе автомобилей за последние десять лет, мы привлекли к анализу рекламные тексты автомобилей 2010–2012 гг. Диахронный анализ показал, что составители рекламных текстов акцентируют внимание потенциальных потребителей на тех же ценностях.

Реклама BMW в 2012 г. содержала следующую информацию о преимуществах автомобиля: *pure Dynamik – чистая динамика, höchste Effizienz – высокая эффективность, unverwechselbare Fahrfreude – неповторимая радость от вождения, Innovationsgeist – инновации, Designanspruch – совершенный дизайн* (Bunte. 26.04.2012.)

В рекламе «Mercedes» использовался почти такой же набор лексических средств для того, чтобы подчеркнуть наиболее важные для владельца автомобиля ценности. Например, «Das Beste oder nichts» (Самое лучшее или ничего) является слоганом всем известной марки «Mercedes», который в течение нескольких десятков лет отражает самые главные характеристики данного бренда, а именно – совершенство моделей и новизну выпускаемой продукции. В рекламных текстах использовались следующие примеры:

Das Auto, das sich perfekt den Wünschen des Fahrers und der jeweiligen Fahrsituation anpassen kann (Bunte 8.07.2010).

Автомобиль, который может идеально приспособиться к желаниям водителя и к текущей дорожной ситуации.

В рекламных текстах «Audi» и «Opel» новым инновациям и современному оснащению также уделялось большое внимание. Примеры из рекламного текста:

- das Lesen beibringen – оснащать функцией чтения;
- Ihre Handschrift intuitiv lesen – интуитивно считывать Ваш почерк;
- Buchstaben mit dem Finger auf die Oberfläche des optionalen MMI touch schreiben – писать пальцем по поверхности сенсорного экрана;
- das adaptive Sicherheitssystem – адаптивная система безопасности;

- mit 10 verschiedenen Lichtfunktionen – с десятью различными функциями освещения (*Freundin* 25.7.2012).

Экологичности уделялось несколько лет назад не меньше внимания, чем в настоящее время не только со стороны производителей автомобиля, но и со стороны потенциальных покупателей, что, безусловно, нашло свое отражение в рекламном тексте, например:

Kraftstoffverbrauch in l/100 km: kombiniert 5,6 – 4,1; *CO₂ – Emissionen* in g/km: kombiniert 130-106 (*Freundin* 25.7.2012).

В диахронном рассмотрении более четко прослеживается употребление определенных ценностей в рекламных текстах. На примере рекламы автомобиля можно увидеть отражение процессов, происходящих в том или ином обществе. Как показало исследование, для жителей Германии автомобиль представляет собой не только транспортное средство, но и является способом демонстрации социального статуса его собственника. В век современных технологий особую значимость для потенциальных потребителей приобретают такие характеристики автомобиля, как использование новейших разработок, прогрессивных технологий и усовершенствование моделей, а также его надежность и экологичность.

Заключение

Реклама в целом, или реклама автомобиля в частности, отражает процессы, происходящие в обществе, касающиеся социального и экономического аспекта. Реклама отражает национальную картину мира, но в то же время и закладывает основы в отношении человека к жизни, к мировосприятию, определяет поведенческие нормы и влияет на все сферы его жизни. Приобретение автомобиля в наше время является, с одной стороны, необходимостью современного общества, с другой – выражает престиж и статус владельца. Следовательно, будущий владелец подходит к покупке со всей ответственностью и по его предпочтениям можно судить и о том, какие ценности для него являются наиболее важными.

Подводя итоги данного анализа, следует отметить, что в рекламных текстах автомобиля в Германии можно увидеть отражение ценностных ориентаций: безопасность, надежность, экологичность, успех и перфекционизм.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Добросклонская Т. Г.* Вопросы изучения медиатекстов: Опыт исследования современной английской медиаречи. 4-е изд. М. : Красанд, 2013. 288 с.
- Гумбольдт В. фон.* Язык и философия культуры. М. : Прогресс, 1985. 450 с.
- Красавский Н. А.* Печатный рекламный текст как отражение системы ценностей социума // Рекламный дискурс и рекламный текст: коллективная монография / науч. ред. Т. Н. Колокольцева. М. : ФЛИНТА : Наука, 2011. 296 с.
- Медведева Т. С.* Ценности немецкого народа: история и современность // Вестник УдГУ. 2010. № 3. С. 130–134.
- Молчанова Г. Г.* Когнитивная поликодовость межкультурной коммуникации: вербалика и невербалика. М. : ОЛМА Медиа Групп, 2014. 206 с.
- Сорокин Ю. А., Тарасов Е. Ф.* Креолизованные тексты и их коммуникативная функция // Оптимизация речевого воздействия. М. : Ин-т языкознания РАН, 1990. С. 180–186.
- Сурженко Л. В.* Ценности личности: философский и психологический анализ понятия // Науч. журн. КубГАУ. 2011. № 65 (01). С. 1–11. URL: ej.kubagro.ru/2011/01/pdf/18.pdf (дата обращения 29.08.2019).
- Федотова Л. Н.* Реклама: теория и практика: учебник для академического бакалавриата М. : Юрайт, 2015. 391 с. Серия: Бакалавр. Академический курс.
- Bausinger H.* Typisch deutsch. Wie deutsch sind die Deutschen? München : C. H. Beck, 2000. 175 S.
- Bolz N.* Wertewandel. URL: werteindex.de/werte/ (дата обращения: 5.10.2019).
- Jugendlexikon. Philosophie / Hrsg. von F.Fiedler u. G.Gurst. Leipzig : Bibliographisches Institut, 1986. 208 S.
- Hofstede G.* Lokales Denken, globales Handeln // Interkulturelle Zusammenarbeit und globales Management. München : C. H. Beck, 2001b. S. 29–42.
- Kutschker M., Schmid S.* Internationales Management (Gebundene Ausgabe). München : Oldenburg Wissenschaftsverlag GmbH 2011. 658 S.

REFERENCES

- Dobrosklonskaja T. G.* Voprosy izuchenija mediatekstvov: Opyt issledovanija sovremennoj anglijskoj mediarechi. 4-e izd. M. : Krasand, 2013. 288 s.
- Gumbol'dt V. fon.* Jazyk i filosofija kul'tury. M. : Progress, 1985. 450 s.
- Krasavskij N. A.* Pечатnyj reklamnyj tekst kak otrazhenie sistemy cennostej sociuma // Reklamnyj diskurs i reklamnyj tekst: kolektivnaja monografija / nauch. red. T. N. Kolokol'ceva. M. : FLINTA : Nauka, 2011. 296 s.
- Medvedeva T. S.* Cennosti nemeckogo naroda: istorija i sovremennost' // Vestnik UdGU. 2010. № 3. S. 130–134.

- Molchanova G.G.* Kognitivnaja polikodovost' mezhkul'turnoj kommunikacii: verbalika i neverbalika. M. : OLMA Media Grupp, 2014. 206 s.
- Sorokin Ju.A., Tarasov E.F.* Kreolizovannye teksty i ih kommunikativnaja funkcija // Optimizacija rechevogo vozdejstvija. M. : In-t jazykoznanija RAN, 1990. C. 180–186.
- Surzhenko L. V.* Cennosti lichnosti: filosofskij i psihologicheskij analiz ponjatija // Nauch. zhurn. KubGAU. 2011. № 65 (01). S. 1–11. URL: ej.kubagro.ru/2011/01/pdf/18.pdf (data obrashhenija 29.08.2019).
- Fedotova L.N.* Reklama: teorija i praktika: uchebnik dlja akademicheskogo bakalavriata. M. : Jurajt, 2015. 391 s. Serija: Bakalavr. Akademicheskij kurs.
- Bausinger H.* Typisch deutsch. Wie deutsch sind die Deutschen? München : C. H. Beck, 2000. 175 S.
- Bolz N.* Wertewandel. URL: werteindex.de/werte/ (data obrashhenija: 5.10.2019).
- Jugendlexikon. Philosophie / Hrsg. von F.Fiedler u. G.Gurst. Leipzig : Bibliographisches Institut, 1986. 208 S.
- Hofstede G.* Lokales Denken, globales Handeln // Interkulturelle Zusammenarbeit und globales Management. München : C. H. Beck, 2001b. S. 29–42.
- Kutschker M., Schmid S.* Internationales Management (Gebundene Ausgabe). München : Oldenburg Wissenschaftsverlag GmbH 2011. 658 S.

УДК 81'34

К. С. Куликова

кандидат филологических наук, доцент кафедры фонетики английского языка факультета английского языка Московского государственного лингвистического университета; email: xenia_kulikova@inbox.ru

НЕЛИНЕЙНАЯ ПРОЗА КАК НЕОБХОДИМЫЙ ЭЛЕМЕНТ ИЗУЧЕНИЯ АНАЛИЗА ДИСКУРСА

На сегодняшний день анализ дискурса во многих вузах ограничен изучением линейной прозы. Рассмотрение классического способа организации текстового пространства крайне важно для формирования языковых и культурологических навыков (а также моральных качеств) обучающихся и способствует всестороннему развитию их личности, однако рассмотрение нелинейного повествования в условиях постоянно усложняющейся картины мира является необходимой дальнейшей ступенью изучения мировой литературы и анализа дискурса.

Ключевые слова: (не)линейная проза; гипертекст; анализ дискурса; современная литература.

K. S. Kulikova

PhD (Philology), Associate Professor at the Department of English Phonetics, Faculty of the English language, Moscow State Linguistic University;
e-mail: xenia_kulikova@inbox.ru

NONLINEAR NARRATIVE AS A NECESSARY ELEMENT IN THE STUDY OF DISCOURSE ANALYSIS

Nowadays, discourse analysis is limited in educational institutions to the study of linear narrative. Analyzing the classical way of textual space organization is extremely important for language and cultural skills formation (as well as moral qualities) of students, it contributes to the comprehensive personality development. However analyzing nonlinear narrative in the face of the constantly changing and developing worldview is a necessary step further in studying world literature and discourse analysis.

Key words: (non)linear narrative; hyperfiction; discourse analysis; modern literature.

Введение

Понятие «гипертекст» в 1982 г. ввел Т. Нельсон; изначально этот компьютерный термин употреблялся для обозначения системы из текстовых страниц, имеющих перекрестные ссылки. Примерами гипертекста являются энциклопедии, компьютерные сети, веб-сайты,

в которых можно переходить с одной страницы на другую и выполнять поиск по ключевым словам. Иными словами, гипертекст является системой представления информации, которая создает семантическую сеть сложной топологии, позволяющую организовывать информацию на разных уровнях обобщения (иерархия) [Nelson 1982].

В литературоведении гипертекстом называют такую форму организации текстового материала, при которой его единицы представлены не в линейной последовательности, а как система явно указанных возможных переходов и связей между ними. Следуя этим связям, материал можно читать в любом порядке, так как он будет образовывать разные линейные тексты

Основные черты гипертекста (внутренние корреляционные ссылки, отсутствие линейного повествования) применяются все большим количеством современных авторов. Иными словами, гипертекст (в английском языке применимо к литературным произведениям употребляется термин «*hyperfiction*») стал новой, современной, характеристикой литературного прозаического произведения, при помощи которого создается эффект игры, в большей степени свойственный постмодернистской литературе: читатель наделен возможностью формировать сюжетную линию, благодаря чему количество значений изначального текста (иногда неограниченно) расширяется [Субботин 1993].

Чтение литературы как на родном, так и на иностранном языке пробуждает эмоции, освобождает воображение, обогащает интеллект, существенно развивает языковые компетенции и способствует культурно-духовному росту, давая возможность изучить персонажей и события, с которыми студенты обычно не сталкиваются в повседневной жизни, и затем принимать критические решения в нестандартных ситуациях. В этой связи анализ дискурса выходит в центр внимания педагога как необходимая для изучения языковая дисциплина.

Анализ дискурса – очень широкий термин для целого ряда подходов к анализу письменного, устного, жестового языка или любого значимого семиотического события. Термин «дискурс» происходит от латинского слова *discursus* (*бегающий к чему-либо и от чего-либо*) и обозначает любую форму общения. Иными словами, дискурс – это не единица семиотических знаков, а абстрактная конструкция, которая придает смысл этим семиотическим знакам и передает конкретные отношения между объектами, субъектами и высказываниями [Демьянков 2007].

В семантике под анализом дискурса понимается концептуальное обобщение разговора в рамках каждой модальности и коммуникативного контекста. В терминологии вузовского преподавания анализ текста подразумевает чтение различных типов текстов, от газетных статей и научных статей до беллетристики, и лингвистический разбор их специфических структур с целью понять заложенный автором смысл и передаваемые эмоции.

Говоря о классической прозе, использующейся на занятиях по анализу литературного дискурса, следует согласиться, что она на 99% линейна, за редким исключением прологов, флешбеков и прочих подобных приемов. Второй характеристикой классической литературы является тот факт, что во многих произведениях авторы оставляют читателю мало места для воображения. Например, в знаменитом романе «Анна Каренина» Льва Толстого внешность главной героини описана автором в мельчайших подробностях, включая расположение локонов над лбом и «карту» родинок. Другим ярким примером служат внутренние переживания главного героя в произведении «Преступление и наказание» Ф. М. Достоевского – писатель обнажил перед нами все чувства и мысли Родиона Раскольникова, заставляя нас следовать именно логике главного героя. Здесь автор был менее озабочен тем, чтобы позволить читателю использовать воображение – его целью в данном случае было преподать ценный урок, раскрывая внутренний мир человека и показывая, с какими ужасными последствиями можно столкнуться, если решиться на преступление.

В современном мире наши интеллектуальные, эмоциональные и моральные горизонты невероятно расширены, поскольку мы обрабатываем всё большее количество информации, а концепты, которыми мы мыслим, неизменно усложняются. Однако и временной континуум, и языковые средства отстают в этом отношении: первое не растяжимо, а второе стремится к естественному упрощению. Отсюда следует, что современному писателю, проще говоря, необходимо уместить более сложный план содержания в более простой план выражения, и для этого авторы нередко прибегают к пространству «над» текстом, если сам текст оказывается недостаточен или ограничен.

Гипертекстом в настоящее время называют не только жанр электронной литературы, характеризующейся использованием гипертекстовых ссылок, которые обеспечивают новый контекст для нелинейности повествования и для взаимодействия с читателем,

выбирающим ссылки для перемещения одного «узла» текста к другому, и таким образом выделяющим собственный вариант развития сюжета и концовки из большого (иногда неограниченного) количества возможных. Другими словами, читатель создает историю вместе с автором и влияет своим выбором на ход событий (что при этом может вполне соответствовать авторскому замыслу). Также термин «гипертекст» используется для описания традиционно изданных книг, в которых нелинейное и интерактивное повествование достигаются посредством внутренних референций. Одним из первых произведений такого рода был «Ulysses» Джеймса Джойса, датируемый 1922 г., хотя собственно понятие гипертекста тогда еще не было сформулировано. В 1953 г. была опубликована первая книга Джерома Сэлинджера «Nine Stories», являющаяся, по сути, не сборником рассказов, а полноценной книгой из девяти глав, объединенных общей историей и моралью. Фактически, книга представляет собой «рамочную конструкцию» – первый рассказ заканчивается тем же событием, что и последний. Также мы можем говорить об использовании надтекстовых референций, например, персонажи первых двух рассказов связаны названием города, употребленным в тексте первого рассказа и лишь в заглавии (но не в тексте) второго. Кроме того, чтобы иметь возможность полностью осмыслить и прочувствовать события первого рассказа, читателю следует ознакомиться с двумя другими произведениями писателя – «Raise High the Roof Beam», «Carpenter» и «Seymour: An Introduction» (данные произведения были опубликованы два года и шесть лет, соответственно, после входа в свет книги «Nine Stories»). Авторская идея состояла в том, чтобы читателю, ставшему свидетелем определенных событий, пришлось ждать некоторое время, чтобы узнать их причину; подобный прием даже более соответствует реальной жизни, чем хронология линейной прозы – иногда нам требуются годы, чтобы выяснить что-либо или понять мотивы чьих-то действий, если это вообще удается.

В этом и заключается основная идея – гипертекст превращает литературное произведение в объект, с которым читатель может оперировать. В случае с «Nine Stories» книга представляет собой модель Срединного пути – восьмеричного пути к достижению Нирваны, а девятый рассказ замыкает этот путь в круг. Если говорить о работах Сэлинджера, все они, по сути, являются целостной историей, и здесь

можно провести параллель с пазлом – некоторые люди начинают собирать его с середины, другие с краев, иногда кусочки могут затеряться, но в конечном итоге мы сможем увидеть всю картину.

Являясь приверженцем бихевиоризма, Сэлинджер применял еще один прием для расширения границ своего текста – описывал язык тела персонажей, предоставляя читателю возможность самому догадаться об их мыслях, чувствах, желаниях и стремлениях [Salinger 1953; Salinger 1955; Salinger 1959; Salinger 2000].

Итак, мы видим, что при гипертекстовой организации читатель играет важную роль в создании повествования. В современных книгах этого жанра каждый человек может получить иной результат в зависимости от своего выбора. Как было сказано выше, гипертекст может быть приравнен к переходу между линейным литературным произведением, таким как роман, и игрой. В романе сюжет и персонажи часто выбираются самим автором, и читатель не является активным участником, по крайней мере, не в структурном смысле, и хотя при чтении романа мы вольны формировать собственное мнение и извлекать личные уроки, в игре мы, по большей части, сами принимаем решения о том, какие действия следует предпринять.

Разумеется, произведения такого рода сложно написать – если автор желает, чтобы его история приводила к разным результатам в зависимости от разных путей, которые может выбрать читатель, автор должен предугадать и создать все из них, а также сделать их логичными с точки зрения сюжета и яркими и уникальными с точки зрения языковых и надязыковых средств. Хулио Кортасар, аргентинский романист и эссеист, известный как один из основателей латиноамериканского бума, оказавший влияние на целое поколение испаноязычных писателей в Америке и Европе (не говоря о влиянии на умы огромного количества читателей), является автором многочисленных рассказов в жанре магического реализма – наиболее благодатной почвы для развития гипертекста – и двух антиновелл: «62. Модель для сборки» («62/Modelo para armar») и «Игра в классики» (Rayuela) [Herráez 2016].

«Игра в классики» состоит из 155 глав, последние 99 из которых названы «необязательными», однако некоторые из них заполняют пробелы, возникающие в основной сюжетной линии, в то время как другие добавляют информацию о персонажах или содержат эстетические и литературные умозаключения писателя Морелли, на короткое

время появляющегося в книге. В целом, эти главы, на первый взгляд, кажутся случайными размышлениями, но при ближайшем рассмотрении дают ответы на вопросы, возникающие при прочтении двух частей книги, хотя читатель волен в осознанном выборе опустить эти «необязательные» главы.

Примечание автора предполагает, что книгу лучше всего читать одним из двух способов: от главы 1 к главе 56 или «перепрыгивая по клеткам» через все 155 глав в соответствии с предоставленной «Таблицей инструкций». Кортасар также оставляет читателю возможность выбора собственного пути через повествование [Cortázar 1963].

Неискушенному в гипертексте читателю будет проще начать с рассказов Кортасара, являясь малыми формами они проще для анализа, хотя и здесь писатель прибегает к нетрадиционным приемам. Согласно, например, классификации стилистических средств И.Р.Гальперина, существуют четыре системы прозы: повествование, описание, внутренний монолог и диалог, и они не могут быть объединены [Galperin 1977]. Рассказ Кортасара «Сеньорита Кора» («La Señorita Cora») является внутренним монологом одного персонажа, «перетекающим» во внутренний монолог другого персонажа, как только он упоминается или подразумевается первым персонажем, и наоборот, (здесь можно провести визуальную параллель с киносъёмкой без склеек); также во внутреннем монологе пересказываются диалоги, излагается сюжет и описывается увиденное. Один из планов рассказа «Бестиарий» («Bestiario») является своего рода гибридом лабиринта и игры с элементами стратегии – усадьба, населенная семьей с детьми и множеством слуг, но в доме также обитает тигр, каждый раз занимая только одну определенную комнату, поэтому люди не могут войти в нее и вынуждены избегать животное, предпринимая умные шаги [Cortázar 2003; Кортасар 2010].

Еще один замечательный рассказ Кортасара «Непрерывность парков» («Continuidad de los parques») свернут как лента Мёбиуса, что является следующим шагом в гипертекстовом оформлении повествования – литературное произведение меняет пространственное представление читателя, являясь, по сути, объектом, одним из тех, которые читатель видел или может увидеть в реальной жизни. Ярчайшие примеры подобного – романы сербского лингвиста, историка, переводчика, писателя, литературного критика, члена Сербской академии наук и искусств Милорада Павича: «Пейзаж, нарисованный

чаем» («Предео сликан чајем»), являющийся кроссвордом, «Ящик для письменных принадлежностей» («Кутија за писанье»), являющийся, собственно, данным предметом, где читателю предполагается исследовать различные его отделения «Последняя любовь в Константинополе» (Последња љубав у Цариграду), являющаяся пасьянсом Таро, где последовательность глав зависит от последовательности выпавших читателю старших арканов; «Внутренняя сторона ветра» («Унтрашња страна ветра»), являющаяся клепсидрой (повествование разделено на две части, и сюжет каждой из них движется от начала к середине, где обе этих части встречаются и образуют конец произведения) [Павич 2005; Павич 2008; Павич 2010; Павич 2013].

Очевидно, что для анализа дискурса, выстроенного подобным образом, требуется разработать совершенно новую методологию, хотя не следует забывать, что гипертекст экспериментирует с формой, в то время как социальные, психологические, моральные проблемы, на которых концентрируют свое внимание авторы, остаются прежними. Современные работы в жанре гипертекста представляют собой нечто вроде калейдоскопов происходящего со «смесью» стилей, сложных стилистических техник и приемов – парадокс, пародия, пастиш, гипербола, множественные аллюзии и т. д. Очевидно, что изучение анализа дискурса на таком современном и «продвинутом» материале будет способствовать значительному повышению уровня требуемых от студентов языковых и литературных компетенций, не говоря уже о том факте, что при прочтении книг в жанре гипертекста обучающиеся будут становиться «соучастниками» акта творчества автора, что способствует креативному и духовному развитию.

Методы

Для определения способности обучающихся дать объективную стилистическую оценку прочитанным текстам и произвести первичный анализ дискурса, был проведен эксперимент на базе англо- и русскоязычных произведений Джерома Сэлинджера, Хулио Кортасара и Милорада Павича в оригинале (английский и испанский языки) и в переводах с испанского и сербского на русский. Переводы произведений Сэлинджера на русский язык не были предложены студентам по двум причинам – все участники эксперимента изучают английский в качестве первого иностранного языка и владеют им на уровне,

достаточном для понимания оригинальных текстов. Во-вторых, одним из частных приемов автора является игра слов, основанная на полисемантических значениях; это делает перевод подобных отрывков крайне затруднительным по причине различной смысловой наполняемости английских лексических единиц и их русскоязычных аналогов.

Участниками эксперимента стали 60 студентов обоих полов (в приблизительно равном сочетании – 34 девушки и 26 молодых людей), обучающиеся на III курсе лингвистических факультетов московских вузов и имеющие отличные и хорошие оценки по дисциплинам «практика английского языка», «грамматика английского языка», «анализ дискурса», «чтение литературы» и «второй иностранный язык (испанский)». Участникам эксперимента был дан определенный срок, в течение которого они должны были прочесть предложенные произведения. По истечении этого срока все студенты заполнили особые опросные листы, составленные автором настоящего исследования с целью проверки ознакомленности с заданными произведениями; проверка дала положительные результаты.

Участники эксперимента были разделены на две группы (с сохранением примерного гендерного баланса). Первой группе студентов, помимо собственно художественных текстов, была для изучения предложена биографическая информация обо всех трех авторах и общие критические замечания об их литературной деятельности. Второй группе студентов подобные данные предоставлены не были.

Результаты и дискуссия

При проведении эксперимента учитывался тот фактор, что некоторые задействованные в исследовании студенты имели представление о творчестве Дж. Сэлинджера и Х. Кортасара, будучи уже знакомыми с произведениями этих авторов (этих студентов включили в состав первой группы). Однако ни один из участников эксперимента прежде не был знаком с работами М. Павича.

Результаты исследования представляются весьма информативными с нескольких позиций. Прежде всего, следует отметить, что студенты первой группы лучше справились с поставленной задачей по проведению анализа предложенных отрывков. Это как нельзя лучше подтверждает необходимость в доступной и увлекательной форме знакомить обучающихся с биографией писателей, чьи произведения они

анализируют. К сожалению, большинство студентов отмечает, что подобные знания или вовсе не предоставляются по мере занятий, или позиционируются как темы для внеклассного изучения, что не позволяет преподавателю в полной мере проконтролировать усвоение материала, столь немаловажного для стилистического анализа, поскольку данный материал «подталкивает» обучающихся в нужном направлении, подсказывая, на что им следует обращать внимание.

Например, студенты первой группы, получившие информацию о религиозных воззрениях (индуизм, дзен-буддизм) и одном из главных увлечений (бихевиоризм) Джерома Сэлинджера, сумели распознать в его произведениях соответствующую символику, тогда как студенты второй группы, не обладавшие этой информацией, оказались в растерянности перед многими ключевыми моментами, в частности книги «Nine Stories». Знания о сути такого художественного метода, как магический реализм, значительно облегчили студентам восприятие произведений Хулио Кортасара и Милорада Павича.

Следует отметить, что некоторые из студентов обеих групп потерпели неудачу, полагаясь при проведении стилистического анализа прочитанных работ на «конвенциональные» методы, а именно, на разбор структуры произведения с точки зрения линейной организации повествования, систем прозы и традиционных стилистических средств и приемов, описанных в учебниках. Также некоторые студенты обеих групп признавали, что им просто трудно выйти за рамки привычных методик, которые они заучили на занятиях по анализу дискурса, и попытки применять другие способы анализа могут обескураживать их, что существенно снижает мотивацию и уровень «научного азарта».

В то же время многие другие участники эксперимента в обеих группах выразили восхищение полученной биографической и артистической информацией о произведениях предложенных авторов, и изъявили желание дальнейшего погружения в их творчество и применения новых техник при написании работ по анализу дискурса. Особенно увлекательной участникам эксперимента в обеих группах показалась идея того, что художественное произведение приравнивается к игре или трансформируется в реальный предмет; возможность «конструировать» художественное произведение вместе с автором и своим выбором влиять на исход событий также была воспринята

с большим энтузиазмом. Некоторые из студентов впоследствии отмечали, что пытаются анализировать даже традиционные линейные прочитанные произведения с точки зрения приемов гипертекста.

Выводы

Проведенное литературоведческое исследование подтверждает мнение автора о том, что необходима разработка новой методологии преподавания такой важнейшей дисциплины, как анализ художественного текста в условиях новейших литературных исследований. В этой связи весьма многообещающими направлениями представляются:

– создание и развитие нового книжного корпуса с исключением устаревших в языковом и структурном плане произведений и включением в корпус современных литературных работ;

– разработка учебных планов, ориентированных на детальное изучение тех интересных фактов биографии авторов, которые будут служить для обучающихся опорными пунктами во время разбора художественных текстов, и на изучение теоретической базы с включением в нее описаний стилистических средств и приемов, используемых авторами для гипертекстовой организации их прозы.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Демьянков В. З.* Текст и дискурс как термины и как слова обыденного языка // Вопросы филологии. 2007. Спецвыпуск. С. 86–95.
- Кортасар Х.* Бестиарий: сборник. М. : АСТ, 2010. 156 с.
- Павич М.* Внутренняя сторона ветра / пер. с сербск. Л. А. Савельевой. М. : Азбука, 2005. 192 с.
- Павич М.* Последняя любовь в Константинополе / пер. с сербск. Л. А. Савельевой М. : Азбука, 2008. 240 с.
- Павич М.* Пейзаж, нарисованный чаем / пер. с сербск. Н. Вагаповой, Р. П. Грецкой. М. : Амфора, 2010. 476 с.
- Павич М.* Ящик для письменных принадлежностей / пер. с сербск. Л. А. Савельевой. СПб. : Лениздат, 2013. 159 с.
- Субботин М. М.* Теория и практика нелинейного письма (взгляд сквозь призму «грамматологии» Ж. Деррида) // Вопросы философии. 1993. № 3. С. 36–45.
- Cortázar J.* Hopscotch (Rayuela). N. Y. : Pantheon Books, 1963. 880 p.
- Cortázar J.* Bestiario. Madrid : Puento de Lectura, 2003. 104 p.
- Galperin I. R.* English Stylistics. M. : Высшая школа, 1977. 237 с.

- Herráez M.* Julio Cortázar, Una Biografía Revisada. Barcelona : Editorial Alrevés, 2016. 352 p.
- Nelson T.H.* Literary Machines. Sausalito : Mindful Press, 1982. 288 p.
- Salinger J.D.* Nine Stories. Boston : Little, Brown and Company. 1953. 208 p.
- Salinger J.D.* Raise High the Roof Beam, Carpenters. Boston : Little, Brown and Company, 1955. 146 p.
- Salinger J.D.* Seymour: An Introduction. Boston : Little, Brown and Company, 1959. 110 p..
- Salinger M.* Dream Catcher: A Memoir. N. Y. : Washington Square Press, 2000. 448 p.

REFERENCES

- Dem'jankov V.Z.* Tekst i diskurs kak terminy i kak slova obydenного jazyka // Voprosy filologii. 2007. Specvypusk. S. 86–95.
- Kortasar H.* Bestiarij: sbornik. M. : AST, 2010. 156 s.
- Pavich M.* Vnutrennjaja storona vetra / per. s serbsk. L.A. Savel'evoj. M. : Azbuka, 2005. 192 s.
- Pavich M.* Poslednjaja ljubov' v Konstantinople / per. s serbsk. L.A. Savel'evoj M. : Azbuka, 2008. 240 s.
- Pavich M.* Pejzazh, narisovannyj chaem / per. s serbsk. N. Vagapovoj, R. P. Greckoj. M. : Amfora, 2010. 476 s.
- Pavich M.* Jashhik dlja pis'mennyh prinadlezhnostej / per. s serbsk. L.A. Savel'evoj. SPb. : Lenizdat, 2013. 159 s.
- Subbotin M.M.* Teorija i praktika nelinejnogo pis'ma (vzgljad skvoz' prizmu «grammatologii» Zh. Derrida) // Voprosy filosofii. 1993. № 3. S. 36–45.
- Cortázar J.* Hopscotch (Rayuela). N. Y. : Pantheon Books, 1963. 880 p.
- Cortázar J.* Bestiario. Madrid : Puento de Lectura, 2003. 104 p.
- Galperin I.R.* English Stylistics. M. : Vysshaja shkola, 1977. 237 s.
- Herráez M.* Julio Cortázar, Una Biografía Revisada. Barcelona : Editorial Alrevés, 2016. 352 p.
- Nelson T.H.* Literary Machines. Sausalito : Mindful Press, 1982. 288 p.
- Salinger J.D.* Nine Stories. Boston : Little, Brown and Company. 1953. 208 p.
- Salinger J.D.* Raise High the Roof Beam, Carpenters. Boston : Little, Brown and Company, 1955. 146 p.
- Salinger J.D.* Seymour: An Introduction. Boston : Little, Brown and Company, 1959. 110 p..
- Salinger M.* Dream Catcher: A Memoir. N. Y. : Washington Square Press, 2000. 448 p.

УДК 811.134.2

Е. С. Медведева, О. С. Чеснокова

Медведева Е. С., аспирант кафедры иностранных языков филологического факультета Российского университета дружбы народов;
e-mail: katya.volokitina@gmail.com

Чеснокова О.С., профессор, доктор филологических наук, профессор кафедры иностранных языков филологического факультета Российского университета дружбы народов;
e-mail: chesnokova_os@pfur.ru

ЛИНГВОКОГНИТИВНЫЙ АНАЛИЗ ИСПАНСКИХ ЗАГАДОК О ЖИВОТНЫХ

В статье проводится лингвокогнитивный анализ испанских загадок о животном мире, который позволяет реконструировать фольклорные признаки зоонимов и орнитонимов и на основе типологии этих признаков вывести прототипичные для испанской языковой личности животное и птицу. Исследование нестандартных языковых экспликантов животных и птиц позволяет не только определить их наиболее релевантные черты, но и обобщить аспект переносов.

Ключевые слова: загадка; испанский фольклор; языковая картина мира; зооморфный код; средства языковой выразительности.

E. S. Medvedeva, O. S. Chesnokova

Medvedeva E. S., Postgraduate Student, Department of Foreign Languages, Faculty of Philology, Peoples' Friendship University of Russia;
e-mail: katya.volokitina@gmail.com

Chesnokova O. S., Doctor of Philology (Dr. habil.), Professor, Department of Foreign Languages, Faculty of Philology, Peoples' Friendship University of Russia;
e-mail: tchesnokova_olga@mail.ru

LINGUOCOGNITIVE ANALYSIS OF SPANISH ANIMAL RIDDLES

The article is devoted to linguocognitive analysis of Spanish riddles about animals and birds. The animal world is an integral and semiotically important part of geographical habitat of an ethnos. The study of perception and verbalization of the picture of the world fragment associated with the "zoomorphic code" in folklore texts is of particular interest, due to the fact that zoonyms and ornithonyms are categories in which the features of folklore understanding of reality by an ethnos are traditionally fixed and a nationally determined feeling of belonging to the culture is created. The linguocognitive analysis of animal riddles allows us to reconstruct folklore characters of zoonyms and ornithonyms and, based on the typology of these characters, describe

the animal and the bird, prototypical for the Spanish language personality. The study of non-standard language explants of animals and birds allows not only to determine their most relevant features, but also to generalize the aspect of transfers.

Key words: riddle; Spanish folklore; language worldview; zoomorphic code; means of linguistic expressiveness.

Введение

Ключевым принципом современной языковедческой науки является антропоцентризм, заключающийся в изучении человека, вопросах взаимодействия языка, культуры, менталитета, языкового сознания и языковой картины мира. Утверждение о том, что национальная культура самобытна, неповторима, обладает разнообразием формы и содержания, является на сегодняшний день аксиомой. Культуру отдельно взятой страны или этноса невозможно представить без фольклора, который уходит корнями в глубокое прошлое и является связующим звеном между истоками этноса, его прошлым, настоящим и будущим.

Новый виток внимания исследователей обращен к фольклорным текстам как к основополагающей части концептуальной картины этноса, находящей отражение в различных видах современного текста и дискурса [Хроленко 2010; Эмер 2011; Пименова 2018; Чеснокова, Байо Хульве 2019; Chesnokova, Talavera Ibarra 2018].

В данной статье рассматриваются лексические средства языковой выразительности в испанских загадках о животных, а предметом анализа являются их когнитивные параметры и лингвосемиотика. Материалами для исследования послужили испанские загадки, отобранные методом сплошной выборки из специализированных сборников, словарей испанского языка, периодики, интернет-сайтов, а также образцы загадок, полученные от носителей испанского (пиренейский национальный вариант) языка (30 информантов: 18 мужчин и 12 женщин в возрасте от 18 до 45 лет).

В работе были использованы лингвокультурологический метод, ориентированный на «подробное объяснение процессов, происходящих в сознании носителей языка» [Ковшова 2019]; метод семантической реконструкции, ассоциативный метод, интерпретативный метод, т. е. метод установления осмысления какого-либо явления в коллективном сознании носителей языка (испанцев, в нашем случае).

Языковая картина мира через призму фольклора

Национально-культурная специфика проявляется на всех уровнях языка, а обращение к языковой картине мира является одним из наиболее продуктивных способов получения экстралингвистической информации. Термин «языковая картина мира», предложенный Л. Вайсгербером, является ключевым понятием современной лингвистики, который также можно расценить как одним из семиотических кодов культуры, ею же обусловленным [Чеснокова 2006].

Фольклорные тексты, являющиеся источником языковых фактов, формируют этнический образ мира. Они являются этноспецифическим отражением и развитием разножанровых устно-поэтических произведений, начиная с периода классического собирательства фольклора.

Загадка как объект лингвистического исследования

Загадки как фольклорный жанр являются интегральной частью лингвокультуры, воспроизводят сознание, деятельность и креативность этноса, играют важную роль в постижении и интерпретации культуры как системы, в которой сосуществуют прошлое, настоящее и будущее, ведущие непрерывный диалог, что можно отнести к фольклору в целом [Chesnokova, Talavera Ibarra 2018]. Загадки универсально стали важным этапом в развитии искусства слова. Они формируют наблюдательность, смекалку, чувство юмора, системный взгляд на мир и оказываются средством воспитания подрастающего поколения. Загадка предстает как некий диалог, в котором один из участников должен угадать и назвать слово или предложение, загаданное собеседником в виде намека или иносказания, с помощью различных лексических, стилистических или фонетических конструкций (метафоры, каламбура, игры слов и т. п.).

Структурно-семантическая завершенность загадки, смысловая емкость, богатство образов и ассоциаций, позволяют рассматривать ее в междисциплинарном плане. Изучению загадки посвящены труды многих отечественных филологов, таких как Д. Н. Садовников, В. В. Митрофанова, В. Н. Топоров, Ю. М. Соколов, М. А. Рыбникова, М. Л. Ковшова и др. Среди зарубежных исследователей загадки отметим таких авторов, как А. Тэйлор, А. Мачадо Алварес, С. Я. Сендерович, Р. Д. Абрахамс, П. С. Серильо, Р. Петш и др.

Исследование загадки в романистике

В испанском языке русскому понятию *загадка* соответствуют лексемы *adivinanza*, *acertijo*, определение и границы которых исследователи понимают по-разному. Говоря о разнице между понятиями *adivinanza* и *acertijo*, мы должны иметь в виду, что в испанской филологической традиции существуют различные мнения, порой противоположные, о содержании этих двух терминов. Многие ученые по-разному называют один и тот же языковой феномен. Часто данные понятия употребляются в качестве абсолютных синонимов, как в словаре Королевской Академии испанского языка. *Adivinanza – adivinación, acertijo* (это загадка, то, что необходимо отгадать):

acertijo 1. Especie de enigma para entretenerse y acertarlo (*загадка, которую отгадывают на досуге*); 2. Cosa y afirmación muy problemática (*проблема или дело, сложное для разрешения*)¹ [Diccionario de la lengua Espanola. Real Academia Espanola 2014, с. 123].

Х. Касарес в «Идеографическом словаре испанского языка» определяет загадку как «прием, заключающийся в игре слов или в использовании различных значений одного и того же слова в качестве развлечения или для проверки остроумия и догадливости собеседника» [Casares 1997, с. 87]. В словаре Марии Молинер находим следующее определение загадки: «Предложение или стихотворение, в иносказательной манере описывающее некое понятие, которое собеседнику предлагается для увеселения отгадать» [Moliner 2007, с. 168].

Довольно точное определение загадки дано в Словаре современного испанского языка: это головоломка или игра, которая заключается в поиске отгадки, решения или скрытого значения фразы [Diccionario Clave 2006, с. 132].

Несмотря на то что большинство словарей испанского языка считают лексемы *adivinanza* и *acertijo* синонимами, некоторые филологи склонны полагать, что между этими двумя понятиями существуют структурные различия. Так, исследователи загадок Х.Л. Гарфер и К. Фернандес в «Антологии загадок испанского языка» утверждают, что близкие по семантическому содержанию понятия *adivinanza* и *acertijo* имеют разную форму выражения: *acertijo* – это загадка в прозе, тогда как термин *adivinanza* применим исключительно

---

¹Зд. и далее перевод наш. – Е. М.

к загадкам в стихотворной форме [Fernández, Garfer 1989]. Схожего мнения придерживался А. Мачадо Альварес, уточняя, что *adivinanza* – это *acertijo* в стихах [Machado Alvarez 1982].

Ф. Кабальеро, однако, в сборнике «Народные сказки, загадки, пословицы и поговорки» поместил загадки (*adivinanzas*, согласно терминологии автора) не только в стихах, но и в прозе. В свою очередь, Ц. Моран Бардон в книге «Загадки» («Acertijos»), собрал 777 загадок, бóльшая часть которых представлена в стихотворной форме.

Прибегнув к анализу речевых практик современных испанцев, а также обратившись непосредственно к носителям языка, мы пришли к выводу, что понятия *adivinanza* и *acertijo* могут относиться как к стихотворной форме, так и к прозе. Отличаются же они степенью сложности поиска отгадки. Термин *adivinanza* наиболее часто применим к простым загадкам для маленьких детей. Ярким примером таких загадок могут служить короткие стишки, содержащие отгадку в тексте:

Soy un animal pequeño, piensa mi nombre un rato, porque agregando una «n» tendrás mi nombre en el acto. (<i>el ratón</i>)	Пушистая малышка, Подумаем не долго слишком, И назовем-ка меня МЫ... ¹ (<i>мышка</i>).
---	--

[Fernández, Garfer 1989].

Понятие *acertijos* можно отнести к более сложным загадкам, ориентированным на детей старшего возраста и взрослых.

Soy fuerte como una roca, pero una palabra puede destruirme, ¿quién soy? (<i>silencio</i>)	Сильна, как скала, но для меня разрушительно слово. Кто я? (<i>тишина</i>).
---	--

[Fernández, Garfer 1989].

В данном случае невозможно лингвистически «прочитать» ответ в тексте загадки; чтобы его найти, необходимо применить абстрактное мышление.

¹Зд. и далее перевод наш. – Е. М.

Загадки с анималистическим компонентом в испанском языке

Специфику жанров народного творчества определяют не только особенности художественного отображения действительности, но и объекты этого изображения. Своеобразие загадки заключается в том, что объектом ее внимания являются не сложные исторические или психологические сюжеты, темы и ситуации, а повседневные предметы и явления, окружающие человека, в которых загадка находит образность, поэзию, заставляет более пристально посмотреть на окружающий мир, увидеть красоту в самых простых вещах.

Домашние животные традиционно являлись друзьями и помощниками человека, давали ему еду и одежду, помогали ему выживать. Дикие животные также служили источником пропитания, либо представляли опасность, которую следовало остерегаться. С животными сравнивали физические и нравственные качества человека; паттерны поведения и повадки животных подмечались и переносились на человека, образуя зооморфные метафоры.

Роль компонентов-зоонимов существенно отличается на различных уровнях стержневой цепочки фразеологизма и, по нашим наблюдениям, испанской загадки. «В более сложных, чем отдельное слово, структурных элементах словарного состава, фразеологизмах, идиомах, поговорках, пословицах, загадках – сильнее проявляется специфика содержания зоонимов: их связанность вносит свои, неповторимые в других языках смысловые оттенки» [Телия 1991, с. 138].

В испанском языке загадки с анималистическим компонентом представляют собой достаточно объемный пласт. В рамках нашего исследования было изучено около 1,5 тыс. испанских загадок, в основу отгадки более 350 из которых легло название представителей фауны. Компоненты-зоонимы, наиболее часто представленные в испанских загадках, объединены в группы, соответствующие общепринятой классификации названий животных: домашние и дикие животные, домашние и дикие птицы, рыбы, земноводные, пресмыкающиеся, насекомые.

Количественный анализ стержневых компонентов показал, что частотность употребления различных групп компонентов-зоонимов в испанских загадках неодинакова. Так, наиболее часто отображаются особенности насекомых. Немало загадок про пчелу, улей, соты, мед (5% всех загадок с анималистическим компонентом). Они отражают

знание особенностей жизни и развития пчелы: господство в улье матки; осевший рой; пчела, нападающая на врага. Много загадок про пчел в ульях, про соты, мед и воск. Чаще всего пчелы в таких загадках – монахини, девицы, старушки, бабы, вышивающие, ткающие, вяжущие чудный узор или готовящие цветочный нектар:

Un convento bien cerrado,	В монастыре закрытом
Sin campanas y sin torres	Без башен с колокольней
Y muchas monjitas dentro,	Монахини усердные
Preparan dulces de flores.	Цветочный варят сок.

[Fernández, Garfer 1989].

Среди загадок о насекомых часто встречаются тексты про комара: в различных сочетаниях существует более двадцати загадок и огромное число вариантов. О других насекомых: светлячке, бабочке, сверчке, осе – загадки единичны. Очевидно, человек отмечал тех насекомых, которые наиболее досаждали ему в доме и во время работы: мухи, блохи, комары, тараканы, или приносили пользу, как пчела. К остальным он относился равнодушно.

Существенный пласт анималистических загадок в испанском языке отдан домашним животным (19 %). Больше всего внимания уделено корове, основной кормилице крестьянской семьи. Про корову, ее вымя, доение насчитывается более тридцати загадок. В них часто описывается внешний вид коровы:

Cuatro pataletas,	Четыре четыреки,
Dos cornicales,	Две растопырки,
Un quitamoscas,	Одно махальце,
Dos mirabales.	Два глядельца.

[Fernández, Garfer 1989].

Названия диких животных реже становятся отгадками испанских загадок (8 %). Из диких животных наибольшее внимание уделено волку, очевидно в связи с тем вредом, который он наносит крестьянскому хозяйству. Среди других, часто встречающихся в испанских загадках образов диких животных, можно выделить медведя, лису, белку, ежа, зайца.

По количеству анималистических загадок класс домашних птиц уступает классу домашних животных, но превосходит класс диких

животных. По нашим подсчетам, он составляет 14,5%. Из домашних птиц предпочтение в загадках отдано петуху и курице: *gallo* – петух (6,25%), *gallina* – курица (3,3%).

Загадки про курицу обычно затрагивают тему оперения. С курицей связаны и другие загадки: курица снесла яйцо, сидит на яйцах, курица с цыплятами. Про яйцо в загадках говорится, что это дом без окон и дверей:

Mi madre me labró una casa
Sin puertas y sin ventanas,
Y cuando quiero salir,
Rompo antes la muralla.

Мать построила мне дом,
Ни дверей, ни окон в нем.
Когда выйти захочу,
Стену я расколочу.

[Fernández, Garfer 1989].

Несмотря на достаточно большое число загадок, связанных с дикими птицами (7,3%), каждый определяющий компонент используется в испанских загадках крайне редко. Из живущих на воле птиц загадывают о тех, которые типичны для отдельных регионов Испании: *loro* – попугай, *canario* – канарейка; гнездятся вблизи человеческого жилья – *paloma* – голубь или привлекают внимание своеобразием голоса – *cisco* – кукушка, внешним видом – *cigüeña* – аист, *pájaro carpintero* – дятел, образом жизни – *buho* – филин.

Немало в испанском языке загадок о морских обитателях и разных рыбах. В нашей картотеке рассматриваемый класс составляет 13%. Большинство загадок относится к рыбе как таковой. Часты также загадки метафорические, образные. Фольклорное представление о рыбе делает ее сверхъестественным существом:

Tiene hocico y no es borrico,
Tiene albarda y no es de lana,
Tiene alas y no vuela,
No tiene patas y anda.

Ног нет, а ходит,
Крылья есть, а летать не может
Рот есть – не говорит,
Глаза есть – не моргает.

[Fernández, Garfer 1989].

Лексические средства выразительности в испанских загадках о животных

Особенности речевых форм, закономерно используемых в загадке, вызывают интерес к ее фонетической, лексической, синтаксической составляющим. Взаимосвязь и совокупность трех компонентов

загадки: кодирующего (замещающего) объекта, денотата (загадываемого объекта) и «образа» описания, применяемого к этим объектам, – составляют лингвокогнитивную структуру загадки, а описание, основанное на употреблении риторических фигур, тропов и других средств языковой выразительности, вызывает различные виды ассоциативных связей.

Природа загадки, требующая иносказания, метафоричности, сравнения, сопоставления, точности в употреблении слова, а также малый размер жанра, при котором каждая языковая единица несет максимальную смысловую нагрузку, объясняют частотность употребления средств языковой выразительности в загадках.

В ходе исследования нами были выделены следующие основные лексические средства выразительности в испанских загадках с анималистическим компонентом: метафора, метонимия, синекдоха, эпитет, сравнение, градация, гиперболы, литота, антитеза, оксюморон, плеоназм.

Для большинства испанских загадок характерна иносказательная форма построения, используемая не только для затруднения поиска отгадки, но и определения внутренних скрытых качеств описываемых животных. Очень часто такое иносказание выражается при помощи **метафоры**.

Загадки, в основе которых лежит метафора, представляются нам наиболее поэтичными и образными:

Alto, altanero,	Высокий и статный
Gran caballero,	Рыцарь тот знатный
Gorro de grana,	Золотые шпоры,
Capa dorada,	Шляпы цвет бордовый
Espuelas de acero.	(<i>нетух</i>).
(<i>el gallo</i>)	

[Fernández, Garfer 1989].

Метонимия, основанная на переносе наименования одного предмета на другой по принципу смежности или вовлеченности в ситуацию на основании причинных связей, временных или пространственных характеристик, нередко используется в испанских загадках с анималистическим компонентом:

Soy un señor encumbrado,	Парень очень пунктуальный
Ando mejor que un reloj,	Точный, словно ход часов,

Me levanto muy temprano
Y me acuesto a la oración
(el gallo).

Просыпаюсь я с зарею,
А с молебном спать готов
(петух).

Аллегория – средство языковой выразительности, которое заключается в иносказательном или абстрактном выражении смысла через образность, условный перенос явления или признаков предмета:

Soy dócil, humilde y manso,
Soy cándido e inocente,
Y nada tiene de extraño
Que al redentor represente
(el cordero).

Непорочный, милый, кроткий,
Как и сам Спаситель,
Вплощаю образ светлый,
Чистый Искупитель (Агнец).

Гипербола – художественное преувеличение, используемое с целью усиления выразительности и привлечения внимания:

De todos los animales
Soy el que tiene más fuerzas,
Porque sin ningún trabajo
Llevo mi casita a cuestras.
(el caracol)

Самым сильным из зверей
Я называюсь потому,
Что дом без окон и дверей
Повсюду за собой тяну.
(улитка).

[Fernández, Garfer 1989].

Литота, называемая также обратной гиперболой, – это намеренное преуменьшение величины, силы или размера описываемого предмета или явления:

Mi picadura es dañina,
Mi cuerpo insignificante,
Pero el néctar que yo doy
Os lo coméis al instante.
(la abeja)

Хоть ничтожного размера,
Могу я больно укусить,
Но нектар мой очень сладкий
В мгновение хочется испить
(пчела).

[Fernández, Garfer 1989].

Парадокс – это художественный прием, заключающийся в использовании утверждения, противоречащего логике, но содержащее в себе более глубокий смысл, общепринятое высказывание, которое служит в парадоксе предметом иронии.

Tiene ojos de gato y no es gato, Orejas de gato y no es gato; Patas de gato y no es gato; Rabo de gato y no es gato, Maúlla y no es gato. – la gata	Глаза кошачьи, но не кот, Уши кошачьи, но не кот, Лапы кошачьи, но не кот, Хвост кошачий, но не кот, Мяучет, но не кот (кошка).
---	--

[Fernández, Garfer 1989].

Близкой к парадоксу стилистической фигурой является оксюморон, сочетающий определения или понятия, имеющие противоположные, взаимоисключающие значения:

María Penacho Parió un muchacho, <i>Ni vivo ni muerto,</i> <i>Ni hembra ni macho.</i> (<i>la gallina y el huevo</i>)	Родила та жёнка Странного ребенка, <i>Он ни живой, ни мертвый,</i> <i>Не мальчик, не девчонка</i> (<i>яйцо и курица</i>).
--	---

[Fernández, Garfer 1989].

Заключение

Одна из актуальных задач современной испанистики – исследование малоформатного текста испанской загадки как психолого-эстетического феномена. Объектом нашего изучения стали испанские загадки с анималистическим компонентом, имеющие в своем составе элемент, который восходит к названию представителя животного мира и выражается в зоолексеме, предметом анализа – средства языковой выразительности в испанских загадках о животных, их семиотика и этнокультурная специфика. Предпринятый комплексный анализ лексико-семантических особенностей испанских загадок о животных показал, что в их большинстве лежит принцип языковой игры, сводимой к намеренному использованию средств языковой выразительности, выполняющих не только иносказательную, но и изобразительно-экспрессивную функцию. Испанские загадки о животных строятся на парадоксальности и одновременно аксиоматичности образов животных, отражающих архетипическое представление испанцев о животном мире, кодируемое в языке, что, в свою очередь, образует метасистему испанского фольклора.

Принципы «конструирования» текста испанской загадки, лексические средства его моделирования, обобщение средств создания парадоксальности как лингвокреативности испанского этноса – весьма

перспективное направление в парадигме лингвокультурологии, лексикологии, этно- и социолингвистики, а обращение к национальным вариантам испанского языка сможет пролить свет на варьирование жанра испанской загадки в пространстве и во времени в широком филологическом контексте.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Ковшова М.Л.* Лингвокультурологический анализ идиом, загадок, пословиц и поговорок: антропонимический код культуры. М. : URSS, 2019. 400с.
- Пименова М.В.* Этногерменевтика русской сказки: монография. М. : ИНФРА-М, 2018. 355 с.
- Телия В. Н.* Человеческий фактор в языке: языковые механизмы экспрессивности. М. : Наука, 1991. 216 с.
- Хроленко А. Т.* Введение в лингвофольклористику. М. : Флинта, 2010. 268 с.
- Чеснокова О. С.* Испанский язык Мексики: языковая картина мира : монография. М. : РУДН, 2006. 315 с.
- Чеснокова О. С., Байо Хульве Х.К.* Испанский песенно-религиозный жанр вильянсико в пространстве и времени // Вестник МГОУ. Серия «Лингвистика». 2019. № 3. С. 61–80.
- Эмер Ю. А.* Современный песенный фольклор: когниции и дискурсы. Томск : Изд-во Томского университета, 2011. 266 с.
- Caballero F.* Cuentos, adivinanzas y refranes populares: Recopilación. Sevilla : Centro Andaluz del Libro. 2011. 204 p.
- Casares J.* Diccionario ideológico de la lengua española: desde la idea a la palabra, desde la palabra a la idea. 2ª ed. corr. y aum. 20ª reimp. Barcelona : Gustavo Gili. 1997. 887 p.
- Chesnokova O., Talavera Ibarra P.* Folclore Ruso. Desde el pensamiento tradicional hacia el actual vector comunicativo y didáctico // Mundo eslavo. № 17. 2018. P. 38–46.
- Diccionario Clave: Diccionario de uso del español actual. Madrid : EDICIONES SM. 2006. 2080 p.
- Diccionario de la lengua española. Real Academia Española. 23.ª edición. Madrid : Espasa Libros. S. L. U. 2014. 2432 p.
- Fernández J. L., Garfèr C.* Adivinancero popular español: I. El mundo de los animales. II. El mundo de los vegetales (Colección Investigaciones), Madrid : Banco Exterior de España, 1989. 446 p.
- Machado y Alvarez A.* Miscelánea. La revista “El Folklore Andaluz”, Sevilla, 1882. P. 316–319.
- Moliner M.* Diccionario de uso del español. 3ª edición. Vol.1, Madrid : Gredos, 2007. 1466 p.

REFERENCES

- Kovshova M.L.* Lingvokul'turologicheskij analiz idiom, zagadok, poslovic i pogovorok: antroponimicheskij kod kul'tury. M. : URSS, 2019. 400 c.
- Pimenova M.V.* Jetnogermentevitika ruskoj skazki: monografija. M. : INFRA-M, 2018. 355 s.
- Telija V.N.* Chelovecheskij faktor v jazyke: jazykovye mehanizmy jekspressivnosti. M. : Nauka, 1991. 216 s.
- Hrolenko A.T.* Vvedenie v lingvofol'kloristiku. M. : Flinta, 2010. 268 s.
- Chesnokova O.S.* Ispanskij jazyk Meksiki: jazykovaja kartina mira : monografija. M. : RUDN, 2006. 315 s.
- Chesnokova O.S., Bajo Hul've H.K.* Ispanskij pesenno-religioznyj zhanr vil'jansiko v prostranstve i vremeni // Vestnik MGOU. Serija «Lingvistika». 2019. № 3. S. 61–80.
- Jemer Ju. A.* Sovremennij pesennyj fol'klor: kognicii i diskursy. Tomsk : Izd-vo Tomskogo universiteta, 2011. 266 s.
- Caballero F.* Cuentos, adivinanzas y refranes populares: Recopilación. Sevilla : Centro Andaluz del Libro. 2011. 204 p.
- Casares J.* Diccionario ideológico de la lengua española: desde la idea a la palabra, desde la palabra a la idea. 2ª ed. corr. y aum. 20ª reimp. Barcelona : Gustavo Gili. 1997. 887 p.
- Chesnokova O., Talavera Ibarra P.* Folclore Ruso. Desde el pensamiento tradicional hacia el actual vector comunicativo y didáctico // Mundo eslavo. № 17. 2018. P. 38–46.
- Diccionario Clave: Diccionario de uso del español actual. Madrid : EDICIONES SM. 2006. 2080 p.
- Diccionario de la lengua española. Real Academia Española. 23.ª edición. Madrid : Espasa Libros. S. L. U. 2014. 2432 p.
- Fernández J.L., Garfer C.* Adivinancero popular español: I. El mundo de los animales. II. El mundo de los vegetales (Colección Investigaciones), Madrid : Banco Exterior de España, 1989. 446 p.
- Machado y Alvarez A.* Miscelánea. La revista “El Folklore Andaluz”, Sevilla, 1882. P. 316–319.
- Moliner M.* Diccionario de uso del español. 3ª edición. Vol. 1, Madrid : Gredos, 2007. 1466 p.

УДК 81'25

Е. А. Похолкова, Д. В. Селезнёва

Похолкова Е. А., кандидат филологических наук, доцент кафедры восточных языков переводческого факультета Московского государственного лингвистического университета, декан переводческого факультета Московского государственного лингвистического университета; e-mail: sirotina_e79@mail.ru

Селезнёва Д. В., старший преподаватель кафедры восточных языков переводческого факультета Московского государственного лингвистического университета; e-mail: selezneva_dv@mail.ru

ОПЫТ ПЕРЕВОДА РАССКАЗА КАН БЁН ЮНА «ПРОДАМ КОСТЮМ СУПЕРМЕНА»

Деятельность переводчика всегда связана с анализом. Мы анализируем текст оригинала, установку и намерения автора, выбираем определенные переводческие стратегии и трансформации. Особому анализу подвергается качество текста перевода как на самом этапе работы над ним, так и после ее окончания. И здесь мы сталкиваемся с проблемой определения переводческих ошибок, неточностей и их выявления в тексте перевода.

Переводческие ошибки могут быть абсолютно разные – недостаточно точно переданы намерения автора, культурные компоненты, структурно-грамматические ошибки и др. Однако само понятие переводческой ошибки неоднозначно и относительно. Язык подвержен постоянным трансформациям, меняется состав лексики, грамматика, а также нормы. Данная проблема лежит в дискуссионной плоскости. Кроме того, переводческая ошибка или неточность – это субъективное понятие, так как то, что один переводчик может расценить как ошибку, может быть вариантом перевода для другого переводчика, которому он представляется адекватным.

Ключевые слова: художественный перевод; корейская литература; переводческие ошибки; культурологическая информация; стилистическая ошибка; норма.

E. A. Pokholkova, D. V. Selezneva

Pokholkova E. A., PhD (Philology), Associate Professor, Department of Oriental Languages, Dean of the Faculty of Translation and Interpreting, Moscow State Linguistic University; e-mail: sirotina_e79@mail.ru

Selezneva D. V., Senior lecturer, Department of Oriental Languages, Faculty of Translation and Interpreting, Moscow State Linguistic University; e-mail: selezneva_dv@mail.ru

---

TRANSLATION EXPERIENCE OF 'SELLING SUPERMAN'S COSTUME' BY KANG BYOUNG YOONG

Translation activities are always correlated with analysis. We analyze original text, the author's intentions and also choose certain translation strategies and transformations. Of special importance is the quality of the translated text both in the process of translation and after it is finished. Here we face the problem of finding translation mistakes and inaccuracies.

Translation mistakes can be of various types – stylistic or structural. The translator can fail to convey the author's intentions or cultural components. However the term translation mistake is ambiguous and relative. Language is constantly changing. So the problem is rather debatable and open to discussion.

Key words: literature translation; Korean literature; translation mistakes; cultural background information; stylistic mistake; norm.

Введение

Деятельность переводчика всегда сопряжена с анализом – текста перевода, текста оригинала, интенций автора. В процессе перевода мы принимаем те или иные переводческие решения. При этом перевод – это всегда потеря, поэтому анализ этих решений представляется важным для повышения качества подготовки переводчиков. Проблема выявления переводческих ошибок и неточностей лежит в дискуссионной плоскости.

Причины и классификация переводческих ошибок рассматривались многими лингвистами: Н. К. Гарбовским, А. Л. Семеновым и Л. К. Латышевым, А. Д. Швейцером и другими.

Так, Д. М. Бузаджи под переводческой ошибкой понимает любой недостаток перевода, различая при этом виды, категории и группы ошибок [Бузаджи и др. 2009]. А. Л. Семенов и Л. К. Латышев выделяют две группы ошибок – ошибки в передаче исходного содержания, а также ошибки, которые связаны с адаптацией содержания и формы текста на переводящем языке к коммуникативной компетенции реципиентов [Латышев, Семенов 2003]. А. Д. Швейцер считает, что к переводческим ошибкам следует относить случаи отступления от содержательного соответствия перевода оригиналу [Швейцер 2009], Р. К. Миньяр-Белоручев – несоответствия перевода оригиналу [Миньяр-Белоручев 1996]. В. Н. Комиссаров рассматривает переводческую ошибку как меру дезинформирующего воздействия на читателя [Комиссаров 2002].

Н. К. Гарбовский, рассматривая причины переводческих ошибок, подразделял их на несколько групп – недостаточное владение языком оригинала; отсутствие должного внимания к системе смыслов исходного текста, авторской позиции; ошибки в выявлении и передаче индивидуального стиля автора произведения; недостаточная подготовка переводчика и отсутствие должного когнитивного опыта [Гарбовский 2004].

Таким образом, единого мнения о том, что такое переводческая ошибка, не существует. Одни переводчики относят к ней отступление от нормы или от текста оригинала. Другие же подчеркивают, что норма сама по себе нестабильна ввиду постоянных изменений в языке. В любом случае необходимо стремиться к «сохранению соответствий между разноязычными текстами в процессе перевода, то есть к соответствию подлиннику по функции и оправданности выбора средств в переводе» [Федоров 2002, с. 114].

В рамках статьи хотелось бы поделиться опытом перевода с корейского языка на русский рассказа корейского писателя Кан Бён Юна «Продам костюм супермена». На примере перевода и редакторской правки мы смогли осуществить классификацию наиболее типичных, на наш взгляд, переводческих ошибок, с которыми мы столкнулись при переводе данного рассказа.

Анализ переводческих ошибок в рассказе «Продам костюм супермена». Экспериментальное исследование

К первой группе наиболее часто повторяющихся ошибок мы отнесли структурно-грамматические ошибки, среди которых было много ошибок, связанных с актуальным членением предложения. Частотность такого рода ошибок в переводческой практике достаточно высока. Причина кроется в многочисленных структурно-типологических, а также культурно-исторических расхождениях в языке оригинала и языке перевода.

Помимо формального членения предложения, при переводе его грамматической структуры необходимо также учитывать актуальное членение предложения или членение, передающее коммуникативные установки автора. Соотношение между этими двумя типами членения предложения может быть различно. В силу наличия чрезвычайно развитой морфологической системы в русском языке формальное членение подчинено актуальному. Порядок слов всегда может быть

изменен в зависимости от целей коммуникации (которая, в свою очередь, определяет актуальное членение предложения) [Грамматические аспекты перевода 2012]. Коммуникативная нагрузка в русском языке возрастает к концу предложения, поэтому именно там чаще всего расположена рема, или новая информация.

В корейском языке строгий базовый порядок слов – SOV. Таким образом, соотношение между формальным и актуальным членением корейского предложения отличается от русского языка. Всё это приводит к определенным ошибкам при переводе. Рассмотрим некоторые из них:

1) - 하지만 부족장은 웬지 족장답지 않게 부족의 다른 일원들과는 어울리지 못하는 것 같아 보인다. 오히려 이방인인 리포터가 부족원들과 더 잘 어울리는 것 같은 느낌마저 든다.

– Однако почему-то он не общается со своими подопечными, как это, казалось бы, подобает патриарху. **Кажется, даже репортер-чужеземец лучше с ними ладит** (*пер.*).

– Однако он почему-то – даром что патриарх – со своими подопечными не общается. **Кажется, даже репортер-чужеземец с ними ладит лучше** (*ред.*).

2) - 족장은 다른 부족원들과 달리 사회생활이 불가능하다고. 아프리카 전체에 멘데족은 대략 80만명이나 되는데, 그들 대부분이 현대인과 같은 모양으로 살고 있지만, 리포터가 찾아간 아프리카 서부시에라리온의 스카스강 인근의 부족들만 아직도 예전 그대로 살고 있다고 한다. 족장은 아무와도 인간 대 인간의 관계를 맺지 못한 채 살아야 한다. 단지 족당 대 인간의 관계만 유지한 채.

– **Вождь не может иметь каких бы то ни было отношений с членами племени.** В отличие от них, у него нет права на личную жизнь. Всего в Африке проживает около 800 тысяч представителей племени мэнде, и большинство из них **ничем не отличается от современных людей.** Однако та часть племени, о которой идет речь в нашем репортаже, **проживает по берегам реки Скас в Сьерра-Леоне и сохраняет традиционный уклад.** Поскольку у вождя нет возможности поддерживать отношения с другими людьми, он обречен на одиночество. **Единственные узы, которые он может себе позволить – это отношения начальника и его подчиненных** (*пер.*).

– **Вождь с соплеменниками близких отношений иметь не может.** В отличие от них, у него нет права на личную жизнь. Всего в Африке представителей народности мэнде около 800 тысяч, и большинство из них

ничем от современных людей не отличается. Однако племя, о котором мы рассказываем (оно живет по берегам реки Скас в Сьерра-Леоне) сохраняет традиционный уклад. Поскольку у вождя нет возможности поддерживать отношения с сородичами – разве только отношения начальника и подчиненных, – он обречен на одиночество (*ред.*).

В данном примере мы видим, что при редакторской правке был исправлен целый ряд моментов, связанных с актуальным членением предложения в русском языке. Так, в первом предложении акцент лучше было бы сделать не на том, с кем вождь не может иметь близких отношений, а на самой невозможности этого. Точно так же в предложении, в котором говорится, что племя мэнде похоже на современных людей, акцент лучше сделать не на том объекте, от которого оно не отличается, а на отсутствии отличий. Нам представляется, что таким образом коммуникативная нагрузка будет распределена более подходящим образом. В следующем предложении переводчик допустил ошибку при переводе на русский язык определения перед существительным, оформленного родительным падежом в корейском языке. Переводчик поставил эту уточняющего характера информацию в один ряд с новой информацией, или ремой, касающейся традиционного уклада жизни племени. Поэтому в ходе редакторской правки данное определение было вынесено в скобки и лишено сильного коммуникативного акцента, которым его изначально наделил переводчик. Последние два предложения оригинала были объединены в одно в переводе, что также объясняется коммуникативным намерением – сделать акцент на одиночестве вождя, которому далее в тексте другие герои начинают сочувствовать.

3) – 2호선 승강장까지 사람들의 물결을 타고 간다.

– Перехожу на вторую линию вместе с толпой (*пер.*).

– Вместе со всеми перехожу на вторую линию (*ред.*).

В третьем примере на корейском языке слово *толпа* оказывается ближе к концу предложения. Однако если рассмотреть это предложение в рамках целого абзаца, мы увидим, что *толпа* и *большой поток людей* уже упоминались и являются темой предложения, а не ремой, поэтому представляется более адекватным переместить это ближе к началу предложения.

К структурным ошибкам также относятся ошибки на уровне абзачного деления текста. В тексте перевода была изначально

сохранена исходная абзацная структура корейского языка. Однако в процессе редакторской правки она была изменена на более привычную для русского языка. Стоит, однако, отметить, что это было возможно только в тех случаях, в которых не нарушается особый стиль автора произведения, что очень важно при переводе художественной литературы.

Ко второй группе ошибок мы отнесли все ошибки (в основном лексико-стилистические), которые были совершены при переводе отрывков текста, посвященных описанию героя или же повествованию от его лица. Здесь мы сталкиваемся с ошибками при передаче прагматической установки автора, а также с неудачным выбором лексических и стилистических средств. Данные ошибки не являются смысловыми, не искажают текст и не мешают его пониманию, однако их значимость в рамках художественного перевода весьма значительна.

Каждый персонаж текста, особенно главный герой, обладает определенными индивидуальными чертами, автор наделяет его как внешней, так и внутренней характеристикой. Он обладает своим собственным видением мира, аксиологическими доминантами, и всё это находит непосредственное выражение в языковых средствах, которыми он оперирует. Поэтому основная задача переводчика – передать соответствие героя перевода герою оригинала, так как в противном случае в переводе «проявится» совершенно иной герой, что не будет соотноситься с замыслом автора художественного произведения.

В произведении «Продам костюм супермена» несколько планов. Передний план – необходимость спасения мира. Второй план – депрессивность бытия или апотропия мира, переходящего в разряд симулякров. Герой страдает от своего брэнного существования, обыденности. И это так называемое двойное дно передается и с помощью развернутой метафоры-«маски», которая пронизывает всё повествование – маска вождя, маска енота, а также сам костюм супермена. Для более полного понимания образа героя нам также посчастливилось встретиться с самим автором произведения и узнать его видение своего героя.

Однако несмотря на это частотность подобного рода ошибок оказалось очень высока. Рассмотрим некоторые из них:

1) – 늘 그랬던 것처럼 팬티까지 다 벗은 후에, 갈아입을 바지를 집는다. 타이트한 파란 바지를. 왼쪽 다리를 먼저 바지 구멍에 집어넣는다. 그리고 오른쪽을 마저. 바지를 입은 하체에 힘이 샘솟는 것이 느껴진다. 하지만 내게 주어진 그 힘은 더 이상 아무런 의미를 지니지 못한다. 무용지력(無用之力).

– Всё как всегда: раздевшись догола, **поднимаю с пола штаны. Синие штаны-трико. Прodel в штанину левую ногу. Потом – правую.** Натянув на себя штаны, чувствую, как нижняя часть тела наполняется энергией. **Впрочем, вся эта энергия больше не имеет для меня никакого значения. Бесплезная сила (пер.)**

– Раздевшись догола, беру с пола синее трико. **Всё как всегда: сперва левую ногу, потом – правую.** Привычно чувствую, как вверх от ступней побежала энергия. **Впрочем, эта энергия мне теперь ни к чему. Что в ней проку? (ред.).**

В данных примерах в переводе мы видим кальку с корейского языка – *«бесплезная сила, не имеет никакого значения»*. В процессе редакторской правки данные выражения заменили на более уместные в разговорной речи и более соответствующие образу нашего героя. Также мы видим кальку синтаксической структуры корейского языка с чрезмерной избыточностью описания штанов и процесса их надевания. В редакторской правке было решено объединить данные предложения, а также сделать речь героя более естественной.

2) – 기본적인 상의와 하의를 갖춰 입은 난, 팬티를 집어 든다. 새빨간 팬티. 그 팬티를 바지 위에 입는다. 그리고 거울 앞에 선다. 근육질의 몸매가 자연스럽게 드러나도록 만들어진 옷, 일상복과는 다르게 바지 위에 속옷을 입어야 하는 복장. 이 옷과 한 세트인 새빨간 장화가 눈에 띈다. 그것까지 신고 싶은 생각은 없다. 바닥에 놓인 망토를 보고 잠시 고민에 빠진다. 저것까지 걸쳐야 하나? ‘그래, 마지막인데’ 라고 혼자 중얼거리려본다.

– Покончив с трико и водолазкой, поднимаю с пола **трусы. Ярко-красные трусы. Надеваю их поверх штанов.** Смотрюсь в зеркало. **Ну и костюмчик: демонстрирует мощные мускулы во всей красе, а трусы надо надевать поверх штанов.** Тут в глаза бросается еще один «аксессуар» – ярко-красные сапоги. **Как же не хочется их обувать! Увидев на полу вдобавок такой же ярко-красный плащ, вообще впадаю в уныние. И это тоже надо надевать?** «Ладно, в последний раз», – бормочу про себя (пер.).

– Покончив с трико и футболкой, поднимаю с пола **ярко-красные плавки. Натягиваю** поверх штанов. Смотрюсь в зеркало. **Ну и вид: обтянутый, как ливерная колбаса, качок в малиновых трусах!** Тут взгляд падает на еще один «аксессуар» – ярко-красные сапоги. **От одного вида трясет! А на полу вдобавок такой же алый плащ – и его тоже надо?!** Ладно, в последний раз (*ред.*).

В данном примере в первых трех предложениях перевода мы вновь видим кальку синтаксической структуры корейского языка, которая отяжеляет речь героя в языке перевода, лишая ее естественности. Также видятся неуместными излишние повторы: *надеваю их поверх штанов, трусы надо надевать поверх штанов.*

Предложение *Ну и костюмчик: демонстрирует мощные мускулы во всей красе, а трусы надо надевать поверх штанов* не передает всей комичности ситуации и нелепости образа ввиду неудачного выбора лексическо-стилистических средств. Поэтому оно было заменено на *Ну и вид: обтянутый, как ливерная колбаса, качок в малиновых трусах!*

Более естественны и экспрессивны для речи героя предложения *От одного вида трясет! А на полу вдобавок такой же алый плащ – и его тоже надо?!* вместо излишних деталей *надевать, обувать*, которые были в изначальном варианте перевода.

3) – 망토를 두른다. 망토를 두르자, 몸이 가벼워진다. 날아갈 듯 한 가벼움, 하지만 그 가벼움도 지겹다, 지겨워. 그냥 지상에 딱 붙어있고 싶다. 아주 오랜 동안. 중력에 위배되지 않는 인간으로 살고 싶다. 아무리 봐도 유치찬란한 디자인, 그것을 더더욱 유치찬란하게 만들어주는 원색들. 그리고 비정상적인 착의. 한술 더 떠 망토까지. 하지만 마지막이라고 생각을 하니 조금은 섭섭한 마음도 든다. 입을 때와는 반대로, 그 거추장스러운 옷들을 벗을 때는 시간이 걸리지 않는다.

– Завязываю плащ. Тут же тело приобретает **неземную лёгкость.** Кажется, будто вот-вот взлетишь. **Как же надоела эта лёгкость, просто сил нет!** А ведь так хочется не отрываться от земли. Долго-долго. **Как бы я хотел жить в согласии с гравитацией...** Мало того, что фасон не очень, так еще и цвета дурацкие. Да уж, **нормальный человек такое не наденет.** И ко всему вдобавок еще этот плащ. Всё же, несмотря на мою «любовь» к костюму, как подумал, **что сегодня надеваю его в последний раз,** так почему-то вдруг стало немного грустно. Но снимать эту **ненавистную красно-синюю одежду** куда быстрее, чем её надевать (*пер.*).

– Завязываю плащ, и тело приобретает **необыкновенную лёгкость**. Кажется, вот-вот взлетишь. **Достала эта лёгкость – сил нет!** Так хочется уже не отрываться от земли. Вообще. **Эх, жить бы по законам земного притяжения...** Мало того что фасон не очень, так еще и цвета какие-то детсадовские. **Ну разве нормальный человек такое станет носить?** И плащ этот... Всё же, как подумал, **что сегодня последний раз**, почему-то стало немного грустно. Но снимать эту **красно-синюю дрянь** куда быстрее, чем надевать (ред.).

В данном отрывке мы видим неудачный выбор лексических средств, неоправданное усиление выразительности речи героя – **неземная/необыкновенная лёгкость** – и, наоборот, выбор менее экспрессивного средства при наличии более разговорного и подходящего для речи героя варианта перевода – **Как же надоела эта лёгкость, просто сил нет!** / **Достала эта лёгкость – сил нет!** Особого внимания заслуживает тот факт, что разговорная естественная речь короче, в ней много опущений, поэтому в редакторской правке исключили **просто** и оставили вариант **сил нет!**; «как подумал, **что сегодня надеваю его в последний раз**» – заменили на «подумал, **что сегодня последний раз**»; **её надевать** – на **надевать**.

Также неестественно из уст супермена-неудачника звучат слова **Как бы я хотел жить в согласии с гравитацией...** Более образным, экспрессивным и передающим внутреннее состояние героя кажется выражение **красно-синяя дрянь**, а не **ненавистная красно-синяя одежда**, что слишком громоздко и менее выразительно для устной речи.

4) – 그렇게만 된다면, 더 이상 회사를 지각하는 일도, 갑작스럽게 조퇴하는 일도 없게 될 것이다. 친구들과 술을 마시다가 소리 없이 사라질 필요도 없다. 어울리지 않는 빨데 안경을 쓸 필요도 없고, 공중전화 부스에 들어가 빙글빙글 돌면서 딱 끼는 옷을 갈아입고, 쏠살처럼 빌딩 숲 사이로 날아오를 필요도 없다. 여자친구에게 거짓말을 밥 먹듯이 할 필요는 더더욱 없어질 것이다. 테러 진압 원조를 위해, 망토 달고 태평양을 건너는 일은 더더욱 없을 것이다.

– **Тогда я смогу** не опаздывать на работу и не отпрашиваться пораньше. И не буду **я** исчезать в разгар посиделок с друзьями. И мне больше не придется ни носить очки в роговой оправе, которые мне не идут, ни вертеться в телефонной будке в попытках **натянуть на себя обтягивающий костюм**. И больше не надо будет ни врать девушке, ни летать в дурацком плаще между высоток, ни пересекать Тихий океан, **чтобы помочь в борьбе с терроризмом** (пер.).

– **Наконец-то смогу** не опаздывать на работу и не отпрашиваться пораньше. И не буду исчезать в разгар посиделок с друзьями. И мне больше не придется ни носить очки в роговой оправе, которые мне не идут, ни запирается в тесной телефонной будке и судорожно натягивать **костюм в облипку**. И не надо будет ни врать девушке, ни летать в дурацком плаще между высоток, ни мотаться на другой конец Тихого океана, **потому что террористы распоясались** (ред.).

В данном отрывке мы вновь видим необходимость опущения, так как речь устная – *буду я исчезать* / буду исчезать, а также возможность выбора более удачных с точки зрения стиля лексических средств: *обтягивающий костюм / костюм в облипку; чтобы помочь в борьбе с терроризмом / потому что террористы распоясались*.

Таким образом, в процессе редакторской правки речь героя стала более приближенной к разговорной, более естественной, отражающей его внутренне состояние и индивидуальные черты. И хотя такого рода ошибки проявляются не на уровне смысла, они приводят к неправильному восприятию читателями героя и искажению задумки автора. Сам объем перевода в результате такой правки уменьшился, так как естественная речь всегда короче, чем письменная, для неё характерны опущения, неполные предложения и т. д.

При художественном переводе особое место всегда занимает перевод реалий. При работе с культурными реалиями переводчик вынужден решать такие проблемы, как отсутствие в языке перевода эквивалента, который можно было бы использовать, а также необходимость передать колорит реалии, ее национально-историческую окраску. При этом всегда приходится учитывать, что является общечеловеческим, понятным всем, а что национально обусловленным. Использование реалий в оригинале придает тексту особую экспрессию. Сохраняя коммуникативную установку для создания целостного образа, необходимо найти баланс между эквивалентностью и адекватностью перевода. При этом, так как перевод художественной литературы – это неизменно творческий процесс и неизменно какая-то потеря, то мнения переводчиков зачастую могут различаться. Именно поэтому понятие переводческой ошибки весьма относительно. Рассмотрим пример из нашего перевода:

1) – 며칠 전에 만들어둔 김치찌개를 데운다. 수저통에서 수많은 수저들 중에 한쌍을 꺼낸다. 나머지 수저들은 주인을 찾지 못하고 자리를 지킨다. 찬밥과 김치찌개로 시작하는 아침 식사.

– Включаю плиту, чтобы разогреть позавчерашний **кимчи-чиге**. Из ведерка достаю палочки и ложку. Остальные одиноко продолжают стоять на месте. Сегодня мой завтрак – холодный рис с **кимчи-чиге** (пер.).

– Включаю плиту, ставлю на конфорку позавчерашний **капустный суп**. Из ведерка достаю палочки и ложку. Остальные как стояли на месте, так и стоят. Сегодня у меня на завтрак холодный рис с **супом** (ред.).

В данном рассказе при переводе реалии кимчи-чиге в редакторской правке было решено заменить перевод на **капустный суп**. Причиной этому является тот факт, что в нашем случае блюдо не может быть однозначно известно российскому читателю, вследствие чего теряется тот оттенок смысла, который хотел передать автор. Название блюда употребляется наряду с другими всем известными названиями – рис, лапша и т. д. При этом все эти блюда, в том числе кимчи-чиге, подразумевают что-то самое простое в готовке, не изысканное и, конечно, не дорогое, что еще раз подчеркивает некую депрессивность существования нашего героя-супермена: *Но, с другой стороны, а что я умею готовить? Если не считать кимчи-чиге, ничего больше и не умею / Выбрасываю остатки еды в унитаз».*

По этой причине адекватным переводом данной реалии в контексте нашего рассказа стал перевод «капустный суп». Таким образом, в сознании читателя активируются схожие с задумкой автора ассоциации.

Заключение

Таким образом, можно сделать вывод, что ввиду отсутствия единого мнения о том, что такое переводческая ошибка, видение разных переводчиков, а также переводчиков и редакторов во многих случаях может не совпадать. Однако в процессе редакторской правки можно выявить многие недочеты перевода.

Наш опыт перевода рассказа Кан Бён Юна «Продам костюм супермена» с корейского языка на русский и последующей редакторской правки показал, что большая часть ошибок была структурно-грамматического или же лексико-стилистического характера, в особенности в отношении воссоздания образа героя в языке перевода. Особую трудность также представлял перевод реалий.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Бузаджи Д. М.* [и др.]. Новый взгляд на классификацию переводческих ошибок / Д. М. Бузаджи, В. В. Гусев, В. К. Ланчиков, Д. В. Псурцев. М. : Всероссийский центр перевода, 2009. 119 с.
- Гарбовский Н. К.* Теория перевода. М. : Изд-во Моск. Ун-та, 2004. 544 с.
- Комиссаров В. Н.* Современное переводоведение: учебное пособие. М. : ЭТС, 2002. 424 с.
- Латышев Л. К., Семенов А. Л.* Перевод: теория, практика и методика преподавания: учебное пособие. М. : Академия, 2003. 192 с.
- Миньяр-Белоручев Р. К.* Теория и методы. М. : Московский лицей, 1996. 208 с.
- Грамматические аспекты перевода : учебное пособие для вузов по специальности «Перевод и переводоведение» направления «Лингвистика и межкультурная коммуникация» / О. А. Сулейманова, К. С. Карданова, Н. Н. Беклемешева и др. М. : Академия, 2012. 235 с.
- Федоров А. В.* Основы общей теории перевода (лингвистические проблемы): учебное пособие для институтов и факультетов ин. языков. 5-е изд. СПб. : Филологический факультет СПбГУ ; М. : ФИЛОЛОГИЯ ТРИ, 2002. 416 с. (Студенческая библиотека).
- Швейцер А. Д.* Теория перевода. 2-е изд. М. : ЛИБРОКОМ, 2009. 216 с.

REFERENCES

- Buzadzhi D. M.* [i dr.]. Novyj vzgljad na klassifikaciju perevodcheskih oshibok / D. M. Buzadzhi, V. V. Gusev, V. K. Lanchikov, D. V. Psurcev. M. : Vserossijskij centr perevoda, 2009. 119 s.
- Garbovskij N. K.* Teorija perevoda. M. : Izd-vo Mosk. Un-ta, 2004. 544 s.
- Komissarov V. N.* Sovremennoe perevodovedenie: uchebnoe posobie. M. : JeTS, 2002. 424 s.
- Latyshev L. K., Semenov A. L.* Perevod: teorija, praktika i metodika prepodavanija: uchebnoe posobie. M. : Akademija, 2003. 192 s.
- Min'jar-Beloručev R. K.* Teorija i metody . M. : Moskovskij licej, 1996. 208 s.
- Grammaticheskie aspekty perevoda : uchebnoe posobie dlja vuzov po special'nosti «Perevod i perevodovedenie» napravlenija «Lingvistika i mezhhkul'turnaja kommunikacija» / O. A. Sulejmanova, K. S. Kardanova, N. N. Beklemesheva i dr. M. : Akademija, 2012. 235 s.
- Fedorov A. V.* Osnovy obshhej teorii perevoda (lingvisticheskie problemy): uchebnoe posobie dlja institutov i fakul'tetov in. jazykov. 5-e izd. SPb. : Filologičeskij fakul'tet SPbGU ; M. : FILOLOGIJA TRI, 2002. 416 s. (Studenčeskaja biblioteka).
- Shvejcer A. D.* Teorija perevoda. 2-e izd. M. : LIBROKOM, 2009. 216 s.

УДК 81-139

М. П. Таймур

старший преподаватель кафедры лингвистики и профессиональной коммуникации в области гуманитарных и прикладных наук Института гуманитарных и прикладных наук Московского государственного лингвистического университета; соискатель кафедры лексикологии факультета английского языка Московского государственного лингвистического университета;
e-mail: mariataymour@gmail.com

КОГНИТИВНЫЙ ДИССОНАНС В СМЕШАННЫХ МЕТАФОРАХ И МАЛАФОРАХ НА АНГЛИЙСКОМ ЯЗЫКЕ

В статье рассматривается понятие когнитивного диссонанса и определение ведущих факторов преодоления диссонанса при восприятии смешанных метафор и малафор в современном английском языке. Феномен смешанной метафоры и малафоры рассматривается с позиций когнитивной лингвистики; уточняется разница между смешанной метафорой и малафорой. В статье ставится задача разделить интенсивность когнитивного диссонанса с помощью использования аппарата «модулей понимания» проф. В.З.Демьянкова, в данном случае модуля «знание языка», и анализа результатов проведенного лингвокогнитивного эксперимента. Выдвигается предположение о том, что при работе со смешанными метафорами и малафорами на интенсивность диссонанса у русскоговорящего реципиента влияет наличие в русском языке сходных элементов, являющихся компонентами смешанной метафоры/малафоры; знание реципиентом устойчивых выражений, составляющих смешанную метафору/малафору; наличие общей концептуальной базы у исходных элементов смешанной метафоры/малафоры. По результатам эксперимента обсуждаются выводы и перспективность изучения феномена смешанной метафоры и малафоры.

Ключевые слова: смешанная метафора; малафора; когнитивный диссонанс; аппарат «модулей понимания».

М. P. Taymour

Senior Lecturer, Department of Linguistics and Professional Communication in Law, Institute of International Law and Justice, Moscow State Linguistic University; PhD Student, Department of English Lexicology, Faculty of the English Language, Moscow State Linguistic University; e-mail: mariataymour@gmail.com

COGNITIVE DISSONANCE IN MIXED METAPHORS AND MALAPHORS IN ENGLISH

The article focuses on the notion of cognitive dissonance and aims at defining major factors of overcoming the dissonance while encountering mixed metaphors and malaphors in modern English. The phenomenon of mixed metaphors and malaphors,

a widespread occurrence nowadays, but earlier seen by scientists as the wrong usage of linguistic means, is studied from the perspectives of cognitive linguistics. The difference between mixed metaphors and malaphors is being discussed. The article poses the problem of identifying the intensity of cognitive dissonance with the help of the apparatus of "modules of understanding" by professor Demyankov V.Z. (in this case the module "knowledge of the language") and the analysis of the linguistic-cognitive experiment results. The author speculates that the intensity of dissonance of a Russian-speaking recipient while working with mixed metaphors and malaphors depends on the existence in Russian of the elements of the constituents; on the knowledge of the idioms comprising a mixed metaphor in question; on the existence of the common cognitive basement of the elements comprising a malaphor / mixed metaphor.

The conclusions based on the results of the experiment are being discussed as well as the promise of studying the phenomenon of mixed metaphor and malaphor.

Key words: mixed metaphor; malaphor; cognitive dissonance; apparatus of "modules of understanding".

Введение

Понятие когнитивного диссонанса начало использоваться в сфере психологии и лингвистики с тех пор, как оно было впервые введено в науку в 1957 г. известным американским специалистом в области социальной психологии и психологии регуляции мышления доктором философии Л. Фестингером. Когнитивным диссонансом (от лат. *cognitio* – *познание* и *dissonantia* – *несозвучность, нестройность, отсутствие гармонии*) традиционно считается состояние разной степени психического дискомфорта человека, вызванное столкновением в его сознании неких конфликтующих представлений: верований, идей, ценностей или эмоциональных реакций на происходящее в окружающем мире. Тем не менее, как отмечает Д. Солобуто, «состояние когнитивного диссонанса является неотъемлемой частью нашей жизни» [Солобуто 2015, с. 128]. Сама теория когнитивного диссонанса Фестингера, как исторически, так и по содержанию тесно связанная с гештальтпсихологией Курта Левина (научного руководителя и коллеги Леона Фестингера), стремится подробно исследовать и объяснить возникающий у индивида когнитивный диссонанс, проявляющийся в ситуации, «когда человек располагает двумя взаимосвязанными элементами, противоречащими друг другу, порождая в субъекте желание уменьшить или – в идеале – устранить диссонанс» [Фестингер 1999, с. 8]. Возникающая у индивида потребность снижения психологического дискомфорта, порождаемого диссонансом, и желание достигнуть противоположного состояния (консонанса) приводит

к стремлению уменьшить степень несоответствия противоречивых элементов. Способы уменьшения степени когнитивного диссонанса, предложенные Фестингером, заключаются в следующем:

- 1) увеличение числа (и значимости) консонантных когнитивных элементов или уменьшение числа (либо значимости) диссонантных;
- 2) изменение одного из диссонантных элементов и приведение его к согласованности.

Процесс преодоления когнитивного диссонанса весьма сложен как в повседневной жизни индивида, так и в процессе коммуникации (устной или письменной), хотя процесс этот естествен и неизбежен, поскольку «связанные между собой установки человека стремятся к согласованности» [Фестингер 1999, с. 15]. Поскольку «гипотезы о преодолении когнитивного диссонанса позволяют объяснить работу некоторых механизмов понимания речи» [Демьянков 2011, с. 33], то целью данной работы является определение ведущих факторов преодоления диссонанса при восприятии смешанных метафор и малафор в современном английском языке.

Смешанная метафора и малафора

Феномен смешанной метафоры (т. е. двух или более логически несочетаемых метафор, соединенных в одном выражении в непосредственной близости в тексте) был впервые зафиксирован еще в XVII в. и использовался авторами того времени (например, в «Гамлете» Шекспира, где автор вместо метафоры *to take arms against a host of troubles* использует смешанную метафору *to take arms against a sea of troubles* с вероятной целью привлечения внимания читателя к слишком большому количеству проблем героя). Однако до середины XX в. смешанная метафора учеными не изучалась: этот лингвистический феномен либо игнорировался, либо считался риторической ошибкой, которую рекомендовалось всячески избегать. Считалось, что смешанные метафоры возникают в речи лишь в том случае, когда говорящий не осознает переносного значения выражения, и буквальное значение метафоры оказывается недоступным его сознанию [Muller 2008, с. 135]. Кроме того, как правило, смешиваются те метафоры, которые существуют в языке уже долгое время и значительно утратили свою образность в результате длительного употребления.

Многие известные лингвисты, например А. Начисчионе и Дж. Несфилд, категорически против намеренного совмещения несколько метафор из разных источников в одном предложении. Среди других

ученых часто наблюдается неоднозначное отношение к данному типу метафор, при котором происходит наложение, а иногда и смешение двух или более концептуальных областей, поскольку данный процесс может привести к весьма непредсказуемым последствиям [Голубкова 2018]. Например, М. Киммел весьма однозначно утверждает, что смешанные метафоры могут быть положительно восприняты собеседником или читателем только в том случае, если они находятся в пределах одного предложения; если же они расположены в тексте на значительном расстоянии, объединение их в единый концепт вызывает у реципиента большие трудности и приводит к непониманию [Kimmel 2010]. Некоторые же филологи признают смешанные метафоры как стилистический прием и видят в них признак определенной креативности и остроумия автора высказывания, если использование смешанной метафоры в дискурсе может быть расценено как преднамеренное высокоэффективное лингвистическое средство для создания некоего, как правило, комического эффекта и эффекта обманутого ожидания [Semino 2016]. Металингвистические комментарии могут быть обнаружены и в современных языковых корпусах, например: *Bob's source is Lyn Cassady, hilariously played by George Clooney with bulging eyes that indicate a man who is not (mixed metaphor ahead) cooking with a full deck* (COCA). Здесь идиоматическое выражение *not playing with a full deck* (быть психологически, ментально или интеллектуально неполноценным) соединено с глаголом *to cook*, что, вероятно, может быть объяснено родом деятельности протагониста американского фильма «The Men Who Stare At Goats», из описания которого и позаимствована фраза – главный герой, солдат американской армии, обучается паранормальным способностям и готовит спецоперации. Необходимо заметить, что если при использовании стандартных метафор внимание собеседников, как правило, приковано к переносному значению выражения, то при смешении метафор на первый план выходит буквальное значение, за счет чего часто и создается определенный юмористический эффект.

Развитие когнитивного направления в лингвистике значительно изменило отношение филологов к смешанным метафорам и превратило их в объект научного исследования. В когнитивной лингвистике существует необходимый для обеспечения системного видения смешанных метафор концептуальный аппарат, и это позволило интегрировать данный феномен в общее проблемное поле метафорических

исследований. Основополагающим здесь является тезис о том, что смешанные метафоры не являются ошибочно возникшими языковыми формами, а основаны на том же концептуальном знании, что и традиционные метафоры, и в их понимании задействованы те же типы ментальных процедур и структуры знания [Lee 1999, с. 29]. Системность в описание метафоры (а позже и смешанной метафоры) как когнитивного механизма, была привнесена в науку теорией, разработанной Лакоффом и Джонсоном в 1980 г. в их книге «*Metaphors we live by*», гласившей, что метафоричность проявляется не только в языке, но и в самих процессах мышления человека, в его действиях. «Наша обыденная понятийная система, в рамках которой мы думаем и действуем, по сути своей метафорична» [Лакофф, Джонсон 2004, с. 25]. А поскольку в когнитивном направлении в современной лингвистике проблема категоризации окружающей действительности занимает центральное место, смешанная метафора играет важную роль как один из способов познания, концептуализации, категоризации, объяснения, оценки мира и в принципе как проявление аналоговых и творческих возможностей человеческого разума.

Смешение двух и более афоризмов, клише или идиоматических выражений, провоцирующее изменение основных значений идиом, обозначается в современной лингвистике термином «малафора», впервые упомянутым и описанным американским ученым Лоренсом Харрисоном в 1976 г. в статье «*Searching Malaphors*» американского издания *The Washington Post*. Различие между смешанной метафорой и малафорой, по Харрисону, в том, что в последней при смешении двух устойчивых выражений одно слово или несколько слов заменяются на выражение из другой поговорки или поговорки, что и создает юмористический эффект – например, при смешении двух поговорок: *Let's cross that bridge when we come to it* (обозначающая предложение отложить принятие решения на более позднее время и являющаяся эквивалентом выражения *проблему надо решать по мере их поступления*) и *You can't have your cake and eat it too* (приблизительный эквивалент русских пословиц *нельзя совместить несовместимое, на двух стульях не усидишь*) малафора звучит как *We'll cross that bridge and eat it too* (что примерно означает 'Мы не только преодолеем данную сложность, но и достигнем успеха'). В то же время многие лингвисты считают смешанную метафору и малафору единым феноменом, не имеющим существенного различия. В данной статье мы не

разделяем смешанные метафоры и малафоры на две категории, а рассматриваем малафору как разновидность смешанной метафоры, вызывающий когнитивный диссонанс у реципиента.

При выявлении возможных факторов преодоления когнитивного диссонанса, возникающего при возникновении в поле видимости реципиента смешанных метафор, представляется целесообразным использовать аппарат «модулей понимания», предложенный В. З. Демьянковым для объяснения процесса понимания читателями текстов с двойной адресацией [Демьянков 2011]. В данной статье нами будет рассмотрен модуль «Знание языка» и приведены результаты лингвокогнитивного эксперимента для анализа механизма понимания различных смешанных метафор и малафор и ослабления / преодоления, языкового когнитивного диссонанса.

Модуль «Знание языка»

При рассмотрении смешанных метафор и малафор в английском языке данный модуль особенно важен для определения факторов преодоления когнитивного диссонанса у носителей английского языка. Даже на самых высоких уровнях владения иностранным языком реципиент при работе с текстом весьма часто испытывает когнитивный диссонанс при столкновении с устойчивыми метафорическими выражениями, фразеологизмами, пословицами, поговорками и проч. Когда же речь идет о смешанных метафорах и малафорах, затруднение понимания становится значительно глобальнее, поскольку число диссонантных элементов возрастает. Для преодоления когнитивного диссонанса и достижения полного понимания индивиду необходимо не только осознать значение всех составляющих смешанной метафоры/малафоры, но и воспользоваться каноном понимания Ф. Шлейермахера, заключающегося в том, что точный смысл каждого слова и выражения в каждом месте дискурса необходимо устанавливать по тому, как это слово либо выражение сосуществует со своим окружением [Шлейермахер 1838]. Приведем следующий пример: *I want to get an elephant out of the room*. Данная смешанная метафора является комбинацией устойчивого выражения *the elephant in the room* (серьезная проблема, о которой все знают, но по какой-либо причине не упоминают в разговоре) и *to be out in the open* (стать всеобщим достоянием, как правило об информации). Особенность данной смешанной метафоры заключается в том, что составляющие ее идиомы имеют

противоположное значение, и для преодоления диссонанса в общении слушающий должен не только понимать значение смешиваемых идиоматических выражений, но и учитывать контекст, в котором возникает данная смешанная метафора. А контекстом в случае употребления данного лингвистического микса являлась деловая встреча, на которой докладчик делал попытки начать обсуждение давно назревшей проблемы, которая долгое время игнорировалась работниками компании.

В данной статье мы выдвигаем предположение, заключающееся в следующем: интенсивность когнитивного диссонанса, описываемого в Модуле 3 (т.е. связанного с уровнем знания языка), напрямую зависит от следующих трех факторов:

1. Имеют ли составляющие смешанную метафору/малафору элементы сходные эквиваленты (*cognates*) в родном языке реципиента.

2. Известны ли реципиенту, не являющемуся носителем английского языка, значения исходных устойчивых выражений (клише, идиомы, пословицы и проч.) смешанной метафоры / малафоры в случае отсутствия схожих по значению выражений в родном языке получателя информации.

3. Обладают ли составляющие смешанной метафоры общей концептуальной базой (т.е. синонимичны они по смыслу или нет).

Результаты лингвокогнитивного эксперимента

С целью подтверждения данной гипотезы был проведен эксперимент: четверем русскоговорящим взрослым студентам уровня CEFR C1 (Advanced), трем русскоговорящим взрослым студентам уровня CEFR B2-B2+ (Upper-intermediate) и трем преподавателям английского языка (носителям английского, итальянского и русского языков) были предложены приведенные ниже смешанные метафоры/малафоры и задание: ***Read these expressions, analyse the meaning of these metaphors and its components*** (Прочтите данные выражения, проанализируйте значения данных метафор и составляющих их компонентов):

- A. Don't put all your chickens in one basket before they've hatched
- B. Always look both ways before brushing your teeth
- C. A bird in the hand is worth two killed with one stone
- D. A penny saved is worth two in the bush
- E. This may be water under the bridge, but blood is thicker than water
- F. The squeaky mouse gets the oil

Наименьший уровень когнитивного диссонанса возникает при восприятии смешанной метафоры, в которой исходные составляющие – это пословицы или поговорки, имеющие хотя бы примерные эквиваленты в родном языке слушающего, и в которой смысл смешанной метафоры в основном усиливается при взаимодействии составляющих, существенно не изменяясь:

A. Don't put all your chickens in one basket before they've hatched

Эта фраза представляет собой смешение двух известных пословиц (*Don't put all your eggs in one basket – Не клади все яйца в одну корзину*) и (*Don't count your chickens before they've hatched – Цыплят по осени считают*), который означает примерно следующее: «Не рассчитывай на неизвестную ситуацию в будущем, используя все свои ресурсы в одном, возможно, не самом лучшем, направлении», «Будь более скептичен, планируя свое будущее».

B. Always look both ways before brushing your teeth

Два устойчивых выражения – *Look both ways before crossing the street – Смотри по сторонам, прежде чем переходить дорогу* и *Don't forget to brush your teeth – Не забудь почистить зубы* – перерождаются в малафору, обозначающую «Будь внимателен и осторожен даже в самых обычных рутинных ситуациях и при выполнении самых элементарных заданий».

Уровень когнитивного диссонанса возрастает, когда составляющие смешанную метафору элементы, усиливая конечное выражение, приблизительно совпадают по значению, но не полностью по содержанию с устойчивыми выражениями в родном языке реципиента:

C. A bird in the hand is worth two killed with one stone

Пословица *A bird in the hand is worth two in the bush*, приблизительный эквивалент *Лучше синица в руках, чем журавль в облаках* плюс пословица *To kill two birds with one stone*, приблизительный эквивалент *Убить двух зайцев одним ударом*, что в совокупности может быть переведено как «Нужно быть довольным тем, что имеешь, и рисковать, руководствуясь здравым смыслом».

D. A penny saved is worth two in the bush

Смешение поговорок *A penny saved is a penny earned – Копейка рубль бережет* и опять же *A bird in the hand is worth two in the bush* –

Лучше синица в руках, чем журавль в облаках приводит к смешанной метафоре со смыслом «Довольствуйся тем, что имеешь, вместо того, чтобы желать то, чего у тебя нет», «За двумя зайцами погонишься – ни одного не поймаешь».

Когнитивный диссонанс наивысшего уровня возникает, когда реципиент встречает в дискурсе смешанную метафору / малафору, составляющие части которой не имеют эквивалентов в его родном языке и не обладают близким значением, принадлежа разным концептуальным доменам.

E. This may be water under the bridge, but blood is thicker than water

При создании этой смешанной метафоры использовались пословицы *Water under the bridge*, где дословный перевод: 'Вода под мостом', примерное значение «Что было, то прошло») и *The blood of the covenant is thicker than the water of the womb* (или *Blood is thicker than water*), дословный перевод 'Кровь завета гуще, чем вода чрева'. Эквивалентом в современном русском языке может считаться поговорка *Свой своему поневоле брат*, но изначально английская пословица, заимствованная из немецкого языка (*Blut ist dicker als Wasser*) обозначала «кровь, пролитая солдатами в бою, связывает больше кровных уз», и в русском языке предположительно эквивалентов не имеет. Значение смешанной метафоры – это «ситуация, произошедшая с тобой в прошлом, возможно, потеряла свое значение для тебя, но те близкие люди, кого ты ранил, до сих пор ее помнят».

F. The squeaky mouse gets the oil

В данной малафоре присутствует смешение выражений *The squeaky wheel gets the grease* (дословно 'скрипучее колесо бывает смазано', в значении «Внимание обращают на тех, кто громче кричит») и *The careless prey / mouse gets caught in the trap* (дословно 'невнимательные животные попадают в ловушку', возможный эквивалент на русском *Не высовывайся, будь как все, если не хочешь нажить себе проблем*). Значение смешанной метафоры – недалековидный человек первым становится жертвой обстоятельств.

Заключение

По результатам эксперимента были сделаны следующие выводы:

- Предположение о влиянии на уровень когнитивного диссонанса знания / незнания эквивалента структурного компонента

метафоры в родном языке оказалось верно: в случае, когда испытуемые владели данными знаниями, составляющие компоненты и итоговая смешанная метафора вызывали наименьший диссонанс. Несмотря на один уровень (CEFR C1), обучающиеся определяли «наиболее легкими для понимания» различные смешанные метафоры (А, В, С, D), но практически единогласно определили смешанные метафоры Е, F как наиболее сложные для понимания.

- Смешанные метафоры, в которых составляющие компоненты усиливали общую идею (как в А, D), вызывали меньший диссонанс (для их понимания было также необходимо меньшее количество времени) по сравнению с малафорами, где исходные выражения не связаны общим смыслом (В, С, Е, F).
- Уровень когнитивного диссонанса у всех преподавателей английского языка практически отсутствовал в случае рассмотрения малафор А, В, С, D и был достаточно высок в случае рассмотрения малафор Е, F.

Особый интерес при анализе смешанных метафор представляли:

- Возможность использовать свою лингвистическую интуицию и аналитические способности при определении значений выражений.
- Сравнение выражений с их эквивалентами на родном языке.
- Знание идиоматических выражений английского языка.

В смешанных метафорах А, В, С, D для большинства участников эксперимента самым проблематичным оказалось совместить значение двух уже известных составляющих и определить значение конечного бленда. Ни один испытуемый, включая преподавателей, не смог вывести конечного значения малафор Е, F без дополнительных комментариев и возможного контекста употребления смешанной метафоры.

Подводя итог, можно сказать, что смешанная метафора «не является патологической лингвокогнитивной формой и основывается на тех же ментальных механизмах, что и классическая метафора» [Нагорная 2013, с. 151] и обладает большей описательной силой в случаях концептуализации комплексной сложной идеи, поскольку в пределах одного высказывания отражаются одновременно несколько различных идей, а факторы преодоления когнитивного диссонанса в смешанных метафорах представляют несомненный интерес для современной когнитивной лингвистики и являются перспективным направлением дальнейших лингвистических исследований.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Голубкова Е. Е. Failing metaphors или анализ семантики смешанных метафор // Вестник Московского государственного лингвистического университета. Гуманитарные науки. 2019. Вып. 1 (817). С. 113–125.
- Демьянков В. З. Когнитивный диссонанс: когниция языковая и внеязыковая // Когнитивные исследования языка. Взаимодействие когнитивных и языковых структур: сб. научных трудов. М. : Институт языкознания РАН ; Тамбов : Тамбовский гос. ун-т им. Г. Р. Державина, 2011. Вып. 9. С. 33–40.
- Лакофф Дж., Джонсон М. Метафоры, которыми мы живем. М. : УРСС Эдиториал, 2004. 256 с.
- Нагорная А. В. Смешанная метафора как средство вербализации интероцептивного опыта // Вестник Орловского государственного университета. Вып. 5 (34). 2013. С. 146–151.
- Солобута Д. С. Когнитивный диссонанс в лингвостилистической перспективе // Вестник Московского государственного университета. 2015. Вып. 730. С. 128–139.
- Фестингер Л. Теория когнитивного диссонанса / пер. А. Анистратенко, И. Знаешева. СПб. : Ювента, 1999. 320 с.
- Шлейермахер Д. Герменевтика. Берлин, 1838. 366 р.
- Kimmel M. Why We Mix Metaphors (and Mix Them Well). University of Vienna // Journal of Pragmatics. 2009. # 42. P. 97–115.
- Kövecses Z. Where Metaphors Come From: Considering Context in Metaphor. Oxford, UK : Oxford University Press, 2015. 215 p.
- Lee M. G., Barnden J. A. Reasoning about mixed metaphors within an implemented artificial intelligence system // Metaphor and Symbol. 1999. 16 (1&2). P. 29–42.
- Muller C. Metaphors dead and alive, sleeping and walking. Chicago : The University of Chicago Press, 2008. 290 p.
- Naciscione A. Extended metaphor in the web of discourse. Latvian : Academy of Culture, 2013. 150 p.
- Semino E. A Corpus-based Study of ‘Mixed Metaphor’ as a Metalinguistic Comment // R. Gibbs. Mixing Metaphor. UK : Lancaster University, 2016. P. 203–222.
- Semino E., Demjen Z., Demmen J. An Integrated Approach to Metaphor and Framing in Cognition, Discourse, and Practice, with an Application to Metaphors for Cancer // Applied Linguistics, 2016. URL: doi.org/10.1093/applin/amw028 (дата обращения: 6 марта 2019).
- Sullivan K. Frames and constructions in metaphoric language. Amsterdam : John Benjamins, 2013. 184 p.

REFERENCES

- Golubkova E. E.* Failing metaphors ili analiz semantiki smeshannyh metafor // Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo lingvisticheskogo universiteta. Gumanitarnye nauki. 2019. Vyp. 1 (817). S. 113–125.
- Dem'jankov V. Z.* Kognitivnyj dissonans: kognicija jazykovaja i vnejazykovaja // Kognitivnye issledovanija jazyka. Vzaimodejstvie kognitivnyh i jazykovyh struktur: sb. nauchnyh trudov. M. : Institut jazykoznanija RAN ; Tambov : Tambovskij gos. un-t im. G. R. Derzhavina, 2011. Vyp. 9. C. 33–40.
- Lakoff Dzh., Dzhonson M.* Metaforj, kotorymi my zhivem. M. : URSS Jeditorial, 2004. 256 s.
- Nagornaja A. V.* Smeshannaja metafora kak sredstvo verbalizacii interoceptivnogo opyta // Vestnik Orlovskogo gosudarstvennogo universiteta. Vyp. 5 (34). 2013. S. 146–151.
- Solobuto D. S.* Kognitivnyj dissonans v lingvisticheskij perspektive // Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo universiteta. 2015. Vyp. 730. S. 128–139.
- Festinger L.* Teorija kognitivnogo dissonansa / per. A. Anistratenko, I. Znaesheva. SPb. : Juventa, 1999. 320 s.
- Shlejermaher D.* Germenevtika. Berlin, 1838. 366 p.
- Kimmel M.* Why We Mix Metaphors (and Mix Them Well). University of Vienna // Journal of Pragmatics. 2009. # 42. R. 97–115.
- Kövecses Z.* Where Metaphors Come From: Considering Context in Metaphor. Oxford, UK : Oxford University Press, 2015. 215 p.
- Lee M. G., Barnden J. A.* Reasoning about mixed metaphors within an implemented artificial intelligence system // Metaphor and Symbol. 1999. 16 (1&2). P. 29–42.
- Muller S.* Metaphors dead and alive, sleeping and walking. Chicago : The University of Chicago Press, 2008. 290 p.
- Naciscione A.* Extended metaphor in the web of discourse. Latvian : Academy of Culture, 2013. 150 p.
- Semino E.* A Corpus-based Study of 'Mixed Metaphor' as a Metalinguistic Comment // R. Gibbs. Mixing Metaphor. UK : Lancaster University, 2016. P. 203–222.
- Semino E., Demjen Z., Demmen J.* An Integrated Approach to Metaphor and Framing in Cognition, Discourse, and Practice, with an Application to Metaphors for Cancer // Applied Linguistics, 2016. URL: doi.org/10.1093/applin/amw028 (data obrashhenija: 6 marta 2019).
- Sullivan K.* Frames and constructions in metaphoric language. Amsterdam : John Benjamins, 2013. 184 p.

УДК 811.111:276.6:34

Т. В. Ускова

доцент, кандидат филологических наук, доцент кафедры лингвистики и профессиональной коммуникации в области права Института международного права и правосудия Московского государственного лингвистического университета;
e-mail: t-uskova@bk.ru

ИСТОРИЯ ФОРМИРОВАНИЯ АНГЛОЯЗЫЧНОЙ ЮРИДИЧЕСКОЙ ТЕРМИНОЛОГИИ

Английский юридическим языком пользуются представители юридической профессии во всем мире. Ежегодно словарный состав английского юридического языка пополняется новыми терминами, а старые термины приобретают новое значение. В связи с этим особый интерес представляет вопрос о том, как формировался английский юридический язык, история которого обусловила появление особенностей, присущих современному юридическому английскому: использование архаизмов, пар дублетов, латинских и французских терминов без перевода на английский язык. В связи с этим юристу требуются дополнительные знания в области гуманитарных наук и знание иностранных языков.

Ключевые слова: английский юридический язык; закон; термин; заимствование; общее право.

T. V. Uskova

PhD (Philology), Assistant Professor, Assistant Professor at the Department of Linguistics and Professional Communication in Law, Institute of International Law and Justice, Moscow State Linguistic University; e-mail: t-uskova@bk.ru

HISTORY OF THE FORMATION OF ENGLISH LEGAL TERMINOLOGY

Legal English is actively used by lawyers all over the world. Every year English legal vocabulary includes new terms, while the old ones acquire new meanings. In this respect the legal English formation process is of great interest.

It is the English legal language history has created conditions for peculiarities typical for legal English. Taking it into account a lawyer needs additional education in the Humanities and foreign languages.

Key words: legal English; law; statute; term; borrowing; common law.

ВВЕДЕНИЕ

В современном мире английский язык широко используется в международном бизнесе, играет значительную роль в качестве языка общения юристов в Европейском союзе и во всем мире. Таким образом, английский юридический язык представляет собой

глобальное явление. Под английским юридическим языком понимается определенный стиль общения, используемый адвокатами и другими представителями юридической профессии в ходе их работы. Юридический английский характеризуется некоторыми особенностями, которые связаны с использованием терминологии, с лингвистической структурой и пунктуацией.

Развитие английского юридического языка тесно связано с историей Великобритании, юридическая традиция которой основана на общем праве. В течение нескольких веков, последовавших за Норманнским завоеванием, английский оставался разговорным языком большинства населения, в то время как письменная речь осуществлялась на французском и латыни. В англоговорящих странах (особенно в США, Соединенном королевстве, Канаде, Австралии, Новой Зеландии и Южной Африке) унаследована система общего права, основной чертой которого является тот факт, что право не полностью кодифицировано. В результате такой традиции широко распространено использование архаизмов при составлении важных юридических документов. Как говорилось выше, в процессе истории юридический английский подвергался влиянию латыни и французского языка.

Этапы формирования англоязычной юридической терминологии

Первые обитатели Британских островов, о которых имеются более или менее точные сведения, а именно, кельтские племена бриттов, не оказали значительного влияния на правовую систему стран общего права. Тем не менее, исходя из рукописей кельтского права, обнаруженных в Ирландии и Уэльсе, представляется возможность проанализировать их юридический язык. Законы бриттов выражались в юридических максимах, представленных в виде поэтических или риторических формул, связывающихся между собой аллитерациями, что позволяло запомнить и дословно воспроизвести текст закона или правила [Ускова 2008].

Завоевание кельтских земель Римской империей в I в. до н. э. не оказало значительного влияния на правовую систему и язык: бритты не стали использовать латинский язык в повседневном общении. Римское право, распространявшееся только на граждан империи, проживающих на Британских островах, исчезло в V в. н. э. [там же].

Эволюция английского права началась около 450 г. н. э. с прибытием германских племен фризов, саксов и англов на Британские острова.

В связи с возникновением новых форм государственного устройства, а именно, королевств, и развитием новых политических институтов возникла необходимость фиксировать законы в письменной форме. Около 600 г. король Адальберт из Кента представил первый свод письменных законов. К данному историческому периоду относятся следующие юридические термины: *bequeath*, *guilt*, *manslaughter*, *right*, *steal*, *theft*, *ward* [Ускова 2008].

Интересно проследить этимологию терминов права, возникших в данный период и использующихся в настоящее время. Например, термин *witness* (*свидетель*), происходит от глагола *witan* (*знать*), изначально означавшего «знание» или «свидетельство» (библейская заповедь против лжесвидетельства звучит *to bear false witness*). В настоящее время архаичное значение сохранено в словосочетаниях *use your wits* (*соображать*) или *have your wits about you* (*быть начеку*), а также *to wit* (*то есть, а именно*) [Ускова 2008].

Еще один юридический термин, сохранившийся до наших дней, – *writ* (*судебный приказ*). Для подтверждения перехода прав на землю составлялся документ, называвшийся *gewrit*, или *writ*, очевидно, происходивший от глагола *to write* (*писать*). Позднее использование подобных документов расширилось: они представляли собой средство контроля над графствами. В современной юриспруденции содержание данного термина изменилось, но лексическая единица осталась в современном английском юридическом языке.

К VII в. христианство было принято на всей территории Британских островов, что способствовало распространению латыни. Была введена система канонического права, регулировавшая религиозные проблемы, например касающиеся семьи и брака. В этот период английский юридический язык пополнился следующими терминами: *conviction* (*осуждение*), *legitimate* (*законный*), *mediate* (*быть посредником*) и другими. Один из терминов данного периода: *clerk* (прежде означал *священник*, ср. *cleric* – *духовное лицо*). В настоящее время *clerk* означает *лицо*, работающее с документами, в том числе с документами в суде [Ускова 2008].

После норманнского завоевания Англии в 1066 г., англо-нормандский французский стал официальным языком Англии. В течение 300 лет это был язык, на котором велось судопроизводство. В результате многие слова, использующиеся в современном юридическом английском, пришли из англо-норманнского языка, например: *property*

(*собственность*), *estate* (имущество), *chattel* (движимое имущество), *lease* (арендовать / сдавать в аренду), *executor* (исполнитель / душеприказчик), *tenant* (житель).

С 1066 г. латынь стала языком, на котором велась официальная переписка и создавались статуты (законы), однако он не был языком, на котором велись судебные заседания и прения. Статут о судебных прениях (*The Statute of Pleading*), который был принят в 1356 г. и составлен/написан на французском языке, установил, что все юридические действия должны осуществляться на английском языке, но записи должны вестись на латыни. Тем не менее использование французского языка в судопроизводстве продолжалось вплоть до XVII в. Влияние латыни можно увидеть в некоторых словах и фразах, например: *ad hoc* (специальный), *de facto* (фактически), *bona fide* (добросовестный), *inter alia* (в частности/помимо всего прочего), *ultra vires* (превышение служебных полномочий), которые до сих пор используются в современных англоязычных юридических документах.

Английский язык стал использоваться в разных отраслях права в разное время. Завещания стали составлять на английском в начале XV в. Статуты (законы) составлялись на латыни до начала XIV в., на французском до 1485 г., в период до 1489 г. статуты составлялись на одном из двух языков (английском или французском) и только с 1489 г. начали составляться только на английском. В соответствии с Законом о судопроизводстве 1730 г. (*the Proceedings in Courts of Justice Act*) латынь в судопроизводстве была заменена английским. В результате новые отрасли права, такие как торговое (коммерческое) право, начали развиваться полностью на английском. В период Средневековья юристы использовали «смесь» английского, французского и латинского языков. Использование пар слов из разных языков привело к возникновению пар дублетов: *breaking and entering* (взлом и проникновение) – английский / французский, *fit and proper* (чинно и благородно / подходящий) – английский / французский, *lands and tenements* (земля и имущество) – английский / французский, *will and testament* (завещание) – английский / латинский. Однако имеют место и полностью английские дублеты: *let and hindrance* (помеха), *have and hold* (владеть / распоряжаться).

Институт права очень консервативен, и ритуал судебного заседания представляет собой замечательный пример этого. Место проведения суда, его традиционная организация и мебель добавляют чего-то

особенного, даже сакрального или магического. Место судьи, возвышающееся над всеми, символизирует его верховенство над вербальной баталией, которая происходит в колодце суда. Место присяжных огорожено и защищено от давления, места для публики отделены от соперничающих сторон. Всё это традиции, которые англо-американское право унаследовало от того, что можно было бы назвать английской архитектурной процедурой. В наши дни подсудимый не находится на скамье подсудимых, а сидит рядом со своим адвокатом, исключительно по причине того, что современные законодатели стремятся продемонстрировать соблюдение презумпции невиновности. Порядок судебного заседания также является частью должного процесса (*due process*), но в то же время – это часть ритуала, традиционного порядка правосудия за работой. На самом деле, в соответствии с традицией, «должный процесс» был «должен» (*due or owed*) не столько слабой / пострадавшей стороне, сколько достоинству права и суда. По мнению Д. Виллимана:

Even in a democracy, we like our formal justice to look regal and divinely detached [Williman URL].

Даже при демократии нам нравится, чтобы формально правосудие было царственным и божественно беспристрастным¹.

По словам лорда Хьюварта в *Lord Hewart in R. v. Sussex Justices (King's Bench Reports 1924, vol. 1, p. 259)*.

Justice should not only be done, but should manifestly and undoubtedly be seen to be done

Правосудие не только должно свершиться, но должно быть продемонстрировано и увидено, что оно свершилось; по мнению некоторых авторов, представителям англо-американской юридической профессии нравится видеть правосудие истинно традиционным и даже антикварным [цит. по: Williman URL].

От всех участников судебного процесса требуется использование формальной английской речи: при заявлениях в ходе судебного разбирательства, при подаче ходатайств и выражении своего мнения в отношении фактов, предлагаемых противоположной стороной, например, выкриками и традиционными формулами объявлений типа «Oyez! Oyez!» «God save the United States of America and this

---

¹Зд. и далее перевод наш. – Т. У.

honorable court!». Терминология, ассоциирующаяся с судебным процессом, очень традиционна и восходит к английской судебной процедуре, сложившейся много веков назад, когда разговорным языком был французский, а записи велись обычно на латыни. Следует отметить, что около трети заимствований происходило из французского языка, единственные англо-саксонские слова *answer and hearing* появились как перевод латинских терминов *responsio and auditio*, потому что они казались английским юристам более уместными для традиции гражданского, а не общего права.

Как говорилось выше, юридический английский язык по-разному развивается в каждой англоговорящей стране. Многие новые термины и их использование становятся доступными всем пользователям английским юридическим языком. Лица, говорящие на английском языке, заимствуют термины из других языков; иммигранты, живущие в англоговорящих странах, привносят новые термины в новое общество. Новая ветвь юридического английского развивается внутри Европейского союза. Таким образом, одно юридическое понятие может иметь несколько наименований, и один термин может иметь несколько значений. Например, как определить понятие *Common Law* (общее право)? Во-первых, *common law system* (система общего права) противопоставляется *civil law system* (системе гражданского права). Общее право представляет собой систему, которая включает прецедентное право (*case law*), статуты (*statutes* – особый вид законодательного акта), кодексы (*codes*) и право справедливости (*equity*), которое возникло в Англии и позднее было принято и адаптировано в США и странах Британского Содружества. И наоборот, гражданское право европейского континента происходит из римского права. Общее право имеет еще несколько других значений, использующихся в англо-американской правовой системе:

1. Термин *common law* означает право общее для всей юрисдикции (правовой системы) в отличие от местного права (*local*) или обычного права, т. е. основанного на обычае (*customary law*), или церковного права (*ecclesiastic law*) и торгового права (*merchant law*). Изначально термином «*common law*» называли право, регулируемое королевскими судами Англии *the King's law, common to the whole realm* (закон короля, общий для всего королевства).

2. Термин *common law* также означает прецедентное право (*case law*), которое противопоставляется статутному праву (*statutory*

law). Основы общего права не закреплены в кодексах, статутах и нормативно-правовых актах, а основываются на сумме обязывающих прецедентов действительных решений суда. Например, в семейном праве США встречается термин *common law marriages*, означающий тип отношений в браке, в котором муж и жена разделяют права и обязанности супругов не на основании формальной церемонии, т. е. не освященный обычным образом, а на основании договоренности между сторонами, которая следует за совместным проживанием в течение некоторого периода времени. «Statutory rape» изнасилование несовершеннолетнего является преступлением на основании статута. Такой статут технически определяет изнасилование как половое сношение между совершеннолетним и лицом, не достигшим совершеннолетия, вне зависимости от согласия/несогласия несовершеннолетнего. Закон предусматривает, что несовершеннолетний не может дать полноценное согласие ввиду своего возраста. Срок исковой давности (*The statute of limitations*) – общее выражение, которое относится к любому закону, который устанавливает время, в течении которого сторона должна предпринять процессуальные действия с целью защиты своих прав, в ином случае она будет лишена права отстаивать свои права. Фактически все процессуальные действия имеют ограничения по времени, в течение которого может быть подан иск.

3. И наконец, термин *common law* используется для противопоставления общего права и права справедливости (*equity*). Право справедливости в странах, применяющих англо-американскую систему права, шире, чем понятие «добросовестность» (*Treu und Glauben*) в немецком (германском) праве. Право справедливости – это сложная система права, в прошлом реализуемая через собственную систему судов. Право справедливости развивалось в Англии как отдельная совокупность правовых норм в ответ на неспособность судов общего права, следовавших строгим предписаниям и формам действий, предложить средство судебной защиты в каждой ситуации, когда права лица были нарушены или был причинен вред его здоровью. В связи с этим король учредил канцлерский суд (*the court of chancery*), целью которого было осуществление правосудия в соответствии с принципами справедливости в случаях, когда общее право не предоставляло средств защиты прав потерпевшего. В Англии и в большинстве штатов США суды больше не делятся на суды общего права и суды по праву справедливости. Однако во всей англо-американской правовой

системе проводится различие между законными правами и средствами судебной защиты (как они определяются в общем праве) и правами и средствами судебной защиты, основанными на праве справедливости. Например, возмещение убытков (*damages*) является типичным средством судебной защиты, в то время как исполнение в натуре – полное исполнение договорных обязательств (*specific performance*) – является типичным примером применения права справедливости [Mykhailova URL].

Заключение

Более 900 лет пользователи английским, французским и латынью соперничали друг с другом за обладание юридическим языком. Когда в 1066 г. Англия была завоевана норманнами, говорящими на французском языке, английский язык уже долгое время имел письменную форму и использовался в юридических и государственных целях. В 1086 г. была опубликована «Doomsday (or Domesday) Book» (букв. ‘книга Страшного суда’; *ист.* «Кадастровая книга», земельная опись Англии), которая систематизировала землевладения и сделала Англию наиболее организованным феодальным государством Европы. Латынь, использовавшаяся как универсальный язык власти, в то же время оставалась письменным языком права. Акты в парламенте, статуты, судопроизводство и решения судей всё фиксировалось на латыни вплоть до 1731 г. Приблизительно в 1118 г. был подготовлен труд, получивший название «Leges Henrici Primi (Laws of Henry I)» («Законы Генриха I»), который представлял собой сборник более древних материалов, написанных на английском языке, которые объясняли обычное и местное право нормандским шерифам и лордам. Сборник был составлен на латыни – языке, который они понимали, с целью сделать отправление правосудия более эффективным. Латынь была доступным средством письменного общения, известным всем образованным людям. Таким образом, записи хозяина поместья, финансовые документы и протоколы суда составлялись на латыни.

Как было сказано выше, английский язык заимствовал тысячи слов и элементов слов из латинского и французского языков. В технических вокабулярах научного английского языка значительную часть составляют заимствования из греческого и латыни. Таким образом, существует возможность анализировать заимствованные компоненты языка общего употребления или технического языка естественных наук

и использовать данный анализ для дальнейшего понимания и «производства» вокабуляра. Например, латинский префикс *sub* (под, ниже) можно найти во многих словах: *suffer*, *subordinate*, *support*, причем их значение всегда подразумевает «под, ниже».

Однако при изучении языка англо-американского права у студента возникают совсем иные проблемы. Право представляет собой в некоторой степени замкнутую, самодостаточную культуру в рамках общей культуры. Большую часть времени юристы говорят на языке повседневного общения, но, во-первых, большинство слов обладает дополнительным, особым, значением, и, во-вторых, в их профессиональной памяти хранятся слова и фразы из латыни, французские и английские архаизмы, приобретенные ими на ранних стадиях изучения юриспруденции и из юридической практики. Общий анализ не позволяет полностью понять данный профессиональный диалект, но он демонстрирует, что большинство заимствованных элементов имеют латинское происхождение и большинство из них привнесено в английский юридический язык через использование французского языка в юридической практике. Помимо этого, каждое слово или фразу необходимо изучить на предмет ее собственной истории в юридической традиции. Однако следует также учитывать и знаменательные события в истории английского языка, так как они создают контекст для исследования собственно юридического английского.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Ускова Т. В.* Когнитивно-дискурсивные особенности англоязычной юридической терминологии : дис. ... канд. филол. наук. М., 2008. 191 с.
- Mykhailova O. V.* The main characteristics of Legal English. URL: dspace.univer.kharkov.ua/bitstream/123456789/7033/2/law_lecture.pdf (дата обращения: 13.10.2019).
- Williman D.* Legal Terminology. An Historical Introduction to the Technical Language of Law URL: www.corsanoandwilliman.org/latin/work/legal-terminology.htm#contents (дата обращения: 13.10.2019).

REFERENCES

- Uskova T. V.* Kognitivno-diskursivnye osobennosti anglojazychnoj juridicheskoj terminologii : dis. ... kand. filol. nauk. M., 2008. 191 s.
- Mykhailova O. V.* The main characteristics of Legal English. URL: dspace.univer.kharkov.ua/bitstream/123456789/7033/2/law_lecture.pdf (data obrashhenija: 13.10.2019).

Williman D. Legal Terminology. An Historical Introduction to the Technical Language of Law URL: www.corsanoandwilliman.org/latin/work/legal-terminology.htm#contents (data obrashhenija: 13.10.2019).

Е. Н. Шалова

аспирант кафедры общего и сравнительного языкознания Московского государственного лингвистического университета; e-mail: 4291525@mail.ru

АРГУМЕНТАЦИЯ В ТЕКСТЕ ПИСЬМЕННОГО РЕШЕНИЯ ФЕДЕРАЛЬНОГО КОНСТИТУЦИОННОГО СУДА ФРГ

В статье рассматриваются особенности юридической аргументации в рамках мотивировочной части письменного судебного решения Федерального Конституционного суда ФРГ, которое характеризуется строго фиксированной позицией в макроструктуре текста письменного решения суда.

В результате проведенного анализа аргументации, содержащейся в мотивировочной части письменных решений, вынесенных ФКС ФРГ по результатам рассмотрения конституционных жалоб граждан, установлено, что композиционные особенности текста письменного судебного решения, специфический механизм развертывания аргументации находят свое отражение в использовании особых лексико-грамматических средств, которые, в свою очередь, позволяют идентифицировать высказывание как аргументативное.

Ключевые слова: юридическая аргументация; аргументативный дискурс; логическая аргументация; аргументативная конструкция «тезис – аргумент – вывод»; письменное судебное решение.

E. N. Chalova

Postgraduate Student, Department of General and Comparative Linguistics, Moscow State Linguistic University; e-mail: 4291525@mail.ru

ARGUMENTATION IN A WRITTEN DECISION OF THE FEDERAL CONSTITUTIONAL COURT OF GERMANY

This article discusses the features of legal argumentation within the motivation part of a written court decision of the Federal Constitutional Court of Germany. The reasoning part of the court decision is characterized by a clear position in the text structure of the written court decision. Each element of this part has its own specific function. This function is subordinate to the general function of convincing the validity of the decision adopted by the Federal Constitutional Court of Germany.

In the course of the analysis of the argumentation of the motivation part of the written decision of the Federal Constitutional Court of Germany, it was found out that the compositional features of the text, as well as the specifics of the argumentation, are reflected in the use of special lexical and grammatical means. These tools allow to identify the statement as argumentative.

Key words: legal argumentation; argumentative discourse; logical argumentation; argumentative construction “thesis – argument – conclusion”; written judgement.

Введение

В настоящее время к приоритетным задачам современной аргументологии относится, среди прочего, выявление своеобразия аргументативного дискурса в различных предметных областях, включая судебную сферу. Основным компонентом аргументативного дискурса является понятие «аргументация». В научной литературе прослеживается многообразие вариантов толкования термина «аргументация». Проанализировав ряд подходов к толкованию данного термина, мы присоединяемся к позиции К. В. Каргина, считающего, что «аргументация – интеллектуальная, вербальная, социальная деятельность, состоящая в приведении доводов рационального характера в целях убеждения адресата аргументации в правильности занимаемой субъектом аргументации позиции» [Каргин 2013, с. 60].

В полемике по правовым вопросам аргументация называется юридической тогда, когда в обоснование своей позиции лицо (субъект применения права) приводит положения международно-правовых актов, действующего законодательства и иных норм права [Шалова 2019, с. 402]. К юридической аргументации также следует отнести ссылки на принятые в правоведении правила юридической техники, способы толкования права, приемы решения коллизий права, не всегда непосредственно содержащиеся в нормативных правовых и судебных актах.

Анализ особенностей юридической аргументации позволяет нам присоединиться к позиции ряда правоведов, что активизация теоретических и практических исследований в сфере юридической аргументации в настоящее время обусловлена потребностью в разработке методов, имеющих целью существенно увеличить эффективность правоприменительных решений. Это достигается за счет приемов аргументации, обеспечивающих обоснованность правоприменительных решений и их убедительность для адресата, а также повышенным интересом к аргументативному дискурсу в целом [Парфенов 2013, с. 250].

Аргументация в мотивировочной части письменного судебного решения Федерального Конституционного суда ФРГ

Прежде чем обратиться к выявлению специфики аргументации в письменных решениях Федерального конституционного суда (далее – ФКС) ФРГ, необходимо отметить, что структура судебного решения

состоит из четырех частей: вводной, описательной, мотивировочной и резолютивной [Rechtswörterbuch 2000, с. 1390]. В вводной части указывается наименование, состав суда, наименование сторон, предмет спора. В описательной части кратко излагаются в хронологическом порядке обстоятельства дела. Мотивировочная часть содержит фактические обстоятельства, установленные судом, а также доводы, по которым суд опровергает или соглашается с представленными доказательствами, кроме того, излагает законы и иные нормативные документы, которыми он руководствовался в принятии решения. В резолютивной части содержатся выводы суда с указанием правовых последствий.

Поскольку основной целью участия в правоприменительной деятельности субъектов применения права является вынесение законного решения, то одним из требований, предъявляемых к правоприменительному решению является его обоснованность. Решение, базирующееся на рациональных доводах, признается обоснованным. Следовательно, аргументационная деятельность субъектов применения права предстает именно как дедуктивная аргументация, подразумевающая «обоснование одних утверждений путем ссылки на истинность или приемлемость других утверждений» [Ивин 2000, с. 86]. Кроме того, принимая во внимание, что любое правоприменительное решение носит обязательный характер для тех субъектов, которым оно адресуется, и обеспечивается возможностью применения государственного принуждения, то степень реализации данного решения во многом определяется его убедительностью. Из этого следует, что мотивировочная часть любого правоприменительного решения находится в настоящее время в центре внимания как правоведов, так и лингвистов.

Аргументативный дискурс представляется прежде всего в вышеуказанной части письменного судебного решения, выносимого ФКС ФРГ по результатам рассмотрения конституционной жалобы. Следует указать, что с лингвистической точки зрения у элементов аргументативной конструкции (тезиса – аргумента – вывода) существуют особые лексико-грамматические средства, позволяющие идентифицировать высказывание как аргументированное.

Анализ письменного решения ФКС ФРГ позволил нам подробнее рассмотреть структуру мотивировочной части: тезис – аргументация – вывод. Приведем пример: решение ФКС ФРГ BvR 1381/17:

III.

Die Kammer nimmt die Verfassungsbeschwerde zur Entscheidung an. Dies ist zur Durchsetzung des Grundrechts des Beschwerdeführers aus Art. 19 Abs. 4 Satz 1 Grundgesetzes angezeigt (vgl. § 93a Abs. 2 Buchstabe b BVerfGG). Die für die Beurteilung der Verfassungsbeschwerde maßgeblichen verfassungsrechtlichen Fragen sind durch das BVerfG bereits entschieden. Demnach ist die Verfassungsbeschwerde zulässig und offensichtlich begründet (vgl. § 93c Abs. 1 Satz 1 BVerfGG). 20

1. Die Verfassungsbeschwerde ist zulässig...Der Beschwerdeführer hat den maßgeblichen Sachverhalt und einen möglichen Verstoß gegen Art. 19 Abs. 4 Satz 1 GG ... dargelegt und somit dem Begründungserfordernis der § 23 Abs. 1 Satz 2, § 92 BVerfGG genügt. 21

2. Die Verfassungsbeschwerde ist auch offensichtlich begründet. Die angegriffenen Entscheidungen verstoßen dadurch gegen Art. 19 Abs. 4 Satz 1 GG, dass das Oberlandesgericht Dresden die Gefahr des Beschwerdeführers, im Zielstaat politisch verfolgt zu werden, nicht hinreichend aufgeklärt und nicht eigenständig geprüft hat. 23

a) aa) Art. 19 Abs. 4 Satz 1 GG enthält ein Grundrecht auf effektiven und möglichst lückenlosen richterlichen Rechtsschutz gegen Akte der öffentlichen Gewalt... 24

bb) Auch im Rahmen des gerichtlichen Zulässigkeitsverfahrens im Vorgriff auf eine Auslieferung sind die zuständigen Gerichte verpflichtet, den... Sachverhalt zu prüfen. 26

Zweck der gerichtlichen Zulässigkeitsprüfung im förmlichen Auslieferungsverfahren ist der präventive Rechtsschutz des Verfolgten. Auch wenn im konkreten Fall aus Art. 16a Abs. 1 GG kein Asylantrag folgt, muss der Grundgedanke dieser Norm, Schutz vor politischer Verfolgung im Zielstaat zu bieten, dabei berücksichtigt werden. ... Dies folgt verfassungsrechtlich aus Art. 19 Abs. 4 Satz 1 GG, den in Art. 2 Abs. 2 Satz 1 und 2 GG geschützten materiellen Rechtspositionen... 28

b) Diesen Anforderungen wird der Beschluss des Oberlandesgerichts Dresden nicht gerecht... 31

c) Das Oberlandesgericht war des Erfordernisses, die Voraussetzungen des § 6 Abs. 2 IRG eigenständig zu prüfen, auch nicht deshalb enthoben, weil die Russische Föderation zugesichert hat, dass das Auslieferungersuchen nicht dem Zweck der politischen Verfolgung... diene...» [Bundesverfassungsgericht Entscheidungen: 2BvR 1387/17, S. 5–8]. 34

Мотивировочная часть вышеуказанного решения ФКС ФРГ предваряется римской цифрой III, которой в боковой разметке соответствует арабская цифра – 20. Тезис, задающий основную последовательность аргументации данного письменного судебного решения: *Die Kammer nimmt die Verfassungsbeschwerde zur Entscheidung an.*

Подтезис 1: *Die Verfassungsbeschwerde ist zulässig* вводится под пунктом 1, в боковой разметке ему соответствует нумерация 21.

Подтезис 2: *Die Verfassungsbeschwerde ist offensichtlich begründet* предваряет пункт 2, в боковой разметке представлен под цифрой 23.

Анализ аргументативной конструкции: **тезис – аргумент – вывод** предоставляет возможность говорить о ней как о многоуровневом образовании, которое проявляется за счет лингвистических средств, позволяющих идентифицировать высказывание как аргументативное. Приведем пример лексико-грамматической организации **тезисного блока**, который характеризуется наличием:

– грамматических конструкций с использованием распространенных определений, имеющих целью более концентрированную передачу информации и ведущих к спецификации тезиса:

Die Verfassungsbeschwerde ist zulässig... Die aus § 23 Abs. 1 Satz 2, § 92 BVerfGG folgenden Begründungsanforderungen setzen voraus, dass der die Rechtsverletzung enthaltende Vorgang substantiiert und schlüssig vorgetragen werden muss.

– грамматических конструкций с использованием распространенных определений в сочетании с наречием степени, имеющих целью конкретизацию тезиса:

Dabei ist nicht erforderlich, dass der Beschwerdeführer alle in Betracht kommenden Grundrechte... ausdrücklich benennt, seinem Vortrag muss sich jedoch entnehmen lassen, inwiefern er sich durch den angegriffenen Hoheitsakt verletzt sieht...

– лексических единиц, усиливающих императивный характер лексики, что указывает на очевидность тезиса:

Die Verfassungsbeschwerde ist auch offensichtlich begründet. Die angegriffenen Entscheidungen verstoßen dadurch gegen Art. 19 Abs. 4 Satz 1 GG, dass das Oberlandesgericht Dresden die Gefahr des Beschwerdeführers, im Zielstaat politisch verfolgt zu werden, nicht hinreichend aufgeklärt und nicht eigenständig geprüft hat.

Приведем пример лингвистической организации **аргументативного блока**. Аргументативный блок в структуре мотивировочной части решения ФКС ФРГ имеет конкретную функцию – функцию убеждения. Специальными сигналами для классификации текста как аргументативного могут рассматриваться следующие лексико-грамматические средства:

– дейктические средства для обоснования утверждения и подкрепления аргументов:

Ob die Voraussetzungen dieses Auslieferungshindernisses vorliegen, muss das Gericht eigenständig und unabhängig von Entscheidungen im Asylverfahren prüfen. *Dies folgt verfassungsrechtlich aus Art. 19 Abs. 4 Satz 1 GG...*

– указательные местоимения в сочетании с предлогами, ограничительными союзами для уточнения добавления:

Art. 19 Abs. 4 Satz 1 GG enthält ein Grundrecht auf effektiven... richterlichen Rechtsschutz gegen Akte der öffentlichen Gewalt... *Dabei* gewährleistet Art. 19 Abs. 4 Satz 1 GG *nicht nur* das formelle Recht, die Gerichte anzurufen...

– указательные местоимения в сочетании с предлогами для выражения противопоставления:

Um dem Gebot effektiven Rechtsschutzes zu genügen, darf das Fachgericht auf die Ausschöpfung aller Erkenntnismöglichkeiten nur verzichten, wenn Beweismittel unzulässig... sind. *Dagegen* darf das Gericht von einer Beweisaufnahme nicht absehen, wenn die Aufklärung besonders arbeits- oder zeitaufwendig erscheint...

– придаточные условные и уступительные предложения для выражения пояснения:

Auch wenn im konkreten Fall aus Art. 16a Abs. 1 GG kein Asylantrag folgt, muss der Grundgedanke dieser Norm... *dabei* berücksichtigt werden. *Soweit* ernstliche Gründe für die Annahme einer politischen Verfolgung... bestehen, hat das Gericht die beantragte Auslieferung *demnach* für unzulässig zu erklären... *Dies folgt verfassungsrechtlich aus Art. 19 Abs. 4 Satz 1 GG, einfachrechtlich aus § 6 Abs. 2 IRG...*

– придаточные условные предложения с усилительной частицей для выражения оценки действия:

Die fachgerichtliche Überprüfung grundrechtseingreifender Maßnahmen kann... den effektiven Schutz... *nur* gewährleisten, *wenn* sie auf zureichender Aufklärung des Sachverhalts beruht...

– прилагательные, образованные от абстрактных существительных, для выражения типизации:

Aus der Garantie effektiven Rechtsschutzes folgt *grundsätzlich* die Pflicht der Gerichte, die angefochtenen Verwaltungsakte... nachzuprüfen.

– абстрактные существительные, обозначающие этапы мыслительной деятельности:

Auslegung und *Anwendung* des § 6 Abs. 2 IRG durch Oberlandesgerichte haben dem Rechnung zu tragen und eine wirksame gerichtliche Kontrolle sicherzustellen.

– абстрактные существительные, часто отглагольные с семантикой цели:

Die aus § 23... folgenden *Begründungsanforderungen* setzen voraus, dass der die Rechtsverletzung enthaltende *Vorgang* substantiiert und schlüssig vorgetragen werden muss... *Zweck* der gerichtlichen Zulässigkeitsprüfung... ist *der präventive Rechtsschutz* des Verfolgten...

– существительные, глаголы, наречия, обозначающие процессуальные действия и их этапы:

Die Kammer *nimmt die Verfassungsbeschwerde zur Entscheidung an*. Die *für die Beurteilung der Verfassungsbeschwerde* maßgeblichen Fragen sind *bereits* entschieden.

– существительные, глаголы, отражающие постановку задач суду, которому вменяется пересмотр дела:

Dabei *muss* das Gericht *den Vortrag des Beschwerdeführers* nachvollziehbar *und* willkürfrei *würdigen*. ...dass das Oberlandesgericht *seiner Aufklärungspflicht*... nicht nachgekommen sei.

Кроме того, анализ аргументативного блока мотивировочной части позволил проследить специфику использования языковых индикаторов, указывающих на:

– отражение целевой установки аргументатора:

Auch im Rahmen des gerichtlichen Zulässigkeitsverfahrens... *sind* die zuständigen Gerichte *verpflichtet*, den entscheidungserheblichen Sachverhalt aufzuklären...

– отношения субъекта аргументации (ФКС ФРГ) к факту, событию, действительности:

Zwar *sind* nach ständiger Rechtsprechung des Bundesverfassungsgerichts vom ersuchenden Staat im Auslieferungsverkehr gegebene völkerrechtlich verbindliche *Zusicherungen geeignet, etwaige Bedenken* hinsichtlich der Zulässigkeit der Auslieferung *auszuräumen, sofern nicht im Einzelfall zu erwarten ist, dass die Zusicherung nicht eingehalten wird.*

– логическую вероятность:

Der Beschwerdeführer hat den *maßgeblichen* Sachverhalt und einen *möglichen* Verstoß gegen Art. 19 Abs. 4 Satz 1 GG... dargelegt...

– повышение / понижение достоверности информации:

Der Beschwerdeführer hat *ausdrücklich* nur eine Verletzung von Art. 16a Abs. 1 GG gerügt.

– оценку содержания информации:

... dass das Oberlandesgericht Dresden die Gefahr des Beschwerdeführers, im Zielstaat politisch verfolgt zu werden, *nicht hinreichend* aufgeklärt und *nicht eigenständig* geprüft hat.

Блок вывода характеризуют лексико-грамматические средства, выражающие результат деятельности:

– грамматические конструкции, в которых предикат выражен формой прошедшего времени с целью констатации факта:

Seiner Verpflichtung, die Gefahr des Beschwerdeführers, im Zielstaat politischer Verfolgung ausgesetzt zu sein, aufzuklären und eigenständig zu prüfen, *ist* das Oberlandesgericht *nicht nachgekommen.*

– грамматические конструкции, в которых предикат выражен формой пассива, с целью констатации вывода:

Seiner Pflicht zur eigenständigen Prüfung der Gefahr politischer Verfolgung muss das Gericht in einem solchen Fall durch anderweitige Aufklärungsschritte... genügen... Diesen Anforderungen *wird* der Beschluss des Oberlandesgerichts Dresden... *nicht gerecht.*

– грамматические конструкции, в которых предикат выражен формой необходимости действия для разъяснения следствия:

Auch wenn im konkreten Fall aus Art. 16a Abs. 1 GG kein Asylantrag folgt, muss der Grundgedanke dieser Norm... dabei berücksichtigt werden.

Soweit ernstliche Gründe für die Annahme einer politischen Verfolgung... bestehen, *hat* das Gericht die beantragte Auslieferung demnach für unzulässig zu erklären... *Dies folgt* verfassungsrechtlich aus Art. 19 Abs. 4 Satz 1 GG, einfachrechtlich aus § 6 Abs. 2 IRG...

– грамматические конструкции с целью необходимости действия для установления правовых последствий решения ФКС:

Das Land Sachsen *hat* dem Beschwerdeführer seine notwendigen Auslagen zu *erstatten*.

– грамматические конструкции, в которых предикат выражен формой конъюнктива для выражения предположения о необходимости выполнения действий ранее:

Da die angegriffenen Entscheidungen... aufzuheben sind, kann dahinstehen, ob auch die Begründung, mit der das Oberlandesgericht die Gefahr der Folter abgelehnt hat, die Aufhebung der Beschlüsse *rechtfertigen würde*.

– устойчивые лексико-грамматические конструкции с целью установления дальнейших процессуальных действий:

...*der Beschluss... wird aufgehoben. Die Sache wird an das Oberlandesgericht zurückgewiesen. Der Beschluss... wird damit gegenstandslos.*

Как было указано нами выше, дедуктивная аргументация, которая лежит в основе обоснования решения ФКС ФРГ, предполагает наличие именно логических аргументов, на основании которых ФКС ФРГ, рассмотрев фактические обстоятельства дела, оценив взаимосвязь оспариваемых норм права с положениями Основного закона ФРГ и иных нормативно-правовых актов, делает вывод о фактах. Анализ структуры аргументации, содержащейся в мотивировочной части письменного решения ФКС ФРГ, позволяет говорить о ней как о многоуровневом образовании, которое вербализуется за счет различных средств, в том числе паралингвистических. Это достигается при помощи подпунктов: а), аа), bb), b), с), а также боковой разметки. Правомерность аргументации ФКС ФРГ поддерживается посредством ссылок на:

– правовую позицию ФКС ФРГ, вытекающую из цитирования Основного закона ФРГ и Закона о Федеральном Конституционном суде как органе, компетентном толковать Конституцию:

Um Art. 19 Abs. 4 Satz 1 GG gerecht zu werden, müssen die für die Zulässigkeitsentscheidung zuständigen Gerichte... den Sachverhalt eigenständig prüfen.

– предыдущие решения ФКС ФРГ:

Dies gilt auch für die Frage, ob der Auszuliefernde Gefahr läuft, im Zielstaat Opfer politischer Verfolgung zu werden (vgl. *zum Begriff der politischen Verfolgung BVerfGE(ntscheidungen) 80, 315...*)

– международно-правовые акты:

Soweit Anhaltspunkte für eine politische Verfolgung im Zielstaat bestehen, sind die zuständigen Stellen in Auslieferungssachen verpflichtet, im Rahmen von § 6 Abs. 2 IRG (*Internationale Rechtshilfe in Strafsachen*) oder einer entsprechenden auslieferungsvertraglichen Regelung, z.B. *Art. 3 Nr. 2 EuAIÜbK (Europäisches Auslieferungsübereinkommen)* eigenständig zu prüfen, ob dem Betroffenen im Fall seiner Auslieferung politische Verfolgung droht.

Заключение

Рассмотрение аргументативного дискурса, содержащегося в мотивировочной части письменного решения ФКС ФРГ, позволяет сделать вывод о том, что аргументационная деятельность субъектов применения права предстает именно как дедуктивная аргументация, подразумевающая обоснование одних утверждений путем ссылки на истинность или приемлемость других. К спектру аргументов, применение которых ведет к убедительности судебного решения ФКС ФРГ, можно отнести: ссылки на международно-правовые акты, Основной закон ФРГ, внутреннее законодательство, другие нормы права и обычая, судебную практику ФКС ФРГ.

Кроме того, анализ структуры аргументации, содержащейся в тексте письменного решения ФКС ФРГ, позволяет говорить о ней как о многоуровневом образовании, которое вербализуется прежде всего за счет лингвистических средств. Из этого следует, что у элементов аргументативной конструкции *тезис – аргумент – вывод* существуют особые лексическо-грамматические индикаторы, к которым можно отнести дейктические выражения, лексические единицы, грамматические конструкции, устойчивые речевые обороты, а также союзы, предлоги, частицы, которые в тексте выполняют роль индикаторов логических цепочек и позволяют идентифицировать

высказывание как аргументативное. Причем, если для тезисного блока типичным будет наличие лексико-грамматических средств, имеющих целью показать очевидность посылок тезиса, конкретизацию тезиса, то аргументативный блок характеризуется самым широким спектром лексико-грамматических средств, среди которых преобладают средства для выражения этапов мыслительной деятельности, для обозначения процессуальных действий, для выражения пояснения и оценки содержания информации. Блок выводов представлен лексико-грамматическими средствами, отражающими результат деятельности, а также четкую необходимость дальнейших действий.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Ивин А. А.* Теория аргументации: учебное пособие. М. : Гардарики, 2000. 416 с.
- Каргин К. В.* Понятие юридической аргументации // Юридическая техника. 2013. № 7 (Ч. 1). С. 60–64.
- Лановая Г. М.* Техничко-юридические проблемы аргументации в правоприменении // Юридическая техника. 2007. № 1. С. 73–78.
- Парфенов А. В.* К вопросу об основных тенденциях в области юридической аргументации // Юридическая техника. 2013. № 7 (Ч. 1). С. 250–253.
- Шалова Е. Н.* Юридическая аргументация и ее манифестация в тексте судебного решения Федерального Конституционного суда ФРГ: материалы Второй научно-практической конференции «Германистика»: nove et nova, 2019. С. 401–403.
- Bundesverfassungsgericht Entscheidungen: 2 BvR 1381/17. Bundesverfassungsgericht-Startseite. URL: www.bundesverfassungsgericht.de/DE/Homepage/homepage_node.html (дата обращения: 29.03.2018).
- Criefelds Rechtswörterbuch // Rechtswörterbuch., Herausgegeben von Dr. Klaus Weber. München : Verlag C. H. Beck, 2000. 1662 S.

REFERENCES

- Ivin A. A.* Teorija argumentacii: uchebnoe posobie. M. : Gardariki, 2000. 416 s.
- Kargin K. V.* Ponjatje juridicheskoj argumentacii // Juridicheskaja tehnika. 2013. № 7 (Ch. 1). S. 60–64.
- Lanovaja G. M.* Tehnicho-juridicheskie problemy argumentacii v pravoprimerenii // Juridicheskaja tehnika. 2007. № 1. S. 73–78.
- Parfenov A. V.* K voprosu ob osnovnyh tendencijah v oblasti juridicheskoj argumentacii // Juridicheskaja tehnika. 2013. № 7 (Ch. 1). S. 250–253.

- Shalova E. N.* Juridicheskaja argumentacija i ee manifestacija v tekste sudebnogo reshenija Federal'nogo konstitucionnogo suda FRG: materialy Vtoroj nauchno-prakticheskoy konferencii «Germanistika»: nove et nova, 2019. S. 401–403.
- Bundesverfassungsgericht Entscheidungen: 2 BvR 1381/17. Bundesverfassungsgericht-Startseite. URL: www.bundesverfassungsgericht.de/DE/Homepage/homepage_node.html (data obrashhenija: 29.03.2018).
- Criefelds Rechtswörterbuch // Rechtswörterbuch., Herausgegeben von Dr. Klaus Weber. München : Verlag C. H. Beck, 2000. 1662 S.

УДК 811

Д. М. Шелехов

аспирант кафедры лингвистики, перевода и межкультурной коммуникации факультет иностранных языков и регионоведения Московского государственного университета им. М. В. Ломоносова;
e-mail: shelekhov93@gmail.com

МЕТОДИКА СОЦИОФОНЕТИЧЕСКОГО ЭКСПЕРИМЕНТА (на материале английского языка)

В статье рассматривается методика проведения социофонетического эксперимента, целью которого является определение произносительных особенностей носителей немецкого языка при использовании в устной речи заимствований из английского языка. Для этого были подготовлены 40 предложений, включающих 58 слов-стимулов. Слова-стимулы содержат ксенофоны, реализация которых показывает степень адаптации, и варианты подстановки при употреблении англоязычных заимствований в речи. В исследовании используются методы анкетирования, социофонетического и контрастивного анализа.

Ключевые слова: социофонетика; артикуляция; адаптация; ассимиляция; акцент; эксперимент; методика.

D. M. Shelekhov

PhD Student, Department of Linguistics, Translation Studies and Intercultural Communication, Faculty of Foreign Languages and Area Studies, Lomonosov Moscow State University;
e-mail: shelekhov93@gmail.com

METHODOLOGY FOR CONDUCTING A SOCIOPHONETIC EXPERIMENT (on the material of the English language)

The article focuses on the methodology for conducting a sociophonetic experiment aimed to determine the pronunciation specifics of native German speakers while using borrowings from English in oral speech. A list of 40 sentences was compiled, including 58 stimuli words – nouns, adverbs and proper nouns. Nouns were preferred because they are most often borrowed. Stimuli words contain foreign phonemes. Their implementation by respondents is intended to show the degree of adaptation and substitution options when using English borrowings in oral speech. The methods used in the study are survey, sociophonetic and contrast analysis.

Key words: sociophonetics; articulation; adaptation; assimilation; accent; experiment; methodology.

Введение

Распространенность английского языка в качестве лингва франка привела к тому, что коммуникация носителей разных языков проходит на английском. Контакт говорящего с многообразием различных произносительных вариантов снижает вероятность того, что говорящий способен выделить «стандартное» произношение, характерное для носителя английского языка.

Приводимый ниже эксперимент должен продемонстрировать, какие звуки носители немецкого языка произносят в соответствии с фонетической нормой английского языка, а какие – заменяют на похожие в немецком языке.

В исследовании используются следующие методы:

- анкетирование информантов-носителей немецкого языка;
- социолингвистический анализ для определения таких социальных особенностей речи информантов, как возраст, пол, социальный статус;
- метод контрастивного анализа.

Для исследования проблематики был проведен опрос респондентов-носителей немецкого языка, которые заполнили анкеты, указав возраст, пол, образование, количество лет изучения английского, степень погруженности в англоязычные СМИ. Респонденты также прочитали 40 предложений на немецком языке, в которых были включены англицизмы.

Гипотеза исследования заключается в следующем:

1) чем выше у респондента уровень владения английским языком, тем чаще в немецком контексте наблюдаются случаи реализации английских фонем в соответствии с произносительной нормой английского языка;

2) некоторые английские фонемы уже настолько часто активируются в немецкой речи (в заимствованных словах), что они частично ассимилируются лицами с низким уровнем владения английским языком и «онемечиваются» редко;

3) частая, или повсеместная, субституция ряда фонем современного английского языка наблюдается даже у респондентов с высоким уровнем его владения.

Собранный эмпирический материал должен показать, насколько вероятно появление определенных ксенофонов, а также какие

субституции следует ожидать в ходе анализа речи немецкоязычных информантов, использующих английские заимствования.

Методика социофонетического эксперимента

Утверждение о том, что почти все фонемы английского и немецкого языков различаются, применимо даже к тем единицам, которые транскрибируются при помощи одних и тех же символов международного фонетического алфавита. Это вызвано разницей в артикуляционных базах языков [Abresch 2007].

Представляется интересным исследовать произношение немецкоязычными информантами следующих фонем, встречающихся в английских словах:

- *согласные:*

- [ð], [θ], [w], [ɕ], которые не имеют эквивалентных фонем в «инвентаре» немецкого языка;

- [ɪ], [ʰ], которые имеют эквивалентные фонемы в немецком языке, однако их артикуляция значительно различается;

- [v], [z], [b], [d], [g] в исходном слове, которые имеют эквивалентные фонемы, однако произносятся в соответствии с фонотактическими правилами немецкого языка.

- *гласные:*

- [æ], [ɜ:], [ʌ], [ɑ:], [ɔ:], не полностью реализуемые в безударном положении немецкоговорящими информантами.

- *восходящие и центрирующие дифтонги:*

- [ɛɪ], [əʊ], [ɪə], [ɛə], [ʊə], замещаемые схожими дифтонгами немецкого языка.

Звук [s] и звукосочетания [st], [sp] в инициальной позиции заведомо не включались в исследование, так как могли привести к отбраковке материала по следующей причине: немецкоговорящие информанты предиктивно произносили бы содержащие их слова согласно фонотактической норме немецкого языка: консонантные английские сочетания /st/ и /sp/ в немецком языке соответствуют [ft] и [fp], а [s] в начальной позиции перед последующей гласной передается как [z].

Реализацию англоязычных заимствований немецкоговорящими информантами, владеющими одним из вариантов английского языка (британским или американским), не всегда можно оценивать однозначно. По мнению Германа Финка, нельзя, например, с уверенностью утверждать, что информанты когда-либо слышали корректную

форму английского слова. Нельзя быть уверенным и в том, что они владеют нормативным английским произношением и вообще имели цель воспроизвести то или иное слово в соответствии с нормой [Fink 1980]. Это усложняет выработку «стандартной транскрипции» для английского языка.

В рамках социофонетического эксперимента необходимо установить, какие английские фонемы активируются в немецкой речи, а также какие фонемы регулярно заменяются определенными и соответствующими фонемами немецкого языка. Для систематизации результатов и составления статистики представляется целесообразным сравнивать реализацию фонем респондентами, владеющими «стандартным вариантом» английского произношения. Это позволит экстраполировать полученные данные на новые, еще не изученные слова. Если, например, будет установлен факт того, что во всех позициях, в которых встречается английский [w], немецкоговорящие респонденты используют [v], это может стать правилом. Исследование не преследует цель установить типичные ошибки в произношении англицизмов, совершаемые немецкими респондентами.

Распространенность англицизмов, их признание населением и их графемная или грамматическая интеграция уже исследованы Германом Финком, Ульрихом Буссе и Манфредом Гёрлахом [Fink 1980; Busse 1994; Busse, Görlach 2002].

Однако произнесение английских слов, независимо от того, полностью ли люди их воспроизводят на родном или английском языке или же они перенимают в своем произношении некоторые звуки из английского языка (ксенофоны – звуки, чуждые языку-реципиенту и заимствованные из языка-«донора»), были предметом лишь нескольких трудов: Ульриха Буссе, Штефана Шадена и Мирослава Яблоньского [Busse 1994; Schaden 2002; Jabłoński 1990].

Так, например, исследование У. Буссе 1994 г. включало слова английского происхождения, которые в своем написании содержали фонему /u/, начинались с [dʒ] или [st]; или в которых присутствовал [r]. В ходе исследования У. Буссе приходит к выводу, что произношение английских слов зависит от таких факторов, как происхождение слова (американский или британский вариант английского языка), «возраст» заимствования, степень его узнаваемости, интеграция в немецкий язык согласно его орфографической норме, а также уровень владения информантами английским языком и их возраст

[Busse 1994]. По мнению У. Буссе и М. Гёрлаха, особый интерес представляет артикуляция аллофонов /l/ и /r/: английские варианты их произношения чаще воспринимаются на немецком языке как жеманные. Английский [w] обычно заменяется звуком [v], а поствокальный звук [r], в отличие от английского, артикулируется более четко [Busse 1994; Busse, Görlach 2002].

Займствования, вошедшие в немецкий язык давно, обычно полностью интегрированы в него, в то время как говорящие используют более новые англицизмы или те, которые имеют особый смысл. Последние с большей вероятностью сохраняют английское произношение, если есть такая возможность. Было отмечено также и использование таких дифтонгов, как [eɪ] и [oʊ] [Busse 1994].

Считается, что слова, заимствованные до 1914 г., можно разделить на следующие категории:

- слово было заимствовано из письменного английского языка. В таких словах особенно часто встречается произношение, соответствующее написанию, т. е. слово произносится в соответствии с правилами произношения немецкого языка (например, *Puck, Humbug*);
- произношение заимствованного слова не отличается от звуковой структуры немецкого языка, поэтому не нуждается в ассимиляции (например, *Test*);
- небольшие различия в фонемах были скорректированы, хотя различные интерпретации английского звука представляются возможными: (например [ɒ] передается как [a] или [ɔ], как в *Frack* или *boxen*; [ʌ] – как [œ] или [a], причем [œ], как, например, в *Bluff* или *Curry*, распространился в основном благодаря словарям издательства «Langenscheidt»);
- чуждые фонотактически немецкому языку звукосочетания ассимилировались (например: *Schlips*, ранее также *Shlips* от англ. *slip(s)*);
- [ɟʒ] стал преимущественно произноситься как [ʒ], [tʃ], [ʃ] или [j], как в словах *Jockey* или *Job*;
- оглушение финальной фонемы наблюдается во всех заимствованиях;
- некоторые англицизмы пришли в немецкий язык через французский, что оказало влияние на их произношение в немецком (например, *Budget, Tunnel, Waggon*);
- с увеличением распространенности английского языка некоторые произносительные варианты были восстановлены в их

первоначальной форме (например *Clown*: [klo:n] → [klaʊn]). Некоторые из менее очевидных различий сохранились, как, например, в словах *Keks* или *Bowle* [Busse 1994; Busse, Görlach 2002].

Классификация заимствований

Следует отметить, что в литературе существуют многочисленные определения и классификации заимствований: в некоторых случаях термины совпадают по содержанию, а иногда даже для обозначения одних и тех же фактов используются разные термины. Под заимствованием в нашем исследовании следует понимать усвоение языкового материала языка-«донора» словарным составом или языковой системой языка-реципиента. В немецкоязычной научной среде наиболее объективной принято считать классификацию заимствований, предложенную Вернером Бетцом:

- полное заимствование (*Quiz, Tanker*);
- перенос значения иностранного слова на вновь образованное слово в родном языке: слово в языке-реципиенте создается на основе материала иностранного языка, т. е. заимствуется значение, и одновременно с ним создается новое слово, например, *Wolkenkratzer* (от англ. *skyscraper* – небоскреб);
- заимствованное значение: из иностранного языка заимствуется метафорическое значение иностранного слова, например, *Flaschenhals* (от англ. *bottleneck* – горлышко бутылки) [Betz 1949].

В. Бетц отмечает, что словосочетания «перенос значения иностранного слова на вновь образованное слово в родном языке» и «заимствованное значение» могут быть объединены в понятие «языковое заимствование». Таким образом, он выделяет две большие группы заимствований:

- языковое заимствование;
- заимствованное слово.

«Ассимилированное заимствование» и «иностранное слово» в зависимости от степени ассимиляции последнего он относит ко второй группе [Betz 1949].

В проводимом социофонетическом эксперименте используются исключительно языковые заимствования, так как именно они должны произноситься в соответствии с фонотактической нормой английского языка.

Материал социофонетического эксперимента

Для проведения эмпирического исследования составлен список англицизмов, в англоязычной транскрипции которых присутствует максимально возможное количество ксенофонов. Англицизмы были взяты из онлайн-корпуса «Deutscher Wortschatz» Лейпцигского университета, так как в нем представлены предложения природы. Это является гарантией того, что исследование не подверглось манипуляции и не включает искусственно созданные предложения.

По мнению Уве Квастхоффа, данный корпус состоит преимущественно из газетных текстов и лишь в малой части – из узкоспециализированных [Quasthoff 1998]. Это также делает результаты исследования более объективными: в него включены предложения, используемые в повседневной речи.

Чтобы добиться от респондентов произношения, приближенного к английской фонотактической норме, англицизмы не должны быть адаптированы немецким языком. По этой причине в исследование не были включены такие слова-стимулы, как *Pullover* и *Sport* (последнее также подпадает под исключение, обусловленное произнесением консонантного сочетания /sp/ в инициальной позиции).

В исследовании представлены англицизмы из разных сфер жизни: рекламы (*Bodylotion*), экономики (*Pipeline*), спорта (*Champion*), медиа (*Thriller*), ИТ (*e-mail*) автомобильной индустрии (*Airbag*), музыкальной индустрии (*Frontman*). В исследовании используются преимущественно существительные, так как они наиболее часто заимствуются. Присутствует также слово-стимул с немецкой морфемой (*Nebenjob*), наречие (*Backstage*), которое по необъяснимым причинам на немецком языке в большинстве случаев пишется с большой буквы как существительное.

Распространенность подобных англицизмов была предметом различных исследований. Вопрос понимания англицизмов лицами, чьим родным языком является немецкий, рассматривался, например, в трудах Вольфганга Фирека и Германа Финка [Viereck 1980a; Viereck 1980b; Fink 1980]. Проблема интеграции англицизмов в немецком языке рассматривалась лишь в контексте графической и грамматической ассимиляции.

Для создания максимально естественной ситуации слова-стимулы были инкорпорированы в немецкие предложения. Прочтение списка

слов сократило бы время, необходимое респондентам для ответа, и список даже мог бы включать в себя большее количество слов-стимулов. В таком случае, однако, увеличился бы риск искусственно созданной тестовой ситуации. Это могло привести к тому, что информанты догадались бы, что перед ними исключительно заимствования из английского языка и старались бы произносить их согласно фонотактической норме английского языка.

По данным Г. Финка, который проводил исследование со списком слов, некоторые из респондентов догадались, что перед ними – список преимущественно английских слов. В такой ситуации наблюдалось нарочито английское произношение [Fink 1980].

Как уже было сказано выше, слова-стимулы были взяты из онлайн-корпуса «Deutscher Wortschatz» Лейпцигского университета. Для этого в поисковую строку на сайте заносилось слово-стимул, затем из списка выбиралось предложение, его содержащее. Слова-стимулы могут быть любыми членами предложения и совсем не обязательно, что они несут на себе смысловое или интонационное ударение. Таким образом, отобранные предложения естественны и обладают различной структурой.

В общей сложности респондентам были представлены 40 предложений, в которых содержалось 58 слов-стимулов. 16 предложений содержали по два слова-стимула и более.

Например, респондентам были представлены следующие предложения:

- Die Primetime ist nicht immer die beste Zeit für Dokumentationen, weil die Konkurrenz auf anderen Kanälen zu stark ist.
- Queen Elizabeth sprach das zweite Mal vor den Vereinten Nationen.

Следует отметить, что слова-стимулы, представленные респондентам, не выделялись ни курсивом, ни полужирным шрифтом, ни каким бы то ни было другим способом. Это позволило исключить предиктивно английское произношение.

Заключение

Подобранные слова-стимулы помогают максимально объективно определить произносительные особенности носителей немецкого языка при употреблении в устной речи заимствований из английского языка. Здесь мы можем выделить, например, случаи звуковой

подстановки, элизии, эпентезы и постановки ударений в соответствии с правилами родного языка.

Представляется маловероятным, что все заимствования полностью рефонемизируются, т. е. произносятся исключительно в соответствии с фонетическими правилами немецкого языка. Однако нельзя говорить и о корректном английском произношении. В данной работе рассматривается «жизнеспособный» вариант произношения (некая золотая середина), в рамках которого некоторые английские звуки в немецком языке ассимилируются, а некоторые воспроизводятся в соответствии с произносительной нормой английского языка.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Abresch J.* Englisch in gesprochenem Deutsch. Eine empirische Analyse der Aussprache und Beurteilung englischer Laute im Deutschen: Inauguraldissertation zur Erlangung der Doktorwürde. Bonn: Rheinische Friedrich-Wilhelms-Universität Bonn, 2007. 261 S.
- Betz W.* Deutsch und Lateinisch: die Lehnbildungen der althochdeutschen Benedektinerregel. Bonn : Bouvier, 1949. 227 S.
- Busse U.* Wenn die Kötterin mit dem Baddibuilder... Ergebnisse einer Informantenbefragung zur Aussprache englischer Wörter im Deutschen // Sprache – Sprechen – Handeln. Akten des 28. Linguistischen Kolloquiums, Graz 1993 / Halwachs D., Stütz I. (Hrsg.). Bd. 1 (= Linguistische Arbeiten, 320). Tübingen : Niemeyer, 1994. S. 23–30.
- Busse U., Görlach M.* German // English in Europe / Görlach M. (Hrsg.). Oxford : Oxford University Press, 2002. S. 13–36.
- Fink H.* Know-how und ‘Hifi-Pionier’. Zum Verständnis englischer Ausdrücke in der deutschen Werbesprache // Muttersprache. 1975. № 85. S. 186–203.
- Fink H.* Zur Aussprache von Angloamerikanischem im Deutschen // Studien zum Einfluß der englischen Sprache auf das Deutsche / W. Viereck (Hrsg.). Tübingen : Narr, 1980. S. 109–183.
- Jabłoński M.* Regularität und Variabilität in der Rezeption englischer Internationalismen im modernen Deutsch, Französisch und Polnisch // Linguistische Arbeiten 240. Tübingen : Max Niemeyer Verlag, 1990. 231 S.
- Quasthoff U.* Projekt Deutscher Wortschatz“ / In Heyer und Wolff (Hrsg.): Linguistik und neue Medien. Wiesbaden, 1998. S. 93–99.
- Schaden S.* Ein erweiterter Graphem-nach-Phonem-Umsetzer zur Modellierung nicht-muttersprachlicher Aussprachevarianten / Fortschritte der Akustik – DAGA 2002. Oldenburg: Deutsche Gesellschaft für Akustik e.V., 2002. S. 650–651.

- Viereck W.* Empirische Untersuchungen insbesondere zum Verständnis und Gebrauch von Anglizismen im Deutschen // Studien zum Einfluß der englischen Sprache auf das Deutsche (= Tübinger Beiträge zur Linguistik) / W. Viereck (ed.). Tübingen : Gunter Narr Verlag, 1980(b). S. 237–322.
- Viereck W.* Zur Thematik und Problematik von Anglizismen im Deutschen // Studien zum Einfluß der englischen Sprache auf das Deutsche (= Tübinger Beiträge zur Linguistik) / W. Viereck (Hrsg.). Tübingen : Gunter Narr, 1980 (a). S. 9–24.

REFERENCES

- Abresch J. Englisch in gesprochenem Deutsch. Eine empirische Analyse der Aussprache und Beurteilung englischer Laute im Deutschen: Inauguraldissertation zur Erlangung der Doktorwürde. Bonn: Rheinische Friedrich-Wilhelms-Universität Bonn, 2007. 261 S.
- Betz W. Deutsch und Lateinisch: die Lehnbildungen der althochdeutschen Benediktinerregel. Bonn : Bouvier, 1949. 227 S.
- Busse U. Wenn die Kötterin mit dem Baddibuilder... Ergebnisse einer Informantenbefragung zur Aussprache englischer Wörter im Deutschen // Sprache – Sprechen – Handeln. Akten des 28. Linguistischen Kolloquiums, Graz 1993 / Halwachs D., Stütz I. (Hrsg.). Bd. 1 (= Linguistische Arbeiten, 320). Tübingen : Niemeyer, 1994. S. 23–30.
- Busse U., Görlach M. German // English in Europe / Görlach M. (Hrsg.). Oxford : Oxford University Press, 2002. S. 13–36.
- Fink H. Know-how und ‘Hifi-Pionier’. Zum Verständnis englischer Ausdrücke in der deutschen Werbesprache // Muttersprache. 1975. № 85. S. 186–203.
- Fink H. Zur Aussprache von Angloamerikanischem im Deutschen // Studien zum Einfluß der englischen Sprache auf das Deutsche / W. Viereck (Hrsg.). Tübingen : Narr, 1980. S. 109–183.
- Jabłoński M. Regularität und Variabilität in der Rezeption englischer Internationalismen im modernen Deutsch, Französisch und Polnisch // Linguistische Arbeiten 240. Tübingen : Max Niemeyer Verlag, 1990. 231 S.
- Quasthoff U. Projekt Deutscher Wortschatz“ / In Heyer und Wolff (Hrsg.): Linguistik und neue Medien. Wiesbaden, 1998. S. 93–99.
- Schaden S. Ein erweiterter Graphem-nach-Phonem-Umsetzer zur Modellierung nicht-muttersprachlicher Aussprachevarianten / Fortschritte der Akustik – DAGA 2002. Oldenburg: Deutsche Gesellschaft für Akustik e.V., 2002. S. 650–651.
- Viereck W.* Empirische Untersuchungen insbesondere zum Verständnis und Gebrauch von Anglizismen im Deutschen // Studien zum Einfluß der englischen Sprache auf das Deutsche (= Tübinger Beiträge zur Linguistik) / W. Viereck (ed.). Tübingen : Gunter Narr Verlag, 1980(b). S. 237–322.

Viereck W. Zur Thematik und Problematik von Anglizismen im Deutschen // Studien zum Einfluß der englischen Sprache auf das Deutsche (= Tübinger Beiträge zur Linguistik) / W. Viereck (Hrsg). Tübingen : Gunter Narr, 1980 (a). S. 9–24.

УДК 821.111.0

В. Н. Ганин

профессор, доктор филологических наук, профессор кафедры всемирной литературы Московского педагогического государственного университета;
e-mail: vladgan99@yandex.ru

ЧОСЕР В РИТМЕ РЭПА (по книге П. Агбаби «Сказка сказывается»)

Статья посвящена анализу книги Пейшенс Агбаби «Сказка сказывается», которая создана на основе «Кентерберийских рассказов» Джеффри Чосера. Агбаби родилась в нигерийской семье, но в раннем детстве была удочерена английской парой. Ей никогда не запрещали общаться с биологическими родителями, поэтому на ее формирование оказали влияние две культуры. Еще в школе у Агбаби пронулся интерес к творчеству Чосера. Стихотворение «Женщина Бафа» стало ее первой попыткой перенести чосеровских героев в современный культурный контекст. Батская ткачиха из «Кентерберийских рассказов» превращается здесь в бойкую нигерийскую торговку. Именно благодаря этому стихотворению П. Агбаби была избрана поэтом-лауреатом города Кентербери в 2010 г. Данное событие подтолкнуло поэтессу к созданию новой книги, основу которой как раз и составили «Кентерберийские рассказы». Под названием «Сказка сказывается» она была опубликована в 2014 г. Автор помещает своих путешественников в рейсовый автобус, курсирующий от Лондона до Кентербери. Если паломники Чосера участвуют в своеобразном конкурсе на лучшую историю, то соперничество героев П. Агбаби больше напоминает поэтический слэм. Автор передает истории своих персонажей, используя героических стих, ритмы рэпа и хип-хопа и другие популярные формы современной массовой культуры. Она талантливо имитирует различные речевые диалекты и стили. Разнообразие – главная черта книги «Сказка сказывается».

Ключевые слова: современная британская поэзия; творчество П. Агбаби; современные адаптации классических произведений; Чосер «Кентерберийские рассказы»; П. Агбаби «Сказка сказывается».

V. N. Ganin

Doctor of Philology (Dr. habil.), Professor, Professor at the Department of World Literature, Moscow Pedagogical State University; e-mail: vladgan99@yandex.

CHAUCER IN THE RHYTHM OF RAP (about P. Agbabi's book "Telling Tales")

The article is devoted to the adaptation of "Canterbury Tales" by Patience Agbabi in the book "Telling Tales". Agbabi was born in the mid-60-s to Nigerian parents but from an early age was fostered in a white English family. She had a lot of contact with her biological parents and such unusual upbringing formed the ability to move between cultures and a strong interest in borders and boundaries. In school Agbabi fell in love with Chaucer's works. Her first attempt to transfer Chaucer's characters in the contemporary cultural context was "The Wife of Bafa". She refashioned the Wife of Bath into a sassy Nigerian street vendor. This poem was the main reason why Agbabi was named Canterbury Poet Laureate in 2010. Laureateship stimulated her working on a new collection inspired by "Canterbury Tales". It was published as "Telling Tales" in 2014. She placed her travelers on a Routemaster bus which plies between London and Canterbury. While in the 14th century book Chaucer's pilgrims competed for the best tale, Agbabi's ones perform a poetry slam. She dramatizes the characters' sagas in heroic couplets, monologues, rap, hip-hop or other modern forms of speech, much as Chaucer did in his day. She brilliantly imitates different accents and styles of speech. Variety is one of the main features of "Telling Tales".

Key words: contemporary British poetry; works of P. Agbabi; contemporary adaptations of the classics; "Canterbury Tales" by Chaucer; P. Agbabi "Telling Tales".

Введение

Творчество Чосера стало одной из самых заметных вех в истории английской культуры. Традиционно рождение английской литературы связывают с его «Кентерберийскими рассказами». При этом «отцу английской литературы» не пришлось ждать, пока пройдут столетия, как это иногда случалось с великими писателями, чтобы попасть в пантеон классиков. Уже современники Чосера именовали его «английским Гомером». Да и последующие поколения представителей литературного цеха охотно обращались к его творческому наследию. Среди наиболее видных авторов, испытавших влияние Чосера, можно упомянуть Э. Спенсера, У. Шекспира, Дж. Милтона, Дж. Драйдена, А. Поупа и многих других [Higgins 1990; Hillman 1983; Tobler 1905].

И даже для современных англоязычных писателей произведения Чосера не превратились в литературную археологию, место которой лишь в музейных витринах – его открытия сохранили притягательность и действенную силу. Американский фантаст Дэн Симмонс заимствовал из «Кентерберийских рассказов» тему паломничества к святым местам для романа «Гиперион» («Hyperion», 1989). Только его героями становятся космические паломники, и они направляются

на планету Гиперион, где находятся легендарные Гробницы Времени. Подобно пилигримам XIV столетия, они скрашивают скуку путешествия историями, которые по очереди рассказывают друг другу.

Британский литератор Пол Догерти написал серию исторических детективов «Кентерберийский рассказы о тайнах и убийствах» («*Canterbury Tales of Mystery and Murder*», 1994–2012), для которой перенял у Чосера не только композиционный принцип «обрамляющего повествования», но и ряд персонажей. Канадская писательница Энджи Абду в книге «Кентерберийский след» («*The Canterbury Trail*», 2011) заменила паломников любителями зимних видов спорта, пробирающихся к удаленной лыжной базе в Британской Колумбии.

Вероятно, самым оригинальным вариантом современной рецепции чосеровского наследия стало стихотворное переложение «Кентерберийских рассказов» Пейшшейнс Агбаби. П. Агбаби (*Patience Agbabi*, род. 1965) обрела известность как поэтесса во второй половине 1990-х гг. В настоящее время она является обладательницей нескольких престижных литературных премий и автором трех поэтических сборников. Ее родители приехали в Англию из Нигерии. Вскоре после появления на свет девочка была удочерена семьей англичан. Детство и юность Пейшенс прошли в Суссексе и Северном Уэльсе. Приемные родители давали девочке возможность общаться с биологическими родителями, по этой причине поэтесса считает себя «человеком двух культур». Кроме этой кросс-культурности на ее формирование как стихотворца оказали воздействие два увлечения подросткового периода. Первой ее страстью стал так называемый Северный соул (*Northern Soul*), направление в афроамериканской танцевальной музыке, пытавшееся соединить классические традиции с современными ритмами. Очевидно, что модернизация классики уже тогда привлекала будущую поэтессу. Помимо этого, Агбаби захватило тинэйджерское движение «мод» (*mod*), которое зародилось в начале 1960-х гг. Участники этого движения поведением и одеждой напоминали советских стилиг. Когда Пейшенс увлеклась «мод», оно уже находилось в стадии «пост-мод»: оригинальную одежду 1960-х гг. достать было непросто, и приходилось шить самой что-то похожее.

Интерес к литературе у Агбаби возник уже в школьные годы, и одним из любимых ее авторов в этот период стал Джеффри Чосер. Увлечение классическими текстами сказалось и на ее собственной поэзии. Первая попытка «перелицевать» текст Чосера была предпринята

в сборнике «Transformatrix» (2000), куда поэтесса включила стихотворение «Женщина Бафа» («The Wife of Bafa») [Ганин 2015]. Уже название этого произведения заставляет вспомнить Батскую ткачиху (*Wife of Bath*) из книги Чосера. В черновом варианте стихотворение носило название «The Wife of Bongoko», но очевидно автору было важно, чтобы у читателя сразу же возникли ассоциации с чосеровским произведением. Параллель с «Кентерберийскими рассказами» позволяет более наглядно показать, как под влиянием западноевропейской культуры изменилось отношение женщины к таким важным аспектам ее жизни, как брак, деторождение, работа. То обстоятельство, что героиня является выходцем из Нигерии, где уклад жизни по многим параметрам еще близок к средневековому, придает пародийный оттенок ее поступкам и высказываниям. Она, оставаясь продуктом сформировавшей ее среды, старается выглядеть в большей степени европейкой, чем коренные жители Западной Европы. В «Женщине Бафа» Агбаби развивает тему, которой много внимания уделял и Чосер в своей книге: несовпадение между «казаться» и «быть» в поведении человека.

Стихотворение «Женщина Бафа» приобрело необычайную популярность и было включено в сборник «Identity Parade», который представлял британских и ирландских поэтов «новой волны», т. е. тех, кому суждено определять, по мнению критиков и читателей, дальнейшее развитие поэзии Великобритании [Identity Parade 2010]. В 2009 г., во многом благодаря этому стихотворению, Агбаби была избрана поэтом-лауреатом города Кентерберии. В одном из интервью поэтесса призналась, что именно это событие заставило ее задуматься над тем, чтобы переложить на современный язык всё собрание «Кентерберийских рассказов». Через четыре года ей удалось завершить свой проект, и в 2014 г. издательство «Faber and Faber» опубликовало ее книгу «Сказка сказывается» («Telling Tales»). Примечательно, что за полгода до этого в том же издательстве «Faber and Faber» свет увидела современная версия стихотворного романа Чосера «Троил и Крессида», выполненная Лавинией Гринло (Lavinia Greenlaw. *Double Sorrow: Troilus and Criseyde*).

Если сравнивать две эти работы, несомненно, Агбаби проявляет бóльшую смелость и оригинальность в обращении с исходным текстом или гипотекстом, в какой-то мере эти качества можно объяснить более тесной связью автора с британской мультикультурой [Толкачев 2003]. Литераторы-мультикультуралисты тяготеют к решительному

переписыванию классических сюжетов. К числу излюбленных сюжетов из этой группы обычно относят «Бурю» У. Шекспира, «Робинзона Крузо» Д. Дефо, «Джейн Эйр» Ш. Бронте, «Сердце тьмы» Дж. Конрада и др. Подобные «переиначивания» позволяют донести иную точку зрения на исторические события, отличную от колониальной интерпретации, которая стала канонической. Правда, у Агбаби эта тенденция явно просматривается лишь в стихотворении «Женщина Бафа», где главной героиней становится женщина из африканской страны. В остальных же случаях эта иная точка зрения на классический сюжет в большей мере определяется опытом современной массовой культуры.

В книге «Сказка сказывается» такое же количество рассказов, что и у Чосера, но по объему они заметно различаются: переложение Агбаби примерно в пять раз меньше. И всё же, несмотря на такое сокращение пространства исходного текста, британской писательнице удалось создать на страницах своего произведения колоритный и многоголосый мир. И здесь она остается в русле традиции, заложенной «отцом английской литературы». Чосеровский мир не только колоритен и отличается многоголосием, но и очень динамичен. Само путешествие паломников словно лишает жесткой закреплённости элементы Вселенной, через которую они движутся от кабака к храму. Вот Гарри Бейли, распорядитель состязания на лучшую историю, после выступления рыцаря намеревается дать слово монаху, одному из представителей церкви, которые располагаются ступенью ниже рыцарства на социальной лестнице, и тем самым сохранить верность средневековому принципу жесткой структурности, распространившемуся не только на общество, но и на всю картину мира, однако пьяный мельник препятствует этому. Он в хмельном кураже пренебрегает социальной иерархией и бросает вызов рыцарю: хвастаясь, он обещает рассказать более примечательную историю. Его рассказ действительно имеет схожую сюжетную ситуацию: два кавалера добиваются благосклонности прекрасной дамы. Один из них распевает серенады под ее окнами, другой пересыпает свои признания в любви изящными куртуазными оборотами. Правда, читатель очень быстро догадывается, что за всем этим галантным маскарадом скрывается желание каждого из влюбленных побыстрее затащить в постель молодую жену плотника. Подобное несовпадение между видимостью и истиной сразу же переводит историю мельника в иное смысловое измерение, хотя она и сохраняет связь с повествованием рыцаря. Третий паломник,

вступивший в борьбу, мажордом, также обращается к теме любви, но в его интерпретации она сводится к простому скотскому совокуплению. Таким образом, скрепленные внешней повествовательной рамой сюжеты лишены однозначного смысла: каждая новая история отбрасывает отблеск на предыдущие и открывает в них какие-то новые значения. Британская исследовательница Х. Купер считает, что своей архитектурной книга Чосера близка к жанру средневековой суммы. Главной особенностью этого жанра было стремление охватить мир как единство. Смысл каждого элемента открывался лишь после знакомства со всем содержанием работы [Cooper 1983, с. 72]. Подобный принцип организации содержания придает дополнительную динамику многим параметрам «Кентерберийских рассказов».

Стремление уйти от монотонности и симметрии, которая более тяготеет к статике, просматривается во многих аспектах книги Чосера. «Разнообразии» (*variety*) – именно эту черту выделяет в качестве ведущей в «Кентерберийских рассказах» американский исследователь Д. Бенсон: «Читатели иногда упускают из вида, что самое примечательное в «Кентерберийских рассказах» – это поразительное разнообразие в сюжетах и стиле» [Benson 2003, с. 127]. На эту же особенность чосеровской книги указала и сама Агбаби в интервью для газеты «Телеграф»: «Я была потрясена разнообразием голосов и стиля, когда взялась перечитывать Чосера в оригинале» [Runcie 2014]. В своем переложении она постаралась сохранить эти качества. Идея движения задается уже названием «Telling Tales», в котором использование так называемого *progressive verb* указывает на наличие длительности процесса. Британская писательница тоже отправляет своих героев в паломничество, но они используют для этой цели более современное средство передвижения – автобус «Роутмастер» (Routemaster). Этот тип двухэтажного автобуса стал символом Лондона, и, очевидно, символичность стала одной из причин выбора поэтессы в его пользу. Он движется традиционным маршрутом из Лондона в Кентербери, и все истории, рассказанные путешественниками, композиционно распределены между остановками, которые делает «Роутмастер».

Как и у Чосера, книга Агбаби открывается прологом, но он значительно короче. Излагается он от лица Гарри Бейли, владельца таверны «Табард». Он указывает на время путешествия – месяц апрель, и на то, что группа путешественников состоит из поэтов, которые намереваются вступить в состязание друг с другом:

On this Routemaster bus, get cerebral,
 Tabard Inn to Canterbury Cathedral,
 poet pilgrims competing for free picks,
 Chaucer Tales, track by track, here's the remix
 from bellow-the-belt base to the topnotch;

[Agbabi 2014, с. 1].

Однако это состязание иного рода, чем у чосеровских паломников, бившихся за бесплатный ужин (*Shal have a soper at oure aller cost*). Героев Агбаби ожидает поэтический слэм (*poetry slam*) или поэтри-слэм. В таком соревновании поэты по очереди зачитывают свои произведения, а присутствующая публика определяет победителя. Победа в поэтри-слэм не предполагает какого-то материального вознаграждения, главная награда – признание аудитории.

В процитированном отрывке используется еще одно современное понятие – «ремикс» (*remix*). Оно пришло из музыкальной культуры и обозначает версию музыкального произведения, записанную позже оригинальной, и обычно в более современной аранжировке. Ремикс следует отличать от ремейка, который предполагает полностью новый вариант песни.

В прологе «Сказка сказывается» отсутствуют портреты паломников. В «Кентерберийских рассказах» они стали украшением книги. Агбаби компенсирует их отсутствие короткими, но колоритными биографиями своих путешественников в конце произведения. Примечательны имена большинства поэтов-пилигримов: нередко в них поэтеса обыгрывает имена или вид деятельности чосеровских персонажей. Например, герой, соответствующий Рыцарю (*Knight*) из «Кентерберийских рассказов», получает имя *Robert Knightley*, Мельнику (*Miller*) – *Robyn Miller*, Купцу (*Merchant*) – *Soul Merchant*, Франклин (*Franklin*) превращается во *Frankie Lynn*, слуга Каноника (*Canon's Yeoman*) становится выходцем из Сингапура *Tim Canon-Yeo*. Необычны новые имена, которые получают Монах (*Monk*) – *monkey@puzzle* и Лис (*Fox*) из «Рассказа монастырского капеллана» – *Mozilla Firefox*. Первое является адресом электронной почты, второе – названием популярного браузера.

Сами жизнеописания также весьма оригинальны и больше напоминают «информацию к размышлению». Вот, например, какие сведения даются о Робин Миллер:

Bolshy big bi redhead. Taurus, Leo rising. Part-time barmaid, full-time motormouth. Likes performance poetry. Punk poets John Cooper Clark, Joolz, Steve Tasane. Loves Luke Wright, Hollie McNish, Kate Tempest. Anything that packs a punch. Wrestle for relaxation. Hates glass ceiling, religious bigots, size 8 anything. Lives, drinks, fights in Depford [Agbabi 2014, с. 117].

В образе Робин Миллер британская поэтесса соединяет черты Мельника и Алисон. От Алисон она наследует пол, а от Мельника – темперамент. Первое слово в характеристике Робин – *Bolshy*. Им обычно англичане называют людей, легко впадающих в гнев, упрямых и несговорчивых. В английский язык оно пришло из русского и хорошо нам знакомо как «большевик». В речевом обиходе историческое значение слова «большевик» ушло на второй план, а на первый выдвинулись перечисленные качества. *Bi* означает, что Робин является бисексуалкой. Далее идет астрологическая информация: героиня родилась под знаком Тельца, и при ее рождении восходящим знаком Зодиака был Лев, что указывает на ее упрямство и склонность к хвастовству. Обращение к астрологии прочнее связывает текст Агбаби с «Кентерберийскими рассказами» – Чосер увлекался астрологией, и это увлечение дает о себе знать и в содержании его книги [Ганин 2011]. Затем читателю сообщается о профессиональной деятельности Робин: она барменша на полставки, а на полную ставку – *motormouth*, т.е. молодая женщина необычайно болтлива, и это занятие для нее гораздо важнее, притягательнее, чем работа за стойкой. Она увлекается поэзией, или, точнее, той ее разновидностью, которая называется *performance poetry*. Такая поэзия рассчитана, в первую очередь, на выступление перед аудиторией, а не на публикацию. Она открыта для импровизации, а иногда целиком строится на импровизации. Сама Агбаби связывает свое творчество с этим направлением и называет себя *poet performancer*. Перечисленные далее поэты также относятся к данной группе. Идиоматическое выражение *pack a punch* подразумевает напитки или наркотики, дающие сильный эффект. Вместе с тем в этом обороте обыгрывается и склонность чосеровского Мельника помахать кулаками (*to punch*). Робин тоже любит побороться, чтобы «расслабиться». Выражение *glass ceiling* предполагает систему взглядов, получивших распространение в обществе, согласно которым женщины не должны допускаться к высшим должностям, т.е. барменша не чужда и феминистских настроений. *Size 8* кроме всего прочего должен заставить вспомнить о кенийской актрисе

и певице с псевдонимом «8 размер» – Линет Мюнъяли (*Linet Munyaali*), пик карьеры которой пришелся как раз на время работы Агбаби над *Telling Tales*.

Как и у Чосера в «Общем прологе», манера описания паломников меняется, и часто такое описание помогает полнее раскрыть характер персонажа. Иногда информация дается от первого лица, иногда сводится к сухой формальной сводке.

Весьма разнообразны и способы «ремикширования» чосеровских историй. Почти во всех случаях поэтесса использует прием «сближения» (*un mouvement de translation proximisante*) [Genette 1982, с. 304], т. е. события рассказов во времени и в пространстве приближаются к читателю, модернизации подвергается обстановка, одежда и привычки героев. Полностью на *un mouvement de translation proximisante* построено переложение рассказа Пристава церковного суда, получившее в книге «Сказка сказывается» название «*Arse Dramatica*». Место бессовестного монаха занимает мелкий мошенник, торгующий фальшивыми страховыми полисами. Он пытается одурачить прикованного к постели пенсионера Томаса, однако итог тот же, что и у Чосера:

He gestures to the cover, *Put your arm
behind me*, an' John's groping round his arse,
hoping for a windfall 'for the arts'

when Thomas farts! Loud as a carthorse,
Share that with your workforce!
And John's a whippet of racecourse,

you won't believe the stench!

[Agbabi 2014, с. 44].

Вместе с тем очень часто Агбаби использует в сочетании с *un mouvement de translation proximisante* и другие приемы адаптации *гипотекста*. Иногда события из «Кентерберийских рассказов» излагаются от лица второстепенного персонажа, имеющего иной взгляд на все случившееся. В своей классификации способов переложения классических произведений средствами кинематографа Дебора Картмелл назвала подобный прием «комментарий» (*commentary*) [Adaptations 1999]. Примером такого подхода к исходному сюжету является у Агбаби рассказ «Рукописный текст» (*Joined-up Writing*). У Чосера он называется «Рассказ юриста» и повествует о судьбе

многострадальной Констанцы, дочери римского императора, которая из-за происков свекрови лишилась первого мужа, сирийского султана, а затем после многочисленных испытаний вступила в новый брак с королем Нортумберландии. Однако и здесь препятствием к счастью стала свекровь:

But who was woful, if I shal nat lye,
Of this weddyng but Donegild, and namo,
The kings mooder, full of tyrannye?
Hir thought hir cursed herte brast atwo,
She wolde noght hir sone had do so,
Hir thoughtate a despit, that he sholde take
So strange a creature unto his make

[Chaucer 2012, с. 128].

С помощью подложных писем коварная женщина сумела избавиться от невестки (сюжет в этой части напоминает пушкинскую «Сказку о царе Салтане»). Позднее, вопреки проискам Донегильды, супруги все-таки воссоединились.

В книге «Сказка сказывается» именно свекровь излагает свою версию событий. Ее сын, писатель, автор детективов, женился на чернокожей африканке. В неприязни к ней у рассказчицы соединились недоверие к иностранцам и материнская ревность. Мать не понимает, почему ее талантливый сын вступил в брак с малоцивилизованным существом с другого континента. Она подозревает использование черной магии. Чтобы освободить сына от чар и от жены, она подделывает его письмо, когда он на время уезжает за границу рекламировать свой новый роман:

I took a fresh white sheet and scrawled the line:
Dear Constance, Whore of Babylon, unchaste,
you lied about the rape, the child's not mine...
I knew his hand, his flamboyant 'I',
the exact angle, leaning to the right,
the mild slope of his 's', his loopless 'y'.
How could I not? I taught my son to write
his name when he was four

[Agbabi 2014, с. 24].

Воспоминания о детстве сына, о том, как учила его писать, помогала выводить буквы и теперь знает каждый извив его почерка,

позволяют ощутить всю силу материнской любви и привязанности. Сильной настолько, что она готова пойти на подлость, и даже появление на свет внука не останавливает ее. Но все усилия были напрасными, сын уезжает вслед за женой в Африку и оставляет мать в одиночестве. Заканчивается история теми же словами, которыми началась: *he'll not write to me*. Эти ненаписанные буквы на белом листе (*join-up writing*) становятся символом связи, которая существовала между матерью и сыном и которая никогда уже не будет восстановлена.

К этой же группе можно отнести и рассказ Мажордома (в книге «Сказка сказывается» он получает название «Tit for Tat»), где рассказчиком неожиданно становится собака. У Чосера героями истории были два кембриджских студента, которые приехали к мельнику, чтобы смолотить зерно. Мельник был известным мошенником и постоянно обманывал своих клиентов. Чтобы избавиться от контроля молодых людей за ходом работы, мельник отвязал их коня, и студенты долго бегали за ним, пытаясь поймать. Им пришлось остаться ночевать у мельника, так как охота за конем отняла много времени. Ночью студентам удалось соблазнить жену и дочь хозяина.

У Агбаби вместо коня появляется пес. Когда-то он работал на таможне, искал наркотики, но затем сам пристрастился к этому зелью и потому лишился места. Теперь он живет с лесбиянками, которые ценят его за способность определять качество наркотика. Поэтому две лесбиянки берут пса с собой, когда отправляются к мистеру Психо, владельцу «плантации психоделической травки», чтобы пополнить свои запасы. Очевидно, пребывание на таможне благотворно сказалось на общем культурном уровне собаки, по крайней мере, описание семейства мистера Психо пестрит отсылками к живописному искусству:

There's Mrs Psycho, Rubenesque,
her six-month bairn; I roll about,
Dog's paradise, I want for nowt.
There's Molly, *Venus at her Mudbath*

[Agbabi 2014, с. 11].

Однако приобретенная культура не смогла заглушить голос природы, и когда злокозненный мистер Психо отвязал пса, он, не испытывая никакого интереса к однополый любви, опрометью бросился на поиски суки. Ал и Джен – так звали хозяек собаки – не могли смириться

с потерей столь ценного животного и отправились на поиски. Ночью повторился тот же сценарий, что и у Чосера, только хозяйка и дочь разделили постель с представительницами своего пола.

Интересная интерпретация дается в книге «Сказка сказывается» «Рассказу Рыцаря» – у Агбаби он называется «Эмилия» (*Emily*). В «Кентерберийских рассказах» благородный паломник знакомит спутников с историей любви двух куртуазных рыцарей, Арситы и Паламона, к прекрасной Эмилиии. Спор за сердце красавицы двух героев решается с помощью поединка на рыцарском ристалище. Сам поединок не предполагал смертельного исхода, но Арсита погибает в результате несчастного случая. У британской поэтессы конфликт переносится в сознание Эмилиии. По сути она переживает раздвоение личности, пока верх не берет половина, обозначенная как Паламон.

Книга Агбаби обладает богатым стилистическим регистром. Уже в «Женщине Бафа» поэтесса пыталась имитировать особенности английской речи выходца из Нигерии. В книге «Сказка сказывается» она уже виртуозно стилизует различные диалекты и манеру говорить представителей разных социальных слоев. Вот, например, как звучит в ее передаче речь валлийца:

D'ya hear Robbo got sent down again?
Ses he met a man in the Dragon,
asks him what he does and Robbo
ses he's a bailiff, helluva sly, Robbo.
Man ses he's a bailiff too, for his sins,
an' Robbo get the bevies in
[Agbabi 2014, с. 38].

Изысканность речи Сквайра у Агбаби передается через причудливое расположение текста на странице:

You
knew
blue

was my colour the blue-black
of an old tattoo you drew
blood with your sword-pen-gun
I want you
back

No one-night-stud

on a shire horse
 seeking princess in chintz dress you were the
 Fire Horse

[Agbabi 2014, с. 57].

Помимо ажурной вязи текст пронизан множеством звуковых перепевов. В нем содержится большое количество рифмующихся слов (*you / knew / blue / tattoo / drew*), много ассонансов и аллитерации (*blue was my colour the blue-black*).

Пес, живущий с Джен и Ал, неплохо владеет наркоманским сленгом:

I'm *Bad Dog*, me, with *dykes* on *speed*

Здесь *dykes* – «лесбиянки», *speed* – «амфитамин».

Off we sped in sniff of grass
 from Psycho's Psychedelic Plants...

[Agbabi 2014, с. 11].

В данном примере поэтесса использует одновременно и прямое, и сленговое значение слов. В первой строке говорится о том, что девицы быстро сорвались, чтобы закупить товар у Психо, но вместе с тем, почти каждое слово здесь входит в сленговый лексикон наркоманов: *speed* – амфитамин, *sniff* – кокаин, *grass* – марихуана. Подобная лексика сопровождает и описание Психо, торговца «психоделической травкой»:

With boxer nose and bulldog stance,
 sells dried-out lawn as Purple Haze
 but stoned, he's share whole spliff with gays

[Agbabi 2014, с. 11].

Purple Haze – марихуана, *to be stoned* – быть в состоянии наркотического опьянения, *spliff* – самокрутка с марихуаной высокого качества.

Как и у Чосера, в книге британской поэтессы речь каждого из героев индивидуализирована и придает образу бóльшую полнокровность и объем. Необычайным разнообразием отличается и поэтическая форма книги «Сказка сказывается». Мы находим здесь и героический стих, и терцеты, белый стих и даже венок сонетов. Эту

традиционную поэтическую технику поэтесса соединяет с современными музыкальными ритмами. Выше уже было сказано, что в юности Агбаби увлекалась Северным соулом. Это увлечение в полной мере дает о себе знать в рассказе «That Beating' Rhythm» («Рассказ купца» у Чосера). Рассказчик здесь носит примечательное имя Соул, и в его биографии говорится, что он долгое время торговал пластинками с музыкой Северный соул. Не удивительно, что его история почти целиком состоит из названий пластинок этого музыкального направления. Некоторые из рассказов положены на ритмическую основу рэпа, который, по сути, является рифмованным акцентным стихом, т. е. в нем учитывается не количество слогов, а количество ударений. Примером такой ритмической организации текста является, например, пролог к книге «Сказка сказывается»:

When my April shows me with kisses
I could make her my missus or my mistress
but I'm happily hitched – sorry home girls –
said my vows to the sound of the Bow Bells
[Agbabi 2014, c. 1].

Уже упоминалось, что сама Агбаби называет себя не просто поэтессой, а *performancer*. Ее тексты рассчитаны на живое звучание, на слушающую аудиторию. В Сети (You Tube) можно отыскать несколько клипов с выступлениями Агбаби перед публикой. Она признается, что связь ее текстов с музыкой не сводится только к рэпу и хип-хопу. Ритм ее произведений определяется их содержанием. Не случайно, что любимым высказыванием о поэзии для Агбаби является утверждение Т. С. Элиота, что «музыка поэзии не существует отдельно от смысла». Поэтому нередко по ходу выступления, меняя что-то в содержании своих произведений, поэтесса меняет и ритм.

Книга Агбаби была восторженно встречена и критиками, и читателями. А известный специалист по средневековой литературе и творчеству Чосера профессор Кембриджского университета Хелен Купер заявила: «Чосер был бы горд, что он вдохновил на создание такого произведения» (*The Guardian*. Thursday 23 January 2014).

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Ганин В. Н. Астрология в «Кентерберийских рассказах Дж. Чосера» // Вестник Рязанского государственного университета им. С. А. Есенина. 2011. № 4 / 33. С. 92–104.

- Ганин В.Н. П. Агбаби «Женщина Бафа» (Опыт интертекстуального анализа) // Евразийский союз ученых. XII Междунар. науч.-практ. конф. «Современные концепции научных исследований: сб. науч. работ. 2015. № 3 (12), Ч. 6. С. 37–39.
- Толкачев С.П. Мультикультурный контекст современного британского романа. М. : Изд-во Литературного института им. А.М.Горького, 2003. 404 с.
- Adaptations: From Text to Screen, Screen to Text / Ed. by D. Cartmell. L. : Imelda Whelehan Psychology Press, 1999. 247 p.
- Agbabi P. Telling Tales. L. : Faber and Faber, 2014. 144 p.
- Benson C.D. The Canterbury Tales: personal drama or experiments in poetic variety? // The Cambridge Companion to Chaucer / Ed. by P.Boitany. Cambridge : Cambridge Univ. Press, 2003. 312 p.
- Chaucer G. The Canterbury Tales. L. : Wordsworth Editions, 2012. 570 p.
- Cooper H. The Structure of the Canterbury Tales. L. : Duckworth, 1983. 256 p.
- Flood A. Funky Chaucer reboot by Patience Agbabi due for April launch // The Guardian. Thursday 23 January 2014.
- Higgins A. Spenser Reading Chaucer: Another Look at the «Faerie Queene» Allusions // The Journal of English and Germanic Philology. Vol. 89. No. 1 (Jan., 1990). P. 17–36.
- Hillman R. Chaucer's Franklin's Magician and "The Tempest": An Influence Beyond Appearances? // Shakespeare Quarterly. 34.4, 1983. P. 426–432 .
- Genette G. Palimpsestes. La Literature au second degree. P. : Editions du Seuil, 1982. 467 p.
- Identity Parade. New British and Irish poets / Ed. by R. Lumsden. L. : Bloodaxe Books, 2010. 384 p.
- Runcie Ch. Patience Agbabi: Chaucer remixed // The Telegraph. 27 Apr. 2014.
- Tobler A. Geoffrey Chaucer's Influence on English Literature. Berne : AMS Press, 1905. 145 p.

PREFERENCES

- Ganin V.N. Astrologija v «Kenterberijskih rasskazah Dzh. Chosera» // Vestnik Rjazanskogo gosudarstvennogo universiteta im. S.A. Esenina. 2011. № 4 / 33. S. 92–104.
- Ganin V.N. P. Agbabi «Zhenshhina Bafa» (Opyt intertekstual'nogo analiza) // Evrazijskij sojuz uchenyh. XII Mezhdunar. nauch.-prakt. konf. «Sovremennye koncepcii nauchnyh issledovanij: sb. nauch. rabot. 2015. № 3 (12), Ch. 6. S. 37–39.
- Tolkachev S.P. Mul'tikul'turnyj kontekst sovremennogo britanskogo romana. M. : Izd-vo Literaturnogo instituta im. A. M. Gor'kogo, 2003. 404 s.

- Adaptations: From Text to Screen, Screen to Text / Ed. by D. Cartmell. L. : Imelda Whelehan Psychology Press, 1999. 247 p.
- Agbabi P.* Telling Tales. L. : Faber and Faber, 2014. 144 p.
- Benson S.D.* The Canterbury Tales: personal drama or experiments in poetic variety? // The Cambridge Companion to Chaucer / Ed. by P.Boitany. Cambridge : Cambridge Univ. Press, 2003. 312 p.
- Chaucer G.* The Canterbury Tales. L. : Wordsworth Editions, 2012. 570 p.
- Cooper H.* The Structure of the Canterbury Tales. L. : Duckworth, 1983. 256 p.
- Flood A.* Funky Chaucer reboot by Patience Agbabi due for April launch // The Guardian. Thursday 23 January 2014.
- Higgins A.* Spenser Reading Chaucer: Another Look at the «Faerie Queene» Allusions // The Journal of English and Germanic Philolog. Vol. 89. No. 1 (Jan., 1990). P. 17–36.
- Hillman R.* Chaucer’s Franklin’s Magician and “The Tempest”: An Influence Beyond Appearances? // Shakespeare Quarterly. 34.4, 1983. P. 426–432 .
- Genette G.* Palimpsestes. La Literature au second degree. P. : Editions du Seuil, 1982. 467 p.
- Identity Parade. New British and Irish poets / Ed. by R.Lumsden. L. : Bloodaxe Books, 2010. 384 p.
- Runcie Ch.* Patience Agbabi: Chaucer remixed // The Telegraph. 27 Apr. 2014.
- Tobler A.* Geoffrey Chaucer’s Influence on English Literature. Berne : AMS Press, 1905. 145 p.

УДК 821.111

Я. М. Дружков

аспирант кафедры иностранных языков (Романские языки) Российского университета дружбы народов;

e-mail: yakovdruzhkov@gmail.com

ИДИОЛЕКТ ПОЭТА (на материале произведений Леона Фелипе)

В данной работе идиолект рассматривается как одно из ключевых отличий языка человека от языка животного, в наибольшей степени находящее свое отражение в поэтическом дискурсе. Кроме того, идиолект представляет собой константу употребляемых поэтом семантических и стилистических средств, отслеживаемых в большинстве произведений определенного автора для влияния на восприятие читателем поэтического субъекта.

Ключевые слова: идиолект; поэтический дискурс; поэтический субъект; стилистика.

Ya. Druzhkov

Postgraduate Student, Department of Foreign Languages, Faculty of Philology, Peoples' Friendship University of Russia; e-mail: yakovdruzhkov@gmail.com

POETICAL IDIOLECT (on the example of Leon Felipe's poems)

In the paper, idiolect is considered as one of the key differences between human language and animal language, which is most reflected in poetic discourse. Besides, idiolect is a constant of the semantic and stylistic means used by the poet, tracked in most works by a certain author to influence the reader's perception of the poetical subject.

Key words: idiolect; poetical discourse; poetical subject; stylistics.

Введение

Человеческий язык, в отличие от языка животного, обладает уникальными свойствами. «Человек имеет язык от природы. Существует учение, что в отличие от животных и растений, человек является говорящим существом. Сказанное не следует понимать так, что наряду с другими способностями человек может говорить. Утверждается, что только язык делает человека человеком. Только говорящий человек – это человек, – утверждает Мартин Хайдеггер в начале своего труда о языке [Хайдеггер 1991].

Уникальность человеческого языка заключается не только в его сложности по сравнению с языком животного, но и по ряду других причин. Во-первых, язык человека, в отличие от языка животного, не является следствием инстинкта. Во-вторых, язык животного не является средством общения, так как выражает лишь частные состояния, потребности или отношения одного животного к другому, в то время как язык человеческий, помимо инстинктивных знаков, основывается на таких, которые указывают, прежде всего, на те или иные объекты и способствуют коммуникации в определенном общественном и культурном окружении. В-третьих, человеческий язык, в отличие от языка животного, бесконечно продуктивен благодаря семантическому многообразию и металингвистической функции [Conesa, Nubiola 2002].

Последняя упомянутая нами причина чаще всего находит свое отражение в поэзии. «Сочинением поэт воображает прообразы наших представлений. В говорящей поэзии высказывается поэтическая способность воображения» [Хайдеггер 1991].

При этом выражение языка в речи отдельно взятого индивида уникально. Если же и в повседневной коммуникации заметна индивидуальность языковых характеристик говорящего, то тем более она присутствует и в коммуникации поэтической.

«В настоящее время проблема выявления индивидуальных языковых характеристик носителя разрабатывается в рамках активно развивающегося направления антропологической лингвистики, ставящей во главу угла человеческий фактор в языке, особенности речи отдельной личности. Язык конкретного индивида все чаще становится объектом лингвистического исследования. В большинстве своем речь идет об изучении речи творческих личностей (поэтов, писателей, деятелей науки и т. д.) на основе созданных ими письменных (реже – устных) текстов» [Гордашникова URL].

В настоящее время для описания индивидуальных языковых характеристик личности используются два термина: идиостиль и идиолект. В отечественной лингвистике принято разграничивать эти два понятия, в то время как в зарубежной лингвистике стилистическая составляющая индивидуального языка зачастую является базовым компонентом идиолекта [Богданова 2011]. Анализ дефиниций идиолекта и идиостиля, предложенных В. В. Виноградовым, В. Г. Щукиным, М. М. Михайловым, В. П. Григорьевым и Д. С. Гордашниковой, приводит к выводу о логическом соотношении идиолекта и идиостиля

как об узком и широком понимании индивидуальной составляющей авторской языковой системы [Гордашников 2018].

В данной работе мы не будем разграничивать эти два понятия, так как в поэтическом тексте стилистическая и прагматическая составляющая представлены неотделимо друг от друга.

Основной задачей данной работы является проведение анализа поэтического текста с целью определения идиолекта поэта. Однако прежде чем приступить к определению идиолекта, необходимо выявить некоторые особенности самого поэтического текста, такие как наличие поэтического субъекта и роли адресата поэтического текста, так как они выступают в качестве факторов, оказывающих непосредственное влияние на определение идиолекта. В качестве материала исследования использованы стихотворения испанского поэта Леона Фелипе. Актуальность темы обусловлена тем, что на данный момент практически не существует работ, посвященных творчеству этого поэта.

Идиолект поэта

Размышляя об идиолекте поэта, мы неизбежно сталкиваемся с наличием образа поэтического субъекта. «Он возникает во время чтения каждого конкретного стихотворения, поэмы или цикла стихов и не существует за их пределами» [Поэзия 2016, с. 99]. Интересно, что поэтический субъект в большей мере зависит от восприятия читателя, то есть адресата, чем от самого автора. Последний может повлиять на то, каким будет видеть субъект читатель.

Очень часто поэт предсказывает реакцию читателя, создает вполне определенный образ субъекта [там же]. Тем не менее решающую роль в определении субъекта играет именно адресат, его восприятие, не всегда отвечающее заявленной поэтом цели.

Для осуществления влияния на поэтический субъект автор использует весь арсенал доступных ему лингвистических средств. Эти средства могут быть продиктованы ему жанром, либо, например, желанием создать единый субъект для нескольких произведений.

Каким бы изошренным ни был дискурс поэтического субъекта, он никогда не будет выходить за рамки лингвистических способностей автора. Тем не менее, как было сказано ранее, решающая роль в определении поэтического субъекта стоит за читателем, а значит и интерпретация поэтического текста в большей степени зависит от него.

Анализ идиолекта поэта позволяет нам, насколько это возможно, быть объективными в суждении о стилистических и семантических особенностях поэтического текста определенного автора, так как не ставит перед собой цель интерпретации сложного художественного образа.

Анализ идиолекта

Согласно определению лингвистического словаря, идиолект — это «индивидуальный язык личности, совокупность семантических и стилистических особенностей речи и текстов отдельного носителя данного языка» [Матвеева 2010, с. 119]. Таким образом, анализ идиолекта заключается в выявлении этих семантических и стилистических особенностей. В случае с поэтическим дискурсом задача значительно усложняется, так как именно в нем используется большее, по сравнению с любым другим дискурсом, количество стилистических приемов, тропов. С точки зрения семантики поэтический текст может представлять собой сложную систему нескольких художественных образов, создаваемых за счет рифмы, метрике, специфичной форме записи и все тех же стилистических приемов.

Тем не менее для анализа идиолекта недостаточно проанализировать семантические и стилистические особенности одного поэтического текста. Как и в случае с диалектом, на выявление идиолекта будет влиять частота использования единиц, влияющих на формирование этих самых особенностей. Кроме того, так как язык, наряду с другими аспектами человеческой жизнедеятельности, подвержен эволюции, очевидна и эволюция индивидуальной репрезентации языковой системы. Для выделения идиолекта в этом случае следует определить некую семантическую и стилистическую константу. В рамках поэтического дискурса для этого потребуется выборка нескольких произведений поэта разных периодов.

Творчество Леона Фелипе

В данной работе мы обратимся к анализу идиолекта Леона Фелипе. Выбор этого автора обусловлен тем, что ему посвящено значительно меньше работ отечественных исследователей, чем другим представителям Поколения 27-го года.

Невозможно представить анализ идиолекта поэта, не учитывая его биографию. Для понимания общей картины, представим здесь краткую справку.

Леон Фелипе родился в обеспеченной семье нотариуса Иньиго Камино де ла Роса. Детство провел в Секеросе и Сантандере. Получив по настоянию отца фармацевтическое образование, начал вести активную жизнь, управляя несколькими аптеками в небольших испанских городах и выступая комиком в театральной труппе по всей стране.

Три года поэт провел в тюрьме в Кантабрии по обвинению в расхищении имущества. В 1917 г. он выходит из тюрьмы, возвращается к работе фармацевта и начинает писать первые стихи.

В 1922 г. Леон Фелипе отправляется в Мексику с рекомендательным письмом от Альфонсо Рейеса, которое откроет ему двери в общество мексиканских интеллектуалов. Он работает библиотекарем в Веракрусе, и преподает испанскую литературу в Корнельском университете (США). Незадолго до начала Гражданской войны он возвращается в Испанию и занимает активную позицию на стороне республиканцев. В 1938 г. Леон Фелипе был вынужден эмигрировать в Мексику, где начал работать атташе по культуре в Посольстве Испанской Республики, признаваемой тогда в Мексике.

Я приехал в Мексику на хвосте революции. Шел 1923 год. Потом я прожил здесь многие годы: здесь я кричал, страдал, протестовал, сквернословил, восхищался...¹ [200 *mexicanos que nos heredó el mundo* 2010, с. 4].

Вынужденный переезд и обеспокоенность политической ситуацией в Испании находят свое отражение в творчестве поэта. Тем не менее там Леону Фелипе получается оставаться за рамками политической игры. Он пишет:

¿Por qué habéis dicho todos que en España hay dos bandos, si aquí no hay más que polvo? [Felipe Leon. El hacha URL].

Почему все вы сказали, что в Испании две стороны, если здесь нет ничего, кроме пыли?

Леон Фелипе умирает в Мексике на восемьдесят четвертом году жизни.

В книге «¿Quién soy yo?», выпущенной фондом Леона Фелипе по случаю 50-летия со дня смерти поэта, предложена хронология его творчества [Frau 2018]. Мы рассмотрим одни из самых знаковых

---

¹Зд. и далее перевод наш. – Я. Д.

произведений Леона Фелипе: «Drop a Star», «La insignia», «El hacha», «¡Qué lástima!», «¡Oh, este viejo y roto violín!», «Como tú», «Vencidos»

Анализ идиолекта Леона Фелипе

С точки зрения формы, для произведений Леона Фелипе характерны краткие ассонансные строфы, которые сменяются строфами большей длины.

¡Pobre niña! Ya no pasa por esta calle tan ancha caminando hacia la escuela de muy mala gana, ni se para en mi ventana, ni se queda a los cristales pegada como si fuera una estampa	Marinero, tú tienes una estrella en el bolsillo... ¡Drop a star! Enciende con tu mano la nueva música del mundo, la canción marinera del mañana, el himno venidero de los hombres... [Felipe León. Drop a star URL].
---	---

[Felipe León. Qué lástima URL].

Españoles,
españoles que vivís el momento más trágico de toda nuestra Historia,
¡estáis solos!
¡Solos!
El mundo,
todo el mundo es nuestro enemigo, y la mitad de nuestra sangre -la sangre podrida
y bastarda de Caín- se ha vuelto contra nosotros también

[Felipe León. La insignia URL].

Что касается главных тем, то здесь преобладают идеи одиночества и бесплодного поиска себя, которые выливаются в чувство глубокой печали и отчаяния. План выражения заполнен многочисленными символами, которые будут присутствовать и в дальнейшем творчестве поэта: *камень – piedra, звезды – estrella, нуть, свет – luz, ветер – viento* и фигура *Дон Кихота – Don Quijote*.

Así es mi vida, piedra , como tú. Como tú, piedra pequeña; como tú, piedra ligera; (León Felipe. Como tu...)	Tu estabas dormida como el agua que duerme en la alberca... y yo llegué a ti como llega hasta el agua que duerme la piedra . (León Felipe. Piedra de sal) [там же].
---	--

[Felipe León.
Poemas de León Felipe URL].

Ahora de pueblo en pueblo
errando por la vida,
luego de mundo en mundo, errando por el
cielo
lo mismo que esa **estrella** fugitiva...
[Poemas de León Felipe].

¡Drop a **star**!
Echa a andar otra vez este barco
varado, marinero.
Tú tienes una **estrella** en el bolsillo...
una **estrella** nueva de palacio, de
fósforo y de imán. (Drop a star)
[там же].

Sensibles a todo **viento**
y bajo todos los cielos,
poetas, nunca cantemos
la vida de un mismo pueblo
ni la flor de un solo huerto.
(León Felipe. Romero solo)

ni en la tierra
ni en el agua sujeto...
Quiero verme en el **viento**.
Quiero verme en el **viento**.
Quiero verme en el **viento**.
[Felipe León.
Contadme un sueño URL].

[там же].

Por la manchega llanura
se vuelve a ver la figura
de **Don Quijote** pasar...
va cargado de amargura...
va, vencido, el caballero de retorno a su lugar.
(Vencidos)

Yo soy revolucionario,
España es revolucionaria,
Don Quijote es revolucionario.
Lo somos todos. Todos.
[Felipe León. La insignia URL].

[там же].

Стихи Леона Фелипе полны символизма. С помощью образа света, а также благодаря метрике, параллелизмам и анафорам, по мнению исследователя Хосе Мария Гутьерреса, поэт воплощает в своем творчестве библейскую традицию псалмов. В то же время, «вкрапляя» в свои произведения английские слова и стилистически нейтральные лексические единицы, Леону Фелипе удается говорить на современном читателю языке, который помогает создать образ лирического героя-пророка нового времени [Fernández Gutiérrez 1991].

С точки зрения стилистики тексты Леона Фелипе полны апеллятивных конструкций, риторических вопросов, восклицаний, императивов:

¿Dónde está la estrella de los Nacimientos?
La tierra, encabritada, se ha parado en el viento (León Felipe. Drop a star).

Que no se acostumbre el pie a pisar el mismo suelo (León Felipe. Romero solo).

¡**Qué voy a cantar** si soy un paria
que apenas tiene una capa! (León Felipe. ¡Qué lástima!).

Y **yérguete**... ¡**Yérguete**!

Que tal vez el hombre de este tiempo... (León Felipe. Español) [Felipe León. Poemas de León Felipe URL].

Его поэзии также характерны обращения лирического героя к читателю в третьем лице:

Marinero,

tú tienes una estrella en el bolsillo... (Drop a star) [Там же]

Español,

más pudo **tu** envidia

que **tu** honor,

y más **cuidaste** el hacha

que la espada [Felipe Leon. El hacha URL].

Поэт практически в каждом из своих стихотворений прибегает к анафорам. В случае, если формального выражения анафоры нет, то заметна анафора смысловая; поэт возвращается к мысли, высказанной ранее.

Может показаться, что данной информации недостаточно для описания идиолекта, однако в условиях поэтического дискурса сложно сказать больше, не вдаваясь в интерпретацию, что не входит в задачи данной работы.

Заключение

Анализируя идиолект автора поэтического текста, создается впечатление, что именно идиолект отвечает за узнаваемость поэта, однако такое утверждение было бы необоснованным, так как творчество поэта не ограничивается одним лишь лингвистическим аспектом. Тем не менее однажды определив идиолект того или иного автора, можно говорить о том, с помощью каких лингвистических средств он выражает образ поэтического субъекта.

Кроме того, рассматривая индивидуальную языковую репрезентацию, мы приходим к выводу, что идиолект, проявляясь в поэтическом тексте, является еще одним ярким свидетельством отличия человеческого языка от языка животного.

В итоге идиолект поэта, в отличие от любого другого идиолекта, рассматриваемого вне поэтического дискурса, представляет собой константу употребляемых поэтом семантических и стилистических

средств, отслеживаемых в большинстве произведений определенного автора для влияния на восприятие читателем поэтического субъекта.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Богданова Е. В.* О некоторых аспектах изучения термина идиолект в отечественной и западной лингвистике // Вестник Ленинградского государственного университета им. А. С. Пушкина. 2011. № 4. Т. 1. С. 100–108.
- Гордашникова Д. С.* О соотношении понятий «идиолект» и «идиостиль»: материалы конф. «Понимание и рефлексия в культуре, науке и образовании». Тверской государственный университет. 2018. URL: rgf.tversu.ru/websites/29/ckeditor_assets/attachments/6453/Gordashnikova_2018.pdf (дата обращения: 12.11.2019).
- Хайдеггер М.* Язык / пер. и прим. Б. В. Маркова. СПб.: Интеллект, 1991. 19 с.
- Матвеева Т. В.* Полный словарь лингвистических терминов. Ростов-на-Дону: Феникс, 2010. 562 с.
- Поэзия: учебник / Н. М. Азарова, К. М. Корчагин, Д. В. Кузьмин, В. А. Плунгян [и др.]. М.: ОГИ, 2016. 886 с.
- 200 mexicanos que nos heredó el mundo. Instituto Nacional de Migración Centro de estudios migratorios., ed. 2010. Paralelo 21. 259 p.
- Ascunce Arrieta J. A.* Religiosidad y profetismo en la poesía de León Felipe. Acción Cultural Española (AC/E) Fundación León Felipe. 2018. P. 58–87.
- Conesa F., Nubiola J.* Filosofía del lenguaje. Empresa Editorial Herder, S.A., Barcelona: Segunda edición, 2002. 301 p.
- Felipe León.* Contadmeunsueño. URL: www.cancioneros.com/nc/8644/0/contadmeun-sueno-leon-felipe-adolfo-celdran (дата обращения: 13.11.2019).
- Felipe León.* El hacha. URL: www.poesi.as/lf-hacha2.htm (дата обращения: 13.11.2019).
- Felipe León.* La insignia. URL: www.lainsignia.org/2000/diciembre/red_001.htm (дата обращения: 13.11.2019).
- Felipe León.* Poemas de León Felipe. URL: www.poemas-del-alma.com/leon-felipe.htm (дата обращения: 13.11.2019).
- Fernández Gutiérrez J. M.* El simbolismo de la luz en León Felipe. 1991. # 6–7 (Ejemplar dedicado a: Homenaje a Raquel Asún), P. 197–204.
- Frau J.* León Felipe: historia y recorrido de sus versos. Acción Cultural Española (AC/E) Fundación León Felipe, 2018. P. 24–57.

REFERENCES

- Bogdanova E. V.* O nekotoryh aspektah izuchenija termina idiolekt v otechestvennoj i zapadnoj lingvistike // Vestnik Leningradskogo gosudarstvennogo universiteta im. A. S. Pushkina. 2011. № 4. T. 1. С. 100–108.
- Gordashnikova D. S.* O sootnoshenii ponjatij «idiolekt» i «idiostil'»: materialy konf. «Ponimanie i refleksija v kul'ture, nauke i obrazovanii». Tverskoj gosudarstvennyj universitet. 2018. URL: rgf.tversu.ru/websites/29/ckeditor_assets/attachments/6453/Gordashnikova_2018.pdf (data obrashhenija: 12.11.2019).
- Hajdegger M.* Jazyk / per. i prim. B. V. Markova. SPb. : Intellekt, 1991. 19 с.
- Matveeva T. V.* Polnyj slovar' lingvisticheskikh terminov. Rostov-na-Donu : Feniks, 2010. 562 s.
- Pojezija: uchebnik / N. M. Azarova, K. M. Korchagin, D. V. Kuz'min, V. A. Plungjan [i dr.]. M. : OGI, 2016. 886 s.
- 200 mexicanos que nos heredó el mundo. Instituto Nacional de Migración Centro de estudios migratorios., ed. 2010. Paralelo 21. 259 p.
- Ascunce Arrieta J. A.* Religiosidad y profetismo en la poesía de León Felipe. Acción Cultural Española (AC/E) Fundación León Felipe. 2018. P. 58–87.
- Conesa F., Nubiola J.* Filosofía del lenguaje. Empresa Editorial Herder, S.A., Barcelona : Segunda edición, 2002. 301 p.
- Felipe León.* Contadme un sueño. URL: www.cancioneros.com/nc/8644/0/contadme-un-sueno-leon-felipe-adolfo-celdran (data obrashhenija: 13.11.2019).
- Felipe León.* El hacha. URL: www.poesi.as/lf-hacha2.htm (data obrashhenija: 13.11.2019).
- Felipe León.* La insignia. URL: www.lainsignia.org/2000/diciembre/red_001.htm (data obrashhenija: 13.11.2019).
- Felipe León.* Poemas de León Felipe. URL: www.poemas-del-alma.com/leon-felipe.htm (data obrashhenija: 13.11.2019).
- Fernández Gutiérrez J. M.* El simbolismo de la luz en León Felipe. 1991. # 6–7 (Ejemplar dedicado a: Homenaje a Raquel Asún), P. 197–204.
- Frau J.* León Felipe: historia y recorrido de sus versos. Acción Cultural Española (AC/E) Fundación León Felipe, 2018. P. 24–57.

УДК 81–23

Е. П. Юнкова

аспирант кафедры иностранных языков филологического факультета Российского университета дружбы народов; e-mail: evgeniya.yunkova@yandex.ru

МЕЖТЕКСТОВЫЕ СВЯЗИ В ПОВЕСТИ ДЖ. М. БАРРИ «ПИТЕР И ВЕНДИ» И ЕЕ ПЕРЕВОДАХ НА РУССКИЙ И ИСПАНСКИЙ ЯЗЫКИ

В статье рассматриваются сказочная повесть Дж. М. Барри «Питер и Венди» и ее переводы на русский и испанский языки. Отталкиваясь от существующих определений понятия интертекстуальности, а также видов и форм этого феномена, автор находит и анализирует проявления межтекстовых связей в оригинальном тексте повести, а также проводим сопоставительное исследование переводов художественного текста «Питер и Венди» на предмет особенностей передачи данных явлений. Анализируются случаи сохранения или опущения эпизодов и коннотаций, являющихся результатом проявления интертекстуальности и неотъемлемой частью художественного пространства Дж. М. Барри.

Ключевые слова: межтекстовые связи; художественный перевод; лакуны; экстралингвистические факторы.

E. P. Yunkova

PhD Student, Department of Foreign Languages, Faculty of Philology, Peoples' Friendship University of Russia; e-mail: evgeniya.yunkova@yandex.ru

INTERTEXTUALITY IN JAMES BARRIE'S NOVEL "PETER AND WENDY" AND ITS TRANSLATIONS INTO RUSSIAN AND SPANISH

The article deals with J. M. Barrie's fantastic novel "Peter and Wendy" and its translations into Russian and Spanish. According to the notion of intertextuality, as well as the classification of this phenomenon that is presented nowadays among philologists, the author finds and analyzes in the original text intertextual elements of different types. Translations of the literary text in search of peculiarities of cross-cultural adaptation of intertextual elements are compared. During the process, some cases of preservation and elimination of the effects of intertextuality of James Barrie's novel were found.

Key words: intertextuality; literary translation; elimination; extralinguistic factors.

Введение

Интертекстуальность – важное понятие в рамках литературоведения, и история исследования художественных текстов содержит в себе несколько подходов к данному вопросу. Термин ввела в научный

дискурс Ю. Кристева. В основе понятия лежит представление о том, что «любой текст – это мозаика цитаций ... продукт «впитывания» и трансформации какого-либо другого текста» [Суслова, Усольцева 2003, с. 35]. Реакция на предшествующие тексты, которая заключена в искомом тексте, расширяет его смысл [Поветьева 2012].

Согласно литературоведческому словарю-справочнику выделяются несколько видов интертекстуальности: 1) совместное существование в одном тексте двух или более текстов (например, цитата, аллюзия, реминисценция); 2) взаимоотношения текста и его заглавия, послесловия, эпиграфа и т. д. (паратекстуальность); 3) ссылка текста на свой предтекст, часто критического или комментирующего характера (метатекстуальность); 4) ссылка текста на предтекст с целью его осмеяния и пародирования (гипертекстуальность); 5) жанровая связь текстов (архитекстуальность). Среди конкретных форм проявления интертекстуальности в произведении можно назвать заимствование, переработку тем и сюжетов, явную и скрытую цитацию, перевод, аллюзию, парафразу, подражание, пародию, экранизацию, использование эпиграфов и т. д. [Суслова, Усольцева 2003, 35].

Сказочная повесть «Питер Вэнди» и ее прозаические переводы на русский язык

Сказочная повесть «Питер и Венди» («Peter and Wendy») была написана английским писателем Дж. М. Барри в 1911 г. Фактически она датируется XX в., а по духу это произведение принадлежит викторианской эпохе, которая пришлась на конец XIX – начало XX вв. Среди русскоязычных переводов выделяются два именно прозаических: это сокращенный вариант, предназначенный для младшего школьного возраста, выполненный И. П. Токмаковой (1981) (его еще иногда называют «пересказом») и перевод Н. М. Демуровой, который является наиболее приближенным к оригиналу (1968).

Здесь мы не можем не обратиться к одной из теоретических моделей перевода, которые объясняют принципы расхождения данных текстов с точки зрения понятия адекватности перевода. Коммуникативная модель перевода рассматривает перевод как акт коммуникации, что, в свою очередь, подразумевают влияние экстралингвистических факторов. Ю. Найда, утверждал, что «в основе динамической эквивалентности лежит ожидаемая реакция получателя» (цит. по: [Хухуни 2003, с. 37]). Инвариантность, т. е. степень трансформации

содержания исходного сообщения, определяет коммуникативная установка автора оригинала [Львовская 1985, с. 43].

Интенции переводчиков как первичных реципиентов текста (терминология, введенная в научный дискурс Г. Т. Хухуни), несомненно, относится к группе экстралингвистических факторов, влияющих на степень отклонения перевода от оригинала. Переводчик выстраивает свою стратегию перевода того или иного художественного произведения с учетом особенностей потенциального адресата текста (вторичного реципиента). Так, И. П. Токмакова адресует свой перевод детям младшего школьного возраста, а сам перевод обозначен как «пересказ с английского» [Барри 1993]. Н. М. Демурова преследует другую цель: перевести текст как можно ближе к тексту оригинала. Это различие в критериях потенциальной принимающей аудитории обусловило явные различия двух переводов. Причем различия будут выражаться преимущественно в наличии большого количества лакун в версии И. П. Токмаковой – против полной версии Н. М. Демуровой, нацеленной на сохранение как сюжетной линии вплоть до деталей, так и сугубо языковых особенностей идиостиля Джеймса Мэттью Барри. Однако это не единственная причина возникновения лакун в переводе данного текста. Другой причиной послужил еще один экстралингвистический фактор, обозначаемый, согласно классификации Г. Т. Хухуни, как идеологический [Хухуни, Валуйцева 2003, с. 28].

Оба перевода относятся к советской эпохе (1968 г. – издание перевода Н. М. Демуровой и 1981 г. – И. П. Токмаковой), когда господствовал соответствующий режим. Идеология, понимаемая как «система идей и взглядов (политических, правовых, религиозных, нравственных, эстетических, правовых)» [Тер-Минасова 2007, с. 32], определяет отношение людей к действительности, отражает вышеперечисленные параметры общества, но, кроме того, активно влияет на те или иные проявления общественной жизни. Это значит, что особенности идеологии всегда отражаются и в языке. Влияние идеологического фактора привело к тому, что следующий выделенный нами курсивом в тексте элемент был элиминирован в обоих переводах:

It would be an easy map if that were all; but there is also first day at school, religion, fathers, the round pond, needlework, murders, hangings, verbs that take the dative, chocolate-pudding day, getting into braces, say ninety-nine, threepence for pulling out your tooth yourself, and so on... [Barrie 2017, с. 10].

Сравним переводы:

И. П. Токмакова:

С этим было бы не так сложно справиться, однако это не всё. Там еще помещается первый день учебы в школе, и пруд, и убийцы, и вышивание крестиком, и глаголы, требующие дательного падежа, и воскресный пудинг, и три пенса, которые дадут, если молочный зуб выдернуть самому, и так далее...

[Барри 1993, с. 7].

Н. М. Демурова:

«Во всем этом можно бы разобраться, но есть там ещё и первый день в школе, и отцы, и круглый пруд, и рукоделие, и убийства, и виселицы, и глаголы, после которых идёт дательный падеж, и шоколадный пудинг, и больное горло (Ну-ка скажи «а-а!»), и расшатавшийся зуб («Три пенса, если вырвешь его сам!»), и длинные брюки, и многое-многое другое

[Барри URL].

В рамках антирелигиозной настроенности – особенности государственной политики СССР – такая лакуна кажется вполне закономерной.

Оригинал повести: отсылки к другим текстам

Мы уже подчеркивали особенность перевода повести на русский язык Н. М. Демуровой как блестящей работы, выполненной в стремлении сохранить «верность букве оригинала», прагматическую и эстетическую функции художественного текста. Лакуны в переводе И. П. Токмаковой вызваны тем, что оригинал повести (и, как следствие, текст Н. М. Демуровой) содержит массу эпизодов и коннотаций, сложных для детского понимания [Борисенко URL].

Говоря о цитации как проявлении интертекстуальности, в случае с повестью «Питер и Венди» имеет смысл отметить *автоцитацию*. Как утверждает А. Л. Борисенко, «Питер Пэн и Венди» – это цикл текстов в самых разных жанрах, писавшихся с 1901 по 1928 год» [Борисенко URL]. Так, к примеру, из предыдущих произведений этого цикла в повесть «Питер и Венди» были перенесены сам протагонист повести Питер Пэн, а также *Кенсингтонский сад* – топоним, превратившийся в поэтоним, поскольку реальную географическую локацию Барри наделил вымышленными особенностями.

Произведение Джеймса Барри довольно автобиографично, в повести встречается немало реалий, которые проникли в сюжет из реальной жизни писателя, но уже в переосмысленном виде.

Например, встречается множество намеков на благородное прошлое Капитана Крюка (антагониста, предводителя пиратов), которые связаны с *английской школой в Итоне*. Известно, что в этой школе получали образование дети из семьи Дэвис – близких друзей писателя. Первую отсылку – финальную фразу персонажа «*Floreat Etona*» («Да здравствует Итон») мы встречаем еще в пьесе «Мальчик, который не хотел расти» («*The boy who wouldn't grow up*», 1904), которая наряду с романом «Белая птичка» («*The little white bird*», 1902) положила начало цикла произведений о Питере Пэне. В самой повести «*Peter and Wendy*» эти отсылки (аллюзии, реминисценции и автоцитации) вписаны в канву повествования очень тонко, например, проस्कальзывают в речи персонажа [Борисенко URL].

В повести «Питер Пэн» также есть прямые отсылки к роману Р. Л. Стивенсона «Остров сокровищ» (1883). Барри, вводя в повествование группу персонажей-пиратов, в рамках пространного описания упоминает имя одного из центральных героев романа Стивенсона, *Капитана Флинта* (героя романа Стивенсона):

Here's Bill Jukes ... the same Bill Jukes who got six dozen on the Walrus from *Flint* before he would drop the bag of moidores [Barrie 2017, с. 66],

За ним – Билл Джукс ... тот самый Билл Джукс, которому по приказу *Флинта*, капитана «Моржа», дали сотню ударов плеткой, прежде чем он выпустил из рук мешок с золотыми луидорами [Барри URL].

Пираты в повести Барри распевают песню, в которой упоминается *Дэви Джонс* – этот же персонаж фигурирует в тексте песни «Пятнадцать человек на сундук мертвеца» в романе Стивенсона:

Yo ho, yo ho, the pirate life,
The flag o' skull and bones,
A merry hour, a hempen rope,
And hey for Davy Jones [Barrie 2017, с. 71].

Любопытно, что в русских переводах эта реминисценция утеряна, сравним переводы И. П. Токмаковой и Н. М. Демуровой:

И. П. Токмакова

Коль вы не спрятались в дома,
Пусть не ждут от вас вестей.
На нашем флаге смерть сама
И парочка костей

[Барри 1993, с. 47].

Н. М. Демурова

Хо-хо! Пиратское житье
Веселые деньки!
Давно скучает по тебе
Веревка из пеньки!

[Барри URL].

В испанском переводе эта отсылка сохраняется, кроме того, переводчик дает ссылку-экспликацию, которая раскрывает смысл инокультурного онима:

Ja, ja, ja, la vida del pirata.
Los huesosen la negra bandera.
Una hora alegre, una sogá que mata,
у *Davy Jones* a nuestra vera [Barrie 2018, с. 95].

Ссылка призвана познакомить потенциального адресата текста с персонажем, который справедливо назван «мифическим» (что объясняет его присутствие в разных сюжетах разных авторов):

Davy Jones, personaje de leyendas de marineros y piratas, es un demonio mítico que se adueña de los marineros caídos al mar¹ [там же].

Также можно сказать, что пираты и индейцы, присутствующие в повести Барри – дань писателя моде на приключенческую литературу [Борисенко URL]. Эти персонажи не являются опорными точками сюжета, однако создают необходимый антураж и в целом делают повесть разнообразной с точки зрения тематических пластов. С писателем Стивенсоном связана другая интересная история, получившая мифологическое переосмысление в повести Барри: известно, что в дружеской переписке Стивенсон приглашал последнего в гости в дом на острове, объясняя свой адрес достаточно «поэтическим» способом. Эта формула адреса впоследствии попала в повесть: Питер Пэн похожим образом объясняет Венди, как добраться до сказочного острова Нетинебудет (Neverland), и эта фраза сохраняется в переводах:

---

¹«Дэви Джонс – персонаж морских и пиратских легенд, мифический демон, который завладевает душами погибших моряков» (пер. наш. – Е. Ю.)

Второй поворот направо, а дальше прямо до самого утра» [Барри 1993, с. 36].

Second to the right, and straight on till morning [Barrie 2017, с. 49].

La segunda a la derecha, y luego todo recto hasta el amanecer [Barrie 2018, с. 78].

Говоря об *острове Нетинебудет* (в переводе Н. М. Демуровой – *остров Небывальей*) как главном месте действия произведения, стоит отметить, что тема *волшебного мира* стала общей для целого ряда писателей того времени, а также для некоторых предшественников (Ч. Кингсли, «Дети воды», 1863 г.; Л. Кэрролл, «Приключения Алисы в стране чудес», 1865 г.) и последователей Барри (Дж. Р. Р. Толкин, «Братство кольца», 1958 г.; К. С. Льюис, «Лев, колдунья и платяной шкаф», 1950 г. и др.) [Борисенко URL].

Заключение

Сказочная повесть «Питер Пэн» английского писателя Джеймса Мэттью Барри содержит в себе немало цитат из других художественных текстов. В тексте мы также встречаем и достаточно много автоцитаций, это обусловлено тем, что сама повесть (1911) – лишь одно произведение из цикла, который был начат в 1902 г. (роман «Белая птичка») и закончен публикацией текста пьесы «Мальчик, который не хотел расти» в 1928 г.

Обращение к популярным на тот период развития литературного процесса приключенческим и фантазийным романам позволило автору разнообразить свое повествование различными литературными отсылками.

Эти межтекстовые отсылки сохранились не во всех переводах. Элиминация данных элементов – почти всегда следствие влияния экстралингвистических факторов, к которым можно отнести и прагматическую интенцию переводчика: сознательное ограничение аудитории, для которой предназначается перевод, вызывает намеренное сокращение оригинального текста. В случаях же, когда ключевая интенция переводчика – следование букве оригинала, это закономерно приводит к сохранению в том числе автоцитаций, реминисценций, аллюзий на другие произведения. В нашем случае примером такого перевода может послужить перевод на испанский язык, выполненный Г. Бустело (Gabriela Bustelo, 2018).

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Борисенко А.Л.* История Питера Пэна // Arzamas. URL: arzamas.academy/mag/466-peter (дата обращения: 17.11.2019).
- Барри Дж.* Питер Пэн / пер. с англ. И.Токмаковой. Екатеринбург : Сред.-урал. кн. изд-во, 1993. 136 с.
- Барри Дж.* Питер Пэн и Венди / пер. с англ. Н.Демуровой. М. : Махаон : Азбука-Аттикус, 2011. URL: librebook.me/piter_pen_i_vendi/vol1/7?mtr= (дата обращения: 17.11.2019).
- Львовская З.Д.* Теоретические проблемы перевода (на материале испанского языка) : монография. М. : Высшая школа, 1985. 232 с.
- Поветьева Е.В.* Проблемы теорий интертекстуальности в современном языкознании // Международный журнал прикладных и фундаментальных исследований. Филологические науки. 2012. № 8. С. 39–44.
- Суслова Н.В., Усольцева Т.Н.* Новейший литературоведческий словарь-справочник. М. : Белый ветер, 2003. 133 с.
- Тер-Минасова С.Г.* Война и мир языков и культур: вопросы теории и практики межъязыковой и межкультурной коммуникации. М. : Слово=Slovo, 2007. 334 с.
- Хухуни Г.Т., Валуцьева И.И.* Межкультурная адаптация художественного текста. М. : Прометей, 2003. 172 с.
- Barrie J. M.* Peter Pan. М. : Икар, 2017. 220 с.
- Barrie J. M.* Peter y Wendy / Edición de Silvia Herreros de Tejada. Barcelona : Penguin Clásicos, 2018. 224 p.

REFERENCES

- Borisenko A. L.* Istorija Pitera Pjena // Arzamas. URL: arzamas.academy/mag/466-peter (data obrashhenija: 17.11.2019).
- Barri Dzh.* Piter Pjen / per. s angl. I. Tokmakovoj. Ekaterinburg : Sred.-ural. kn. izd-vo, 1993. 136 s.
- Barri Dzh.* Piter Pjen i Vendi / per. s angl. N. Demurovoj. М. : Mahaon : Azbuka-Attikus, 2011. URL: librebook.me/piter_pen_i_vendi/vol1/7?mtr= (data obrashhenija: 17.11.2019).
- L'vovskaja Z. D.* Teoreticheskie problemy perevoda (na materiale ispanskogo jazyka) : monografija. М. : Vysshaja shkola, 1985. 232 s.
- Povet'eva E. V.* Problemy teorij intertekstual'nosti v sovremennom jazykoznanii // Mezhdunarodnyj zhurnal prikladnyh i fundamental'nyh issledovanij. Filologicheskie nauki. 2012. № 8. S. 39–44.
- Suslova N. V., Usol'ceva T. N.* Novejshij literaturovedcheskij slovar'-spravochnik. М. : Belyj veter, 2003. 133 s.

Ter-Minasova S. G. Vojna i mir jazykov i kul'tur: voprosy teorii i praktiki mezh#jazykovoju i mezhkul'turnoj kommunikacii. M. : Slovo=Slovo, 2007. 334 c.

Huhuni G. T., Valujceva I. I. Mezhkul'turnaja adaptacija hudozhestvennogo teksta. M. : Prometej, 2003. 172 s.

Barrie J. M. Peter Pan. M. : Ikar, 2017. 220 s.

Barrie J. M. Peter y Wendy / Edición de Silvia Herreros de Tejada. Barcelona : Penguin Clásicos, 2018. 224 p.

УДК 304

В. А. Васильев

профессор, доктор философских наук, профессор кафедры философских наук Московского государственного лингвистического университета;
e-mail: filosof-mglu@yandex.ru

V ВЕК – «ЗОЛОТОЙ ВЕК» ДУХОВНОЙ КУЛЬТУРЫ АРМЕНИИ

В статье анализируется духовная культура Армении раннего Средневековья. Условно она делится на два исторических периода: до и после принятия в 301 г. христианства. Древняя духовная культура первого периода формируется под влиянием языческих воззрений, национальной мифологии, народного эпоса, обыденного опыта, первых научных знаний. Данная особенность духовной культуры являлась генезисом для христианского периода. Как государственная религия христианство оказало особое влияние на всю культурную жизнь Армении. Создание национальной письменности способствовало расцвету во всех областях духовной культуры: историографии и лингвистики, богословия и философии, искусстве и нравственности. Формируется «золотой» век культуры Армении.

Ключевые слова: Армения; Средневековье; культура; духовность; история; религия; философия.

V. A. Vasilyev

Doctor of Philosophy (Dr. habil.), Professor, Professor at the Department of Philosophy, Moscow State Linguistic University; e-mail: filosof-mglu@yandex.ru

GOLDEN V CENTURY OF SPIRITUAL CULTURE OF ARMENIA

The article analyzes the spiritual culture of Armenia of the early Middle Ages. Conventionally, it is divided into two historical periods: before and after the adoption of Christianity in 301. In the first period, the ancient spiritual culture is formed under the influence of pagan views, national mythology, folk epics, everyday experience, first scientific knowledge. This feature of spiritual culture was the Genesis for the Christian period. As a state religion, Christianity had a special impact on the entire cultural life of Armenia. The creation of the national script contributed to the flourishing in all areas of spiritual culture: historiography and linguistics, theology and philosophy, art and morality. The Golden century of Armenian culture is being formed.

Key words: Armenia; the Middle Ages; culture; spiritual; history; religion; philosophy.

Введение

Армянская культура формировалась на протяжении тысячелетий. Ее самобытность и уникальность определяется неповторимым очарованием горной природы, древнейшим христианским наследием (первая страна, которая приняла христианство как государственную религию), оригинальной национальной культурой, которую народ бережно сохраняет на протяжении долгой героической истории. Духовные достижения свободолюбивого народа Армении несут в себе не только неповторимые национальные особенности, но также являются важной составной частью всемирной истории. Не случайно, что об Армении с древнейших времен писали Геродот и Ксенофонт (V в. до н. э.), Плутарх (I–II вв. н. э.). Интересны высказывания английского поэта-романтика лорда Байрона в начале XIX в.: «Находясь в армянском монастыре, я ежедневно изучаю язык этого великого народа. Этот богатый язык с лихвой вознаградит каждого, кто возьмет на себя труд его изучить. Трудно было бы, быть может, найти летописи народа, менее запятнанные преступлениями, чем летопись армян. Их добродетели мирные – сохранить свою национальную культуру в сложных социальных условиях».

В духовной культуре Армении можно условно выделить две исторические вехи: до и после принятия христианства в 301 г., вплоть до формирования «золотого» V в.

Древними духовными истоками дохристианского периода выступали языческие воззрения, народный эпос, предания, сказания, песнопения, наскальная живопись, обыденный опыт. Особое значение в духовной культуре Армении принадлежит национальной мифологии. В ней значительное место отводится астральным сюжетам. Языческая религия включала культ солнца и луны, звезд. Секты поклонников солнца долго сохранялись и после принятия христианства. Культ предков связан со звездами. Согласно народным поверьям, жизнь каждого человека связана с определенной звездой. Свою одухотворенность находила природа Кавказа. Согласно одной из легенд, горы некогда были братьями-исполинами. За непослушание Бог превратил их в каменных гигантов, их пояса – в зеленые долины, а слезы – в родники. Формировались первые научные знания, в народном эпосе находили отражение философско-нравственные воззрения. По свидетельству Плутарха, нравственные, религиозные, философско-поэтические

размышления в Армении восходят ко времени царствования Тиграна II, который покровительствовал поэтам, ученым. Его сын Артавазд (I в. до н. э.) сочинял поэтические произведения, увлекался стоицизмом. Сохранились принадлежащие ему армавирские надписи на камнях, в которых отражены художественно-нравственные положения народного эпоса, зарисовки историко-героических событий страны.

Во-вторых, это период раннего феодализма, после принятия христианства. Оно явилось могучим источником создания новых форм в архитектуре, музыке, изобразительном искусстве, песнопении. Византия оказала влияние на духовно-религиозную и философскую культуру Армении. В 405 г. выдающийся ученый и мыслитель Месроп Маштоц создает алфавит и национальную письменность, что сказалось на качественном прогрессе армянской культуры, которая нашла свое благодатное воплощение в «золотом» V в. В стране появилась возможность впервые зафиксировать древнеармянские легенды и эпические песни. При монастырях стали открываться школы, в которых обучение проходило на родном языке. Изучались богословие, философия, риторика, математика и другие науки. Воспитанники школ становились богословами, историками, педагогами, переводчиками. К древнейшим памятникам духовной армянской культуры относится перевод на армянский язык Библии (V в.), важнейшие труды античных философов Платона, Аристотеля, неоплатоников. Появляется религиозная литература представителей европейского христианского богословия периода апологетики.

Благодаря национальной письменности создаются труды по героической истории страны. В работе Корюна «Житие Маштоца» описывается деятельность учителя Маштоца, история создания им национального алфавита и письменности, благодаря которым стала распространяться грамотность, формироваться литературный язык. «История Армении» Агатангелоса содержит важные сведения о социальных и этнических особенностях армянского общества. Утверждается христианство в качестве государственной религии, что стало главенствующим фактором духовного объединения армянского народа; описываются сложные процессы вытеснения еще оставшихся языческих верований, отстаивание чистоты апостольских вероучений от ереси. Историк-ученый Хоренаци справедливо считал, что достоверная история должна выстраиваться на конкретных первоисточниках, которые следует излагать в хронологическом порядке. В «Истории

Армении» он воссоздает житие своего народа с древних времен до середины V в. Создавая свой труд, Хоренаци использовал народные предания, мифологию, большой фактологический материал, десятки первоисточников на иностранных языках. «История Армении» Парпеци, охватывая период с конца IV до конца V в., рассказывает о народно-освободительных войнах армянского народа, об освободительном движении в Грузии и Албании.

Автор знаменитой книги «О Вардане и армянской войне» Егише был секретарем руководителя борьбы армянского народа против персов полководца Вардана Мамиконяна и принимал активное участие в военных действиях. Проявление храбрости армянских воинов им во многом определяется духовно-нравственными, христианскими основами. «Любовь к Богу, – пишет Егише, – превыше, чем всякое земное величие, и делает она людей столь бесстрашными» [Егише 2012, с. 96]. Убежденность в христианских ценностях освобождает человека от боязни в противостоянии с противником. «Страх есть признак маловерия, – маловерие мы давно отвергли от себя, так пусть и страх с ним вместе бежит из мыслей и помыслов наших» [Егише 2012, с. 98]. Возможно, пережитое во время сражений сыграло важную роль в его творчестве, заставило обратиться к духовным ценностям. Его повествования не только историко-литературные. Они проникнуты чувством патриотизма, играют важную, не только познавательную, но и воспитательную роль. После гибели Вардана Мамиконяна Егише ушел в монастырь, а затем стал отшельником. Им написаны трактаты «Назидательное слово об отшельниках», «Явление Господа на горе Фаворе», «Учение о Страдании, Распятии, Погребении и Воскресении Христовом», «О человеческой душе». В них содержатся важные религиозно-мировоззренческие, нравственные, философские идеи.

Формировался «золотой» V век армянской культуры, который мог бы иметь свое знаменательное продолжение на последующие столетия, если бы не арабские завоеватели. В ранний средневековый период (со второй половины VII в.) Армения находилась под ярмом арабов, которые не только физически стремились искоренить свободолубивый народ, но и насаждая ислам, пытались «вытравить» у него чувство преданности христианству. Более 200 лет армяне боролись за свою независимость, и только в 885 г. Армянское царство было восстановлено. Этот наполненный восстаниями большой исторический период нашел свое поэтическое выражение в эпосе «Давид Сасунский».

Это повествование о настоящем и прошлом Армении сложилось на фольклорной основе и содержит целостную картину народной жизни свободолюбивых армян. Рассказ идет о борьбе армянского народа против арабского Халифата. Героями эпоса являются славные богатыри из армянского местечка Сасун. В эпосе «переплетаются» реальные и вымышленные события различных эпох, тысячелетние мифы, исторические легенды. Повествования дополнялись новыми знаменательными сюжетами и передавались из поколения в поколение, воспитывая у людей гордые чувства патриотизма, любовь к родному краю, принадлежность к славным этническим корням.

В исторических рамках «золотого» V в. важное место отводится философской культуре, в которой, на наш взгляд, можно выделить две ветви. Одна из них представлена богословом Езником Кохбаци (прим. 380–450 гг.) – богословом, философом, писателем, переводчиком, одним из учеников Маштоца. Образование он получил в Венеции, владел сирийским, персидским, греческим языками. Является автором сочинения «Опровержение лжеучений» (в русском переводе – «Книга опровержений. О добре и зле») – древнейшим памятником армянской философско-религиозной мысли. Создание данного произведения во многом было продиктовано политическим положением Армении. Ей угрожала Сасанидская империя, которая использовала официальную иранскую религию зороастризм в духовном подавлении самостоятельности армянского народа.

Езник Кохбаци отстаивает чистоту христианского учения, им обосновывается единое божественное начало. «Враги Истины, – пишет он в работе “Книга опровержений”, – вооружаются различным оружием. И по сему наше дело состоит в том, чтобы находящихся вне христианства обличить и убедить рациональными обоснованиями, а пребывающих в христианстве, но неправедных, избличать Священным Писанием» [Езник Кохбаци, 1968, с. 82].

В философско-религиозном отношении он выделил четыре природные стихии, из которых Богом создано мироздание (земля, вода, огонь, воздух), анализировались разные уровни познания всего сущего: чувственное восприятие, рациональное мышление, интуитивно-божественное озарение.

Поскольку неоплатонизм еще оказывал влияние на общественное сознание, Езник считал необходимым показать несостоятельность учения Платона о душе, которая, прежде чем вселиться в семя человека,

находилась в созданном Демииургом «мире идей». Душа перевоплощается, может вселиться не только в человека. В зависимости от времени пребывания в «мире идей», она подразделяется на разумную, аффективную (яростную) и неразумную, или вожделеющую. Езник Кохбаци не согласен с язычником Платоном. Душа, подчеркивает он, единая и дана человеку Богом. Им опровергается зороастризм, философско-религиозное учение гностиков, сочетающее в себе христианские и языческие положения, в частности, Пифагора, Платона, а также возникшее в III в. в Персии манихейство по имени его основателя, нареченного Мани¹. Манихейство составляло эклектический синтез зороастризма, буддизма, христианства. Философско-религиозной основой манихейства являлся дуализм зороастризма относительно субстанциональных начал бытия: света – духа – добра и царства тьмы – зла. В первом господстве Бог, во втором – дьявол.

Интеллектуально казалось верным определить зло как самостоятельную субстанцию и полагать его вне собственной личности. Но данное положение снимало тогда индивидуальную ответственность за свой поступок. И не случайно в христианской философии широко обсуждалась проблема зла и добра, в которой Езник Кохбаци принимал активное участие. Вопрос дискуссий заключался в том, чтобы объяснить верующим, откуда появилось зло, если Творец всемогущий и добрый, а человек создан по его образу? Богослов Аврелий Августин (353–430) в полемике с манихеями отвергал субстанциональный дуализм добра и зла. Зло «изгоняется» из онтологии и переносится в сферу нравственных отношений. В работе «Исповедь» он пишет: «Человек грешит в результате своего свободного выбора» [Блаженный Августин. Исповедь 1992, с. 175].

Езник Кохбаци, признавая Бога началом всего сущего, тоже не рассматривал человеческую жизнь как фатально определенную, а придерживался учения о свободе воли. В полемике с манихеями он так рационально-логично высвечивает их дуалистическую позицию: упорно твердят, что зло существует по природе. Если это так, то почему цари учреждают законы, князья прибегают к угрозам, судьи – к наказаниям? Не потому ли, чтоб воспрепятствовать злу? Если зло

---

¹ Настоящее имя Сураик. Представитель знатного княжеского парфянского рода, впоследствии получил почетное прозвище Мани, что означает «дух». Новый Пророк воспринимал себя как преемник Будды, Заратустры, Христа.

существует по природе, то законодатель не должен учреждать законы, и князья не должны наказывать злодея. Зачем наказывать того, кто не по воле является злодеем, в отношении которого должно быть не наказание, а сострадание...» [Езник Кохбацци 1968, с. 59]. «Зло восторжествовало с появлением первого человека, он не подчинился божественному повелению и склонился ко злу; оттуда и пошло начало зла» [там же, с. 52–53]. «Бог дал человеку власть над собою, свободу воли по выбору добра или зла, чтобы он мог обратиться в какую захочет сторону, чтобы ему досталось соответствующее возмездие» [там же, с. 110–111]. «Поэтому нельзя винить бога в наличии в мире зла, таковым может быть только тот, кто по своей воле совершает злой поступок, тому и дается по праву имя злодей» [там же, с. 49]. И далее Езник делает важное дополнение: Боголюбец должен остерегаться своей воли. Для обыденного мышления может показаться, что в данном положении содержится логический парадокс: почему следует бояться своей свободной воли, если она дана нам Богом? Езник Кохбацци поясняет, что свободный выбор не должен поощрять низменные, чувственные вожделения, отрывать от разума, от устремлений души к добродетели. С его точки зрения, мотивация поступка, несущего в себе добро или зло, определяется духовными ценностями и требует ответственности за свой выбор.

Значительное место в армянской духовной культуре V – начала VI вв., в иной философской ветви занимает философ-неоплатоник Давид Анахт. Его интересовали вопросы онтологии и гносеологии, логики и этики. Участвуя в философских спорах, он получил прозвище «Непобедимый». В трактате «Определение философии» им утверждается божественное происхождение мира, осуждается скептицизм и выдвигается положение о чувственном, рациональном и интуитивном познании, о разных видах бытия (реальное, мыслимое и сомнительное). Вслед за Аристотелем, им осуществляется классификация наук, важным звеном которой выступает философия. О ней Анахт говорит с особой почтительностью: «Кто однажды воспылал любовью к философскому слову и лишь кончиком пальца вкусил его сладость, тот, распростившись со всеми суетными думами, устремится к этому слову с благоразумным вдохновением» [Давид Анахт 1975, с. 31].

Анахтом выделяются и анализируются определения философии античных классиков: постижение сущности бытия; любовь

к мудрости; о божественных и человеческих вещах; забота о смерти; уподобление богу в меру человеческих возможностей; наука наук. Все перечисленные дефиниции философии имеют свою значимость, по убеждению Давид, ибо показывают ее разные функции, и главное предназначение философии – духовное самосовершенствование личности. Он подчеркивает, «Бог даровал философию для украшения человеческой души. Ее познавательные способности он украсил теоретической философией, а ее животные способности – практической, дабы мы через мнение не воспринимали ложного знания и дабы не творили зла» [там же, с. 100]. Анахт обосновывает важное положение – единство теоретических идей с практической деятельностью человека.

В своей целостности духовная мысль Армении раннего Средневековья, особенно золотого V в., несмотря на исторически-духовные связи с античной культурой, имеет свои особенности.

В чем это, на наш взгляд, конкретно проявляется?

Во-первых, античная духовность формировалась в рамках языческой религии, армянская связана с единобожием – христианством.

Во-вторых, армянскими философами отрицался онтологический дуализм добра и зла, утверждалось человеческое деяние, определяемое его свободой воли.

В-третьих, в духовности утверждалось не столько рациональное, сколько религиозно-мистическое восприятие Истины посредством Божественного откровения.

В-четвертых, больше внимания уделялось не онтологическим и гносеологическим проблемам, а духовно-нравственным, рассматривались вопросы смысла жизни.

В-пятых, не ставилась проблема теоретического обоснования бытия Бога, какие попытки предпринимались западноевропейскими богословами. Бог – в душе человека, поэтому нет необходимости это доказывать.

В-шестых, в духовном единении народа большую воспитательно-патриотическую роль играли произведения по истории Армении.

В-седьмых, языческие представления еще не были полностью вытеснены христианством, и еретические идеи проникали в Армению. Тем не менее христианство «цементировало» духовную национальную культуру, переплеталось с политической идеей государственного единства.

Таким образом, духовная жизнь ранней средневековой Армении «золотого» V в., находясь в рамках общемировой культуры, обогащала ее своим национальным колоритом.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Блаженный Августин. Исповедь. М. : Гендальф, 1992, 544 с.
Давид Анахт. Сочинения. М. : Мысль, 1975. 262 с.
Егише. О Вардане и армянской войне. М. : Союз армян России, 2012. 240 с.
Езник Кохбаци. Книга опровержений. (О добре и зле) / пер., пред. и прим. В. К. Чалояна. Ереван : Изд-во АН Армянской ССР. 1968, 174 с.

REFERENCES

- Blazhennyj Avgustin. Ispoved'. M. : Gendal'f, 1992, 544 s.
David Anaht. Sochinenija. M. : Mysl', 1975. 262 s.
Egishe. O Vardane i armjanskoj vojne. M. : Sojuz armjan Rossii, 2012. 240 s.
Ezник Kohbaci. Kniga oproverzhenij. (O dobre i zle) / per., pred. i prim. V. K. Chalojana. Erevan : Izd-vo AN Armjanskoj SSR. 1968, 174 s.

УДК 304.2

И. В. Малыгина

профессор, доктор философских наук, заведующая кафедрой мировой культуры Московского государственного лингвистического университета;
e-mail: irinamalygina@yandex.ru

ИДЕНТИЧНОСТЬ В ПРОСТРАНСТВЕ ПОСТ-КУЛЬТУРЫ

В статье анализируется проблема самоопределения человека в современной культуре. Раскрываются содержание и функциональная специфика феномена идентичности. Анализируется историческая динамика идентификационных стратегий от доминирования тождества в культуре классического периода – к приоритету различий в пост-культуре. Показано, что кризис традиционных форм идентичности (этнической, национальной, религиозной) рождает массовый запрос на новые формы самоопределения, продуцирует множественные квазиидентичности, имитации и симулякры.

Рассматриваются некоторые идентификационные стратегии, получившие широкое распространение в виртуальном пространстве пост-культуры.

Ключевые слова: культура; пост-культура; идентичность; самоопределение; квазиидентичность; идентификационные стратегии.

I. V. Malygina

Doctor of Philosophy (Dr. habil), Professor, Head of the Department of World Culture, Moscow State Linguistic University; e-mail: irinamalygina@yandex.ru

IDENTITY IN THE SPACE OF POST-CULTURE

The article analyzes the problem of human self-determination in modern culture. The content and functional specificity of the phenomenon of identity is revealed. The historical dynamics of identification strategies is analyzed from the primacy of identity in the culture of the classical period to the priority of differences in post-culture. It is shown that the crisis of traditional forms of identity (ethnic, national, religious) gives rise to a massive demand for new forms of self-determination, produces multiple quasi-identities, imitations and simulacra.

Some identification strategies that are widely used in the virtual space of post-culture are considered.

Key words: culture; post-culture; identity; self-determination; quasi-identity; identification strategies.

Введение

Постоянно нарастающее социальное и культурное разнообразие на фоне деконструкции «больших нарративов», эмансипация человека от социальных и культурных общностей (этнонациональных,

религиозных и т. д.) с плотными ценностно-смысловыми границами, переформатирование традиционных ценностных систем, пластичность нормативных границ (например, гендерных), плюрализация культурных языков и кодов, растущее влияние массовой культуры и ценностей потребительского общества сформировали особую социокультурную ситуацию. При всей «усталости» постмодерна и нарастающего социального запроса на выход из лабиринта мультипарадигмальности и релятивизма, современная культура удерживает в себе постмодернистские интенции ризомности, деконструкции и игры, усложняя процессы самоопределения человека и умножая идентификационные стратегии.

Сложности и казусы самоопределения современного человека стимулируют развитие теоретического дискурса идентичности, появление новых концепций и объяснительных моделей.

Сущность и функциональная специфика культурной идентичности

Современные исследования идентичности осложняются отсутствием единой, общепринятой, дефиниции. Востребованное научной и публицистической риторикой, понятие идентичности нередко воспринимается как самоочевидное и интуитивно ясное. Подвижность границ и бесконечно расширяющееся смысловое пространство концепта затрудняет оценку объективности и валидности результатов исследований, а вопрос о сущности идентичности и ее функциональной специфике по-прежнему остается открытым.

Совершенно очевидно, что содержание культурной идентичности не ограничивается рефлексивными процедурами *осознанного отождествления* индивида с той или иной культурной системой. Не менее важное значение для идентификационных процессов имеют готовность к глубинному *эмоциональному*, почти *сакральному* переживанию осознаваемого единства, а также культурные практики его манифестации. Дифференциация трех основных структурных компонентов идентичности возможна только в качестве методологического приема, в реальности же они диалектически взаимообусловлены и неотделимы друг от друга. Поэтому, анализируя проблему самоопределения человека в современной культуре, следует исходить из понимания идентичности как *единства рационального, эмоционального и репрезентативного* аспектов идентификационных стратегий.

Идентичность – базовая антропологическая характеристика. В известной пирамиде человеческих потребностей Абрахама Г. Маслоу рядом с витальными физиологическими потребностями и потребностями, связанными с безопасностью, оказывается потребность в социальной группе, которая способна обеспечить индивиду любовь, привязанность и принадлежность, т. е., по сути, потребность в идентичности [Маслоу 1999, с. 85].

С момента распада первоначального синкретиза и выделения человека из природного нерасчлененного состояния вся последующая история является свидетельством одновременного разворачивания двух разнонаправленных тенденций.

Первая тенденция может быть охарактеризована как прогрессивное стремление «выбраться из лоно матери», преодолеть животную форму бытия и укорениться в человеческой [Фромм 1998, с. 448].

Процесс отчуждения человека от природы сопровождался формированием бинарной модальности мыслительной деятельности. Ее первичным проявлением стала «метаоппозиция я – другое, знаменующая вычленение субъектного сознания из природного континуума...» [Пелипенко, Яковенко 1998, с. 15].

Тот момент, когда оппозиция «я – другое» закрепились в качестве устойчивой универсалии сознания, ознаменовав начало культурогенеза, отрыв от природы приобрел необратимый характер, а «человек оказался обречен на поиск стратегии выживания посредством культуры» [там же].

Вторая тенденция, *регрессивная* по своей сути, проявилась в стремлении человека к преодолению болезненного разрыва с природой и возврату «в лоно матери, в природу, в безопасное и известное состояние» [Фромм 1998, с. 448]. Именно поэтому последовательное освобождение человека от естественных природных связей компенсировалось усложнением его социальных связей. Путем интеграции в ценностно-символическое пространство социально-культурных сообществ (племя, религиозные общины, социальные сословия, этносы и нации и др.), идентифицируя себя с ними, человек достигал доступного ему способа укорененности и единства с окружающим миром [Малыгина 2013, с. 242]. В логике и терминологии психоанализа эта регрессивная тенденция была обозначена как «инцестуальное стремление», «инцестуальная фиксация» [Фромм 1998, с. 459]. «Национализм – это наша форма инцеста», – заключает Э. Фромм [там же, с. 475].

Процесс культурогенеза отмечен устойчивой закономерностью: каждый его виток, каждый выход человечества на более высокий уровень социокультурной организации сопровождался, с одной стороны, удалением от природы, а с другой – созданием новых, культурообусловленных и все более «искусственных» способов восстановления связи с природой и с социумом. Если на начальных и более ранних этапах это были мифоритуальный комплекс, язык, религия, то в современной культуре эти функции нередко делегируются информационным технологиям и глобальной сети Интернет и т. д.).

Следует отметить, что формирование феномена идентичности происходило в процессе культурогенеза через бессознательное стремление человека к восстановлению утраченного единства с миром.

С этой функциональной особенностью идентичности связано ее понимание как механизма преодоления болезненного разрыва и дуальной противоречивости бытия, как способа достижения нового («культурного») синкрезиса, достижение человеком чувства укорененности и принадлежности.

От культуры тождества – к культуре различий

И всё же прогрессивная тенденция преобладала в истории человечества, а вектор развития объяснительных моделей идентичности соответствовал процессу последовательного самодистанцирования человека от трансцендентального начала, природной среды и социального окружения.

Если западная культура и классическая философия от Античности до Новейшего времени основывались на идее тождества/идентичности всего сущего (макрокосма и микрокосма, Творца и творения, мира идей и мира вещей, индивида и его сословия, класса, этноса, нации и т. д.), то в неклассической философии XX в. произошел отказ от идеи тотального тождества, а в качестве методологически-значимого принципа описания и «конструирования» социальной и культурной реальности провозглашено *различие*.

В противовес индустриальному обществу, целостность которого обеспечивалась «игрой» социально-классовых и корпоративно-групповых интересов на макроуровне, целостность постиндустриального общества обеспечивается «самоорганизацией на “клеточном уровне” социального организма. Ее истоки – в индивидуальных проявлениях человеческого сознания, плохо замыкаемого на интересы больших социальных групп и институтов» [Смирнова 1995, с. 208].

Одна из первых системных рефлексий идентичности в контексте новой парадигмы была в философии экзистенциализма, поставившей вопрос о том, что добровольное отождествление человека с культурной целостностью, религиозной или философской системой, лишает человека свободы выбора и подлинной идентичности. В философских и литературных текстах экзистенциализма идентичность человека понимается как аутентичность, уникальность. Только сам человек способен наполнить жизнь смыслом, выстроить личную ценностную вертикаль и таким образом обрести подлинность. «Одной борьбы за вершину достаточно, чтобы заполнить сердце человека. Сизифа следует представлять себе счастливым» [Камю 1990, с. 92].

Другой опыт саморефлексии культуры в XX в. связан со становлением и самопрезентацией постмодерна, в основе которого лежал отказ от идеи тотальной тождественности мироздания и его пронизанности единым универсальным логосом. На статус «объяснительного принципа» культуры и идентичности в рамках постмодерна начинает претендовать феномен различия. Обосновав приоритет «отличия» по отношению к «тождественности» в социальных и культурных процессах, постмодерн реабилитировал право индивида быть «другим», выходящим за границы социокультурных предписаний и запретов.

Постмодерн провозгласил начало нового этапа культурной динамики, который в современных исследованиях получил название «посткультура». Автор данного термина – российский философ, эстетик В. В. Бычков ввел его для разграничения классического и неклассического этапов развития культуры и описания культурной ситуации переходной эпохи. По мнению философа, XX в. стал последним веком культуры в традиционном ее понимании и первым веком переходного периода «к чему-то принципиально новому, чем доселе известные культуры». Эта плохо поддающаяся рационализации и описанию ситуация переходности и была названа автором концепции посткультурой [Бычков 2012, с. 300–307].

Не претендующий на статус полновесной научной категории, термин «пост-культура», тем не менее, демонстрирует значительные эвристические возможности в артикуляции современной культурной ситуации с такими ее характеристиками, как неопределенность, «текущность», пограничные состояния и флуктуирующие идентичности.

Коллективный субъект пост-культуры благодаря американским исследователям Н. Хоуву и В. Штраусу маркируются в современном

дискурсе как «поколение Миллениума» (или поколение «Y», через которое уже проросло поколение «Z»). Оно появилось и формировалось в реалиях последних трех десятилетий, отмеченных глобализацией культурного пространства, техноцентрическим трендом социокультурной динамики, информационной и цифровой революций. Усредненный миллениал – человек с незавершенной, разомкнутой идентичностью «постороннего», фланирующий по поверхностям множества реальных и виртуальных социальных и культурных миров. Не партиципируя к ценностной системе ни одного из них, миллениал воспроизводит культуру «с пустым центром» как «потенциальный уплотненный хаос», содержащий в «свернутом виде» множество потенциальных бифуркационных расслоений и культурных сценариев. При этом почти невозможно прогнозировать, какой из сценариев готов уже в следующую минуту развернуться с силой расправленной пружины [Бычков 2012, с. 300–307].

Стратегии самоопределения в пост-культуре

Человек в пространстве пост-культуры, казалось бы, достиг максимальной свободы от тотальности социальных или мировоззренческих систем, а сценарии достижения подлинности и уникальности становятся, по сути, неограниченными и не подлежащими контролю. Однако предположение о том, что в условиях социальной деконструкции снижается потребность в идентичности, укорененности и принадлежности, было бы ошибочным. Напротив, запрос такого рода, по мнению современных аналитиков, становится почти тотальным.

М. Кастельс, один из наиболее авторитетных исследователей информационного общества, приходит к выводу о том, что в периоды реформирования и делегитимизации социальных, культурных, мировоззренческих систем, главным, если не единственным источником смысла оказывается идентичность. «Люди всё чаще организуют свои смыслы не вокруг того, что они делают, но на основе того, кем они являются, или своих представлений о том, кем они являются» [Кастельс 2000, с. 27].

Подобные процессы, характерные для многих современных обществ, разворачивались на фоне глобализации и кризиса национально-государственного принципа мирового устройства. Национальное государство стремительно утрачивало статус доминирующих субъектов глобальных процессов и «единиц выживания», становилось все менее адекватным глобальному мировому порядку [Хантингтон 2003, с. 49].

Результатом стало ослабление связи индивида с собственной нацией и культурой, а кризис национальной идентичности стал глобальным трендом современности. На этом фоне человек вынужден создавать новые формы социальности, нередко заменяя их симулякрами, продуцируемыми пост-культурой.

Подобные процессы становятся объяснимыми, если вспомнить о том, что идентичность – базовая антропологическая характеристика и потребность. Акцентируя ее значимость и безальтернативность, Леон Визелтир использовал яркую метафору, снимающую все сомнения на этот счет: «Идентичность подобна греху, как бы мы ни старались, избежать ее мы не в силах» (цит. по: [Хантингтон 2004, с. 49]).

В качестве примера имитативной формы идентичности можно привести данные Всероссийской переписи населения 2010 г., в ходе которой определенный процент молодежи идентифицировал себя с эльфами, хоббитами, гномами и другими вымышленными народностями из популярных *fantasy* или иных текстов современной массовой культуры. Так, население Пермского края, если верить сведениям из переписных листов, представлено в том числе *эльфами, хоббитами и джедаями* [Pandia URL]. Исторические реконструкции по мотивам *fantasy*-романов Дж. Р. Р. Толкиена получили широкое распространение и оформились в международную субкультуру толкиенистов; такие казусы самоопределения можно обнаружить и в других регионах, причем не только в России.

Другим выразительным примером может служить формирование так называемых виртуальных государств в Интернете. Наиболее интересным в контексте темы статьи нам представляется государство «Nova Roma» (Новый Рим). Созданное в 1998 г. (или в MMDCCCL а.у.с. по римскому календарю) людьми, присвоившими имена Флавий Ветий Германик и Марк Кассий Красс, международное сообщество «Nova Roma» поставило своей целью виртуальную реконструкцию Древнего Рима в его доимперский, республиканский период и воссоздание классической римской культуры, религии и добродетелей [Nova Roma URL].

Виртуальное государство обладает всеми атрибутами, необходимыми для формирования идентичности и ее публичной репрезентации. Прежде всего, это символы власти – конституция, сенат, флаг, выборная система и другие элементы демократии в виде народных собраний. Новый Рим имеет «государственный» язык – латынь, большое

значение придается «новой римской» моде. Язык и одежда являются главными маркерами, с помощью которых граждане Nova Roma манифестируют свою «новую идентичность».

Одна из провинций Nova Roma – Сарматия, русскоязычный сегмент виртуального государства, – также имеет общий язык, коллективную мифологию, религию и, что особенно важно – этноним.

Граждане провинции обладают сложными именами, указывающими на столь же сложную систему маркирования своего статуса внутри сообщества. Они состоят из родового имени, имени собственного и имени–прозвища, указывающего на социальную роль гражданина. Например, Аппий Антоний Пиктор – Антоний из рода Аппиев, художник.

Приведенные примеры, при всей их курьезности и внешнем характере игры, демонстрируют тренд к замещению идентичности ее квазиформами и имитациями на фоне резкого ослабления идентификационного потенциала реальных наций и государств. Интересной особенностью данных идентификационных стратегий является тот факт, что самоопределение индивида происходит через отождествление с виртуальной общностью, имитирующей государственные образования, народности или нации, что с очевидностью демонстрирует запрос на некий объединительный «большой» нарратив.

Вместе с тем подобные имитативные, игровые формы самоидентификации едва ли способны в полной мере реализовать свойственные идентичности функции социальной и психологической адаптации. Совершенно очевидно, что в определенных обстоятельствах в адаптивных целях индивиды могут «приписывать» себе и окружающим те или иные характеристики принадлежности. Однако в подобных случаях речь следует вести не столько о феномене идентичности в той ее онтологической и функциональной определенности, которую мы зафиксировали в первом разделе текста, сколько о ее ситуативных симулякрах в виде тех или иных социальных ролей или масок.

Маска – неотъемлемый атрибут и способ самопрезентации индивида в пространстве посткультуры. Феномен маски, в том числе, ее коммуникативный и идентификационный потенциал, исследован с достаточной степенью подробности. Однако он вновь становится проблемой в условиях посткультуры, особенно в ее цифровом сегменте, где процесс «распада “я” на множественность масок» разворачивается особенно стремительно [Штайн 2013, с. 51].

Аргументируя данный тезис, О. А. Штайн фиксирует включенность современного человека во многие пересекающиеся и образующие сеть дискурсивные поля, каждое из которых требует от индивида особой маркировки и самопрезентации, обеспечивающей доступ к ним.

Дискурс идентичности как способ «конструирования» и манифестации представлений индивида о включенности в ту или иную культурную общность (этническую, религиозную, гендерную, субкультурную и т. д.) обусловлен многими факторами: типом рациональности и уровнем знаний («эпистемой») общества, системой предписаний, ограничений и запретов, заданных конкретной культурой. Иными словами, при внешней иллюзии свободы идентичность личности формируется в контексте дискурса «власти» в том широком смысле, в котором понимал власть М. Фуко – как агентов контроля и санкционирования, включенных во все структуры социума и жестко диктующих индивиду границы одобряемого и санкционируемого поведения [Фуко 1996].

Понятно, почему маска, имеющая «лицевую и изнаночную» сторону, где «...изнанка – частная субъективность – идентичность. Лицевая – внешняя публичность – нормы, мерки» превращается в массовый феномен социальной коммуникации: «Идентичность в дискурсе – маски, маркеры, ориентиры в поле повседневности» [Штайн 2013, с. 51–52].

Данная функция маски оказалась чрезвычайно востребованной посткультурой в связи с неустойчивостью границ традиционных идентичностей и формированием новых ее типов, осмысленных в современных гендерных исследованиях как квир-идентичности и описываемых в терминах эксцентricности, маргинальности, вытеснения, эксцесса [Лауретис 2001, с. 738–758].

Но при том, что идентичность человека посткультуры становится предельно сложной и плюралистичной, практики социокультурного контроля и репрессий не только не исчезают, но становятся всё более гибкими и многообразными [Малыгина 2013, с. 126–137]. Например, дискурсивные практики, целью которых является «устыжение субъекта через его наименование». Или технология «репрессии “чуланом”», предполагающая высокую степень толерантности по отношению к любым формам перверсий, но лишь до тех пор, пока они не переходят из частного пространства в публичную сферу [Малыгина 2013, с. 126–137].

Получившие обоснование в рамках гендерных исследованиях, данные технологии «дискурса власти», безусловно, распространяются и на другие формы самоопределения и репрезентации человека.

Маска как «симулякр идентичности» в цифровой среде представлена чрезвычайно широко. Прежде всего, это аватарка как «изображение образа себя». «Аватарка» почти всегда предполагает «развоплощение субъектности» – разрыв, зазор, «дистанцию» между публичной представленностью индивида в соответствии с социальными ожиданиями и контролем и санкциями, с одной стороны, и скрытой аутентичностью и подлинностью – с другой [Штайн 2013, с. 70].

«Селфи» – широко распространенная культурная практика конструирования образа и форма репрезентации индивида в глобальной сети – тоже маска. Селфи позволяет смотреть на себя со стороны, «конструировать» и контролировать собственный образ через взгляд «другого»: селфи воспроизводит эффект зеркала, а «я» в зеркале – это «другой». Поэтому через селфи транслируются не столько личные предпочтения, сколько одобряемые в том или ином дискурсивном поле культурные модели и паттерны.

Наконец, еще одна технология «конструирования» и репрезентации идентичности, набирающая популярность в глобальной сети – маски Instagram. Имитируя техники пирсинга, тату, пластической хирургии, другие формы экспериментирования с телесностью, они позволяют «конструировать» новый образ человека, добиваясь самых противоположных эффектов – от «улучшения» внешности, ее коррекции в соответствии с канонами, навязанными «индустрией красоты», создания ироничных или «прикольных» образов – до их отвратительных аналогов, при оценке которых нравственная и эстетическая оценка становятся невозможными.

Заключение

В пространстве современной культуры проблема самоопределения личности обретает новые контексты и векторы осмысления. Вытеснение традиционных базовых идентичностей на периферию индивидуального и общественного сознания стимулирует сублимацию идентификационных стратегий самоопределения индивида в сферу массовой культуры и цифровой среды с их множественными, пересекающимися смысловыми потоками и дискурсивными полями. В результате появляются концепты «мозаичной, флуктуирующей

идентичности». Проведенный анализ позволит сделать вывод о том, что рассмотренные в статье актуальные идентификационные стратегии продуцируют имитации идентичности, ситуативные социальные роли и маски, предлагают способы адаптации индивида к конкретной ситуации, но не удовлетворяют его потребности в идентичности, укорененности и принадлежности.

Идентификационная стратегия «маски», широко распространившаяся в цифровой среде, свидетельствует о том, что из идентификационного процесса «уходит» сколько-нибудь очевидный референт значимого «другого». Эффект аватарки, селфи, маски-Instagram ориентирован одновременно на все глобальное сообщество и ни на кого конкретно. Воспроизводя эффект «зеркала», обобщенная «маска» замыкает индивида на самого себя, транслируя в то же время модели поведения, одобряемые и контролируемые в том или ином дискурсивном пространстве.

Это позволяет заключить, что новые способы самоопределения, формируемые пост-культурой, безусловно, удовлетворяют определенные интересы и запросы человека, но не обладают адаптивным потенциалом и зачастую сводятся исключительно к репрезентациям, не основанным на осознанном, рациональном выборе. Что же касается эмоциональных реакций индивида на «новые идентичности», то их в ряде ситуаций следует описывать, скорее, в терминах депрессивных состояний, нежели сакральных переживаний.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Бычков В. В.* Эстетика. М. : КНОРУС, 2012. 528 с.
- Камю А.* Бунтующий человек: Философия. Политика. Искусство. М. : Политиздат, 1990. 415 с.
- Кастельс М.* Информационная эпоха: экономика, общество и культура. М. : ГУ ВШЭ, 2000. 608 с.
- Лауретис Т. де.* В зазеркалье: женщина, кино и язык // Введение в гендерные исследования. Ч. II: Хрестоматия. Харьков : ХЦГИ, 2001 : СПб. : Алетейя, 2001. С. 738–758.
- Малыгина А. В.* Социокультурное конструирование гендера: историческая динамика дискурсивных стратегий // Культурная среда и потенциал культуры современного человека: диалектика реального и идеального. М. : МГУКИ, 2013. С. 126–137.
- Малыгина И. В.* Ярославский педагогический вестник. Гуманитарные науки. 2013. № 1. Т. I. С. 242–246.

- Маслоу А.* Теория человеческой мотивации // А. Маслоу. Мотивация и личность. СПб. : Евразия, 1999. С. 77–105.
- Пелипенко А. А., Яковенко И. Г.* Культура как система. М. : Языки русской культуры, 1998. 371 с.
- Смирнова Н. М.* Исторические типы рациональности в социальном познании // Исторические типы рациональности. М. : ИФРАН, 1995. Т. 1. С. 193–216.
- Фромм Э.* Пути из больного общества // Проблема человека в западной философии. М. : Прогресс, 1998. С. 443–482.
- Фуко М.* Порядок дискурса // Фуко М. Воля к истине: по ту сторону знания, власти и сексуальности. Работы разных лет. М. : Касталь, 1996. С. 47–96.
- Хантингтон С.* Столкновение цивилизаций. М. : АСТ, 2003. 603 с.
- Хантингтон С.* Кто мы?: Вызовы американской национальной идентичности. М. : АСТ : Транзиткнига, 2004. 635 с.
- Штайн О. А.* Маска как форма идентичности. Введение в философию образа. СПб. : Изд-во РХГА, 2013. 160 с.
- Nova Roma. URL: www.novaroma.org/nr/Main_Page (25.10.2019).
- Pandia. URL: pandia.ru/text/78/158/39091.php (23.10.2019)

REFERENCES

- Bychkov V. V.* Jestetika. М. : KNORUS, 2012. 528 s.
- Kamju A.* Buntujushhij chelovek: Filosofija. Politika. Iskusstvo. М. : Politizdat, 1990. 415 s.
- Kastel's M.* Informacionnaja jepoha: jekonomika, obshhestvo i kul'tura. М. : GU VShJe, 2000. 608 s.
- Lauretis T. de.* V zazerkal'e: zhenshhina, kino i jazyk // Vvedenie v gendernye issledovanija. Ch. II: Hrestomatija. Har'kov : HCGI, 2001 : SPb. : Aletejja, 2001. S. 738–758.
- Malygina A. V.* Sociokul'turnoe konstruirovanie gendera: istoricheskaja dinamika diskursivnyh strategij // Kul'turnaja sreda i potencial kul'tury sovremennogo cheloveka: dialektika real'nogo i ideal'nogo. М. : MGUKI, 2013. S. 126–137.
- Malygina I. V.* Jaroslavskij pedagogicheskij vestnik. Gumanitarnye nauki. 2013. № 1. Т. I. S. 242–246.
- Maslou A.* Teorija chelovecheskoj motivacii // A. Maslou. Motivacija i lichnost'. SPb. : Evrazija, 1999. S. 77–105.
- Pelipenko A. A., Jakovenko I. G.* Kul'tura kak sistema. М. : Jazyki russkoj kul'tury, 1998. 371 s.
- Smirnova N. M.* Istoricheskie tipy racional'nosti v social'nom poznanii // Istoricheskie tipy racional'nosti. М. : IFRAN, 1995. Т. 1. S. 193–216.
- Fromm Je.* Puti iz bol'nogo obshhestva // Problema cheloveka v zapadnoj filosofii. М. : Progress, 1998. S. 443–482.

Fuko M. Porjadok diskursa // *Fuko M.* Volja k istine: po tu storonu znanija, vlasti i seksual'nosti. Raboty raznyh let. M. : Kastal', 1996. S. 47–96.

Hantington S. Stolknovenie civilizacij. M. : AST, 2003. 603 s.

Hantington S. Kto my?: Vyzovy amerikanskoj nacional'noj identichnosti. M. : AST : Tranzitkniga, 2004. 635 s.

Shtajn O.A. Maska kak forma identichnosti. Vvedenie v filosofiju obraza. SPb. : Izd-vo RHGA, 2013. 160 s.

Nova Roma. URL: www.novaroma.org/nr/Main_Page (25.10.2019).

Pandia. URL: pandia.ru/text/78/158/39091.php (23.10.2019).

УДК 008

М. А. Поletaева

кандидат культурологии, доцент кафедры мировой культуры Московского государственного лингвистического университета;
e-mail: m.poletaeva@mail.ru

СТАНОВЛЕНИЕ И РАЗВИТИЕ КАНАДСКОГО МУЛЬТИКУЛЬТУРАЛИЗМА: ОПЫТ КУЛЬТУРОЛОГИЧЕСКОГО АНАЛИЗА

В статье проведен культурологический анализ этапов становления и развития канадского мультикультурализма в качестве основной стратегии культурной политики. Автор выделяет три основных этапа исследуемого с позиций культурологии процесса: зарождение основных направлений в рамках гражданского общества (до 1971 г.), формирование основ институционализации (1971–1981), институциональный этап (1982 г. – настоящее время).

Первый этап характеризуется принятием Акта об иммиграции в 1869 г., благодаря которому канадское общество получило возможность развивать инициативы по сохранению этнического и культурного многообразия. На втором этапе реализации культурной политики основной тенденцией становится формирование различного уровня государственных институций, отвечающих за эффективную реализацию различных векторов и направлений политики мультикультурализма. И, наконец, характеризуя современный этап реализации исследуемой политики, автор делает акцент на таких ее характеристиках, как контроль за соблюдением прав человека, реализация различных программ поликультурной направленности, повышение, в целом, уровня осведомленности населения с помощью организации различных мероприятий, в том числе и по инициативе граждан. Рассматривается специфика общественного дискурса канадского общества в отношении реализации политики мультикультурализма, и делается вывод о высоком уровне социальной солидарности граждан Канады в условиях значительного культурного многообразия.

Ключевые слова: политика мультикультурализма; современная культура Канады; культурное разнообразие; культурные различия; культурная идентичность.

M. A. Poletaeva

PhD (Culturology), Assistant Professor at the Department of World Culture, Moscow State Linguistic University; e-mail: m.poletaeva@mail.ru

FORMATION AND DEVELOPMENT OF CANADIAN MULTICULTURALISM: A CASE STUDY OF CULTURAL ANALYSIS

The article contains a culturological analysis of the stages of formation and development of Canadian multiculturalism as the main strategy of cultural policy. The author highlights three main stages of the process from the perspective of culturology:

the genesis of the main trends in civil society (until 1971), the development of the foundations of institutionalization (1971–1981), institutionalization (1982 – present time).

The first stage is characterized by the Immigration Act of 1869, which made an opportunity for Canadian society to develop initiatives to preserve ethnic and cultural diversity. The second stage of the cultural policy has been marked by the formation of different levels of government institutions responsible for the effective realisation of different vectors and trends of multiculturalism. Finally, in description of the current stage of implementation of these policies, the author focuses on such characteristics as control over respect for human rights, implementation of various multicultural programs, raising the level of public awareness through various events, also initiated by citizens.

The conclusion discusses the specifics of Canadian society's public discourse on the realisation of multicultural policies and suggests a high level of social solidarity among Canadians in the context of significant cultural diversity.

Key words: multiculturalism policy; contemporary Canadian culture; cultural diversity; cultural differences; cultural identity.

Введение

Концепция канадского мультикультурного общества может быть интерпретирована как культурологический факт в обществе, которое составляют люди, относящиеся к различным расам и национальностям, а также как направление политики, сопряженное с управлением и поддержкой культурного разнообразия путем различных официальных и гражданских инициатив на федеральном, региональном и муниципальном уровнях.

Следует отметить при этом, что Канада изначально формировалась как мультикультурное государство, поскольку уже во время колонизации на территории сложились три основные этнические группы: коренное население (аборигены), британцы и французы [Makarenko URL]. Несмотря на то, что две последние группы считаются европейскими мигрантами, в них также наблюдалось немало различий не только в языковом отношении, но и в отношении таких культурных маркеров, как религия, образ жизни, поведенческие паттерны и т. д. Такой подход, при котором одна нация не выделяется среди остальных в качестве доминантной, а напротив, все нации и культуры являются равноценными, серьезно повлиял на дальнейшее становление государства.

Основные этапы генезиса политики мультикультурализма в Канаде

Принято считать, что политика мультикультурализма в Канаде реализуется в три основных этапа: зарождение основных направлений

в рамках гражданского общества (до 1971 г.), формирование основ институционализации (1971–1981), институциональный этап (1982 – настоящее время) [Brosseau, Dewing, URL].

Первые шаги в отношении мультикультурализма были сделаны с принятием Акта об иммиграции (Act of Immigration) в 1869 г. На тот момент целью реализации документа было обеспечение безопасности иммигрантов и их защита от всевозможных форм эксплуатации. Акт устанавливал и специфические правила, которые касались приезда иммигрантов на территорию Канады, как, например, ограничение на количество человек на каждом судне во избежание его перегрузки [Majzoub URL].

Однако наибольший миграционный приток Канада пережила во второй половине XX в., причем если в первой половине века мигранты приезжали из Европы, в частности из Великобритании, то уже к концу столетия наблюдался всё больший прирост приезжих из Азии, Африки, Ближнего Востока, а также Центральной и Южной Америки. Изменение этнонационального состава потока мигрантов заставило правительство пересмотреть свою миграционную политику, которая изначально была преимущественно рассчитана на поддержку образованных белых людей из Европы или США: во второй половине XX в. в этническом составе страны стали всё больше и больше выделяться такие народы, как китайцы и индийцы. В связи с этим политика мультикультурализма была трансформирована таким образом, чтобы предоставить возможность адекватных условий для развития культуры расово и этнически различных народов и наций вновь прибывающих мигрантов.

В 1971 г. начинается новый этап формирования культурной политики: правительство Канады признает мультикультурализм основной характеристикой канадского общества. Данная политика базируется на взглядах о том, что каждая этнокультурная группа на территории страны вносит свой вклад в формирование канадской нации, а также признает права аборигенов и устанавливает два государственных языка – английский и французский. В качестве основных целей были выделены следующие приоритеты в области культуры: поддержание культурной идентичности всех этнических групп; активная социализация и инкультурация иноэтничных групп в рамках канадского общества; поощрение культурного обмена между всеми гражданами Канады;

оказание государственной помощи мигрантам в изучении одного из официальных языков государства [Human, Meinhard, Shields URL].

Достижение этих целей требовало определенной финансовой поддержки со стороны правительства, поэтому около 200 миллионов канадских долларов было выделено на ближайшие 10 лет на финансовое обеспечение нового этапа мультикультурализма [Human, Meinhard, Shields, URL]. Логичным продолжением политики мультикультурализма в 1973 г. стало создание Министерства контроля и обеспечения мультикультурных инициатив.

Начиная с 1982 г., мультикультурализм вступает в период полной институционализации, который продолжается до сих пор. В том же году основные положения политики мультикультурализма были закреплены в Канадской Хартии прав и свобод (The Canadian Charter of Rights and Freedoms) – декларации прав, которая образует первую часть Конституционного акта 1982 г.:

«15. (1) Каждый индивид равен перед законом и имеет право на защиту без дискриминации, в частности без дискриминации, основанной на расе, национальном или этническом происхождении, цвете кожи, религии, поле, возрасте, ментальной или физической недееспособности».

«16. (1) Английский и французский языки являются официальными языками Канады и имеют одинаковый статус, равные права и привилегии для их использования во всех учреждениях Парламента и правительства Канады».

«27. Данная Хартия должна пониматься в соответствии с сохранением и приумножением мультикультурного наследия канадцев».

«35. (1) Существующие и обговоренные права аборигенных народов Канады здесь признаны и подтверждены» [Canadian Race Relations Foundation Act. URL].

Определения и основания мультикультурализма закреплены в других официальных документах Канады, наиболее важным из них можно считать Канадский Акт о мультикультурализме (The Canadian Multiculturalism Act), изданный в 1988 г., фиксирующий законность мультикультурализма в стране и представляющий собой наиболее полное и конкретное описание и обоснование данной политики, в отличие от предыдущих документов [The Canadian Multiculturalism Act. URL]. Целью Акта является сохранение и приумножение

мультикультурного наследия Канады, при этом гарантируется равенство всех граждан перед законом независимо от пола, расы, национальности, религии и языка, а также защиту прав человека и борьба с расовой и этнической дискриминацией. В качестве основных принципов были сформулированы следующие положения:

1) «признавать и распространять убеждение, что мультикультурализм отражает культурное и расовое разнообразие канадского общества, также признается свобода всех членов канадского общества сохранять, приумножать и распространять свое культурное наследие;

2) признавать и распространять убеждение, что мультикультурализм – это основная характеристика канадского наследия и идентичности, и что он представляет собой бесценный ресурс для будущего Канады;

3) проверять, чтобы все индивиды получали равное обращение к себе и равную защиту перед законом в рамках уважения их разнообразия;

4) воспитывать признание и уважение к разнообразным культурам канадского общества и распространять их влияние и способы выражения в стране;

5) сохранять и приумножать использование других языков, помимо английского и французского, при этом усилив статус и использование официальных языков Канады» [The Canadian Multiculturalism URL].

Согласно этому акту, у федеральных учреждений также существуют определенные обязанности в рамках политики мультикультурализма, к которым относятся следующие: «Проверять, чтобы все канадцы любого происхождения имели одинаковую возможность получить работу и дальнейшее продвижение в данных учреждениях; распространять положения политики, а также программы и практики, которые увеличивают возможности индивидов и общин любого происхождения вносить свой вклад в непрерывное развитие Канады; распространять положения политики, а также программы и практики, которые помогают повысить уровень понимания и уважения многообразия членов канадского общества; собирать статистические данные для развития политики, программ и практик, которые напрямую относятся к мультикультурной реальности Канады; использовать языковые навыки и понимание культуры индивидов любого происхождения; в целом,

---

выполнять свои обязанности в соответствии с мультикультурной реальностью Канады» [The Canadian Multiculturalism Act. URL].

Благодаря введению Акта Канада считается первой страной в мире, признавшей мультикультурализм официальной и основной государственной политикой [Majzoub S. Multiculturalism Isa Canadian Success Story URL].

В 1991 г. Парламент Канады принял Учредительный акт о канадских расовых взаимоотношениях (the Canadian Race Relations Foundation Act) [Canadian Race Relations Foundation Act. URL]. Позже в Торонто была основана специальная Организация Race Relations Foundation, призванная помочь снизить уровень расизма и расовой дискриминации путем общественного просвещения: сбор необходимой информации; изучение причин возникновения расизма и расовой дискриминации; повышение уровня осведомленности населения о важности прекращения расизма [Brosseau, Dewing URL]. В этом же году был создан Департамент мультикультурализма и гражданства (Department of Multiculturalism and Citizenship), под руководством которого были открыты многообразные культурные программы, такие как: «Расовые взаимоотношения и кросс-культурное взаимопонимание», направленная на поощрение принятия и уважения принципов расового равенства и мультикультурализма; «Культуры и языки, являющиеся государственным наследием», содействующая сохранению, приумножению и распространению культур и языков различных этнокультурных групп на территории Канады, «Общественная поддержка и участие» как возможность полноценного участия граждан расовых и этнокультурных меньшинств в общественной жизни страны индивидуально и коллективно.

Таким образом, мы можем сделать вывод о том, что предыдущая стратегия культурной политики концентрировалась преимущественно на сохранении и распространении культурного многообразия посредством развития различных общественных инициатив, тогда как политика мультикультурализма в конце XX в. меняет свое направление и нацелена на выстраивание кросс-культурного взаимопонимания, а также социальной и экономической интеграции.

Департамент мультикультурализма и гражданства просуществовал совсем недолго: уже в 1993 г. он прекратил свою работу. На смену ему пришли Департамент наследия Канады (Department of Canadian Heritage), который взял под контроль все программы, связанные

с мультикультурализмом, и Департамент гражданства и иммиграции (Department of Citizenship and Immigration), который стал заниматься вопросами гражданства [Brosseau, Dewing URL]. Однако после реорганизации Правительство стало получать критические отзывы со стороны общества в отношении методов реализации политики мультикультурализма. В связи с этим в 1995 г. был назначен пересмотр положений и мероприятий культурной политики в Канаде. В этой связи уже с 1997 г. Правительство объявило о новой стратегии культурной политики, которая базировалась на трех главных основаниях: социальной справедливости (построение равного и справедливого общества), гражданском участии (гарантия участия в общественной жизни всех канадских граждан любого происхождения) и сохранении идентичности (поощрение общества в принятии и уважении разнообразия культур, чтобы граждане любого происхождения чувствовали себя равноправными членами канадского сообщества) [Brosseau, Dewing URL].

В 2002 г., после введения изменений в культурную политику, правительство объявило об утверждении Дня мультикультурализма в Канаде (Canadian Multiculturalism Day) ежегодно 27 июня [Nicol URL].

В 2008 г. вновь произошла реорганизация департаментов: теперь Департамент наследия Канады больше не занимался вопросами мультикультурализма, поэтому они были переданы в ведение Департаменту гражданства и иммиграции. В связи с этим были введены некоторые поправки в основные приоритеты политики мультикультурализма:

1) поддержка экономической, социальной и культурной интеграции для новых граждан и сообществ Канады;

2) поддержка программ, направленных на развитие менторства, волонтерства и гражданского воспитания среди молодежи в группе риска;

3) распространение межкультурного понимания и истинных канадских ценностей (демократия, свобода, права человека, власть закона) посредством различных общественных инициатив с целью устранить разрозненность отдельных сообществ [Brosseau, Dewing URL].

В 2013 г. Правительство Канады создало Организацию по вопросам свободы вероисповедания (the Office of Religious Freedom), главными целями которого являются защита религиозных меньшинств, а также совершенствование политики и специальных программ в целях поддержки права на свободу вероисповедания. Деятельность

Организация была направлена на помощь в реализации этого права в других странах. Однако 31 марта 2016 г. было принято решение закрыть Организацию [Brosseau, Dewing URL].

После проведения выборов в Канаде в 2015 г. Правительство объявило об очередной внутренней реорганизации при проведении политики мультикультурализма. Теперь вопросами мультикультурализма занимался Департамент наследия Канады, как это было изначально в 1993 г., а не Департамент иммиграции, беженцев и гражданства. Однако основные цели и задачи культурной политики остались прежними с момента их объявления в 2010 г.

17 мая 2016 г. Правительство объявило о создании Организации по правам и свободам человека и инклюзии (the Office of Human Rights, Freedoms and Inclusion). Такое решение было принято, чтобы заменить ранее закрытую Организацию по вопросам свободы вероисповедания. Новая Организация призвана консультировать сообщества – представителей различных религий, а также распространять уважение к свободе вероисповедания и правам человека [Brosseau, Dewing URL].

На сегодняшний день почти все организации по реализации культурной политики продолжают работать в отношении соблюдения прав человека, проводить различные программы, согласно действующей политике мультикультурализма, повышать уровень осведомленности населения с помощью организации различных мероприятий, в том числе и по инициативе граждан.

Заключение

Характеризуя отношение канадского общества к политике мультикультурализма, можно отметить, что в целом канадцы поддерживают концепцию мультикультурного сообщества, сложившегося на территории государства. Более того, отношение к росту иммиграции и уровня мультикультурализма в общем становится более позитивным из года в год. По статистике, процент канадцев, считающих мультикультурализм символом канадской идентичности, вырос с 37% в 1997 г. до 54% в 2015 г. Одновременно процент канадцев, считающих число иммигрантов слишком большим, опустился с 61% в 1977 г. до 37% в 2016 г. [Brosseau, Dewing URL].

Несмотря на тот факт, что многие канадцы поддерживают мультикультурализм, отношение к религиозному разнообразию в стране

не однозначно. По результатам опросов в 2017 г., на вопрос о том, хорошо или плохо ли иметь религиозное разнообразие в Канаде, 26 % опрошенных ответили положительно, 23 % опрошенных не разделяют такую точку зрения и считают, что это плохо, остальные не смогли однозначно ответить на этот вопрос [Brosseau, Dewing URL].

Безусловно, в любом обществе есть сторонники и критики государственной культурной политики и других, важных для страны вопросов. Однако в данном случае критики выражают опасения, что канадская политика мультикультурализма делает слишком большой акцент на разнообразии в ущерб единству граждан, т. е. общественные отличия выделяются больше, чем общие канадские ценности.

С другой стороны, сторонники канадской версии мультикультурализма убеждены, что такой подход способствует лучшей интеграции иммигрантов в общество, поскольку им дают понять, что не нужно делать выбор между сохранением своего культурного наследия и полноценным участием в канадском обществе, эти векторы культурного развития можно эффективно совмещать.

Таким образом, можно сказать, что политика мультикультурализма в Канаде постоянно меняла фокус в зависимости от времени и поставленных задач, но, тем не менее, основной целью и на сегодняшний день считается построение интегрированного сообщества и создание ситуации, при которой деятельность государственных учреждений и общественных организаций максимально отвечала бы потребностям этнически и культурно разнообразного канадского населения.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Brosseau L., Dewing M.* Canadian Multiculturalism. URL: lop.parl.ca/sites/PublicWebsite/default/en_CA/Research-Publications/200920E (дата обращения: 5.10.2019).
- Canadian Charter of Rights and Freedoms (Constitution Act, 1982, Part I) URL: laws-lois.justice.gc.ca/eng/Const/page-15.html#docCont (дата обращения: 24.10.2019).
- Canadian Race Relations Foundation Act. URL: laws-lois.justice.gc.ca/eng/acts/C-21.8/ (дата обращения: 5.10.2019).
- Hyman I., Meinhard A., Shields J.* The Role of Multiculturalism Policy in Addressing Social Inclusion Processes in Canada. URL: www.ryerson.ca/content/dam/cvss/reports/2011%20v3%20The%20Role.pdf (дата обращения: 20.10.2019).

-
- Majzoub S.* Multiculturalism Isa Canadian Success Story. URL: www.huffingtonpost.ca/samer-majzoub/multiculturalism-in-canada_b_9388576.htm (дата обращения: 15.10.2019).
- Makarenko J.* Multiculturalism Policy in Canada: Ethnic and Cultural Diversity in Canada. URL: www.mapleleafweb.com/features/multiculturalism-policy-canada (дата обращения: 16.10.2019).
- Nicol J.* Canadian Multiculturalism Day: The Role of Language in Showing Respect for Diversity. URL: hillnotes.ca/2014/08/12/canadian-multiculturalism-day-the-role-of-language-in-showing-respect-for-diversity/ (дата обращения: 5.10.2019).
- The Canadian Multiculturalism Act R.S.C., 1985, c. 24 (4th Supp.) URL: laws.justice.gc.ca/eng/acts/C-18.7/page-1.html (дата обращения: 24.10.2019).

REFERENCES

- Brosseau L., Dewing M.* Canadian Multiculturalism. URL: lop.parl.ca/sites/PublicWebsite/default/en_CA/Research-Publications/200920E (дата обращения: 5.10.2019).
- Canadian Charter of Rights and Freedoms (Constitution Act, 1982, Part I) URL: laws-lois.justice.gc.ca/eng/Const/page-15.html#docCont (дата обращения: 24.10.2019).
- Canadian Race Relations Foundation Act. URL: laws-lois.justice.gc.ca/eng/acts/C-21.8/ (дата обращения: 5.10.2019).
- Hyman I., Meinhard A., Shields J.* The Role of Multiculturalism Policy in Addressing Social Inclusion Processes in Canada. URL: www.ryerson.ca/content/dam/cvss/reports/2011%20v3%20The%20Role.pdf(дата обращения: 20.10.2019).
- Majzoub S.* Multiculturalism Isa Canadian Success Story. URL: www.huffingtonpost.ca/samer-majzoub/multiculturalism-in-canada_b_9388576.htm (дата обращения: 15.10.2019).
- Makarenko J.* Multiculturalism Policy in Canada: Ethnic and Cultural Diversity in Canada. URL: www.mapleleafweb.com/features/multiculturalism-policy-canada (дата обращения: 16.10.2019).
- Nicol J.* Canadian Multiculturalism Day: The Role of Language in Showing Respect for Diversity. URL: hillnotes.ca/2014/08/12/canadian-multiculturalism-day-the-role-of-language-in-showing-respect-for-diversity/ (дата обращения: 5.10.2019).
- The Canadian Multiculturalism Act R.S.C., 1985, c. 24 (4th Supp.) URL: laws.justice.gc.ca/eng/acts/C-18.7/page-1.html (дата обращения: 24.10.2019).

Сетевое электронное научное издание

ВЕСТНИК
Московского государственного
лингвистического университета
Гуманитарные науки
Выпуск 13 (829)

VESTNIK
of Moscow
State Linguistic University
Humanitarian Sciences
Issue 13 (829)

Ответственный редактор выпуска 13 (829)
доктор филологических наук, профессор Л. В. Моисеенко

Редакторы:
Е. М. Евдокимова, Н. Г. Павлова, М. М. Сингал

Компьютерная верстка: Г. П. Лопатина
Дизайн обложки: А. Г. Проскуряков

ФГБОУ ВО МГЛУ
Подписано в печать 27.12.2019
Усл. печ. л. 12,0. Формат 60х90/16
Заказ № 102/19

Адрес редакции:
119034, г. Москва, ул. Остоженка, 38, стр. 1
Тел.: (499) 245 33 23
E-mail: ipk-mglu@rambler.ru

В «Вестнике Московского государственного лингвистического университета. Гуманитарные науки» публикуются основные научные результаты диссертаций на соискание ученой степени кандидата наук, на соискание ученой степени доктора наук по следующим отраслям науки и/или группам специальностей научных работников:

10.02.00 – Языкознание
10.01.00 – Литературоведение
24.00.00 – Культурология

«Вестник Московского государственного лингвистического университета. Гуманитарные науки» является преемником сборников научных трудов с 1940 года и, начиная с 2002 года, следующих выпусков «Вестника Московского государственного лингвистического университета»: «Лингвистика», «Языкознание», «Филологические науки», «Языкознание и литературоведение», «Восточные языки», «Философия», «Философия и культурология».

© ФГБОУ ВО МГЛУ, 2019

Издание зарегистрировано 10 июня 2016 г. Эл № ФС77-66051 Федеральной службой по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций (Роскомнадзор)
Доменное имя сайта: vestnik-mslu.ru

Учредитель: ФГБОУ ВО МГЛУ

Ссылка на издание обязательна